МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ.

СОДЕРЖАНИЕ

И. В. Сталин — О некоторых вопросах истории большевизма.

ПРОЗА И СТИХИ:
Н. Асеев, В. Станский, Б. Ясенский, М. Завьялов, В. Аврущенко, Б. Лапин и З. Хацревин, В. Шенштедт, Б. Глебов.

ПУБЛИЦИСТИКА:
А. Кесарев.

ЗА РУБЕЖОМ:
Ю. Корольков.

ПОКАЗЫВАЕМ ЛУЧШИХ:
С. Фиксин.

НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ:
И. Александров.

ИСКУССТВО:
Л. Варшавский.

НАША ТРИБУНА:
И. Макарьев, А. Безыменский, А. Т[illegible]кий, Г. Грив.

КРИТИКА:
Г. Бровман.

СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
П. Сагарев, Я. Соммер.

БИБЛИОГРАФИЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ

1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ. ОРГАН ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.



КНИГА
ПЕРВАЯ

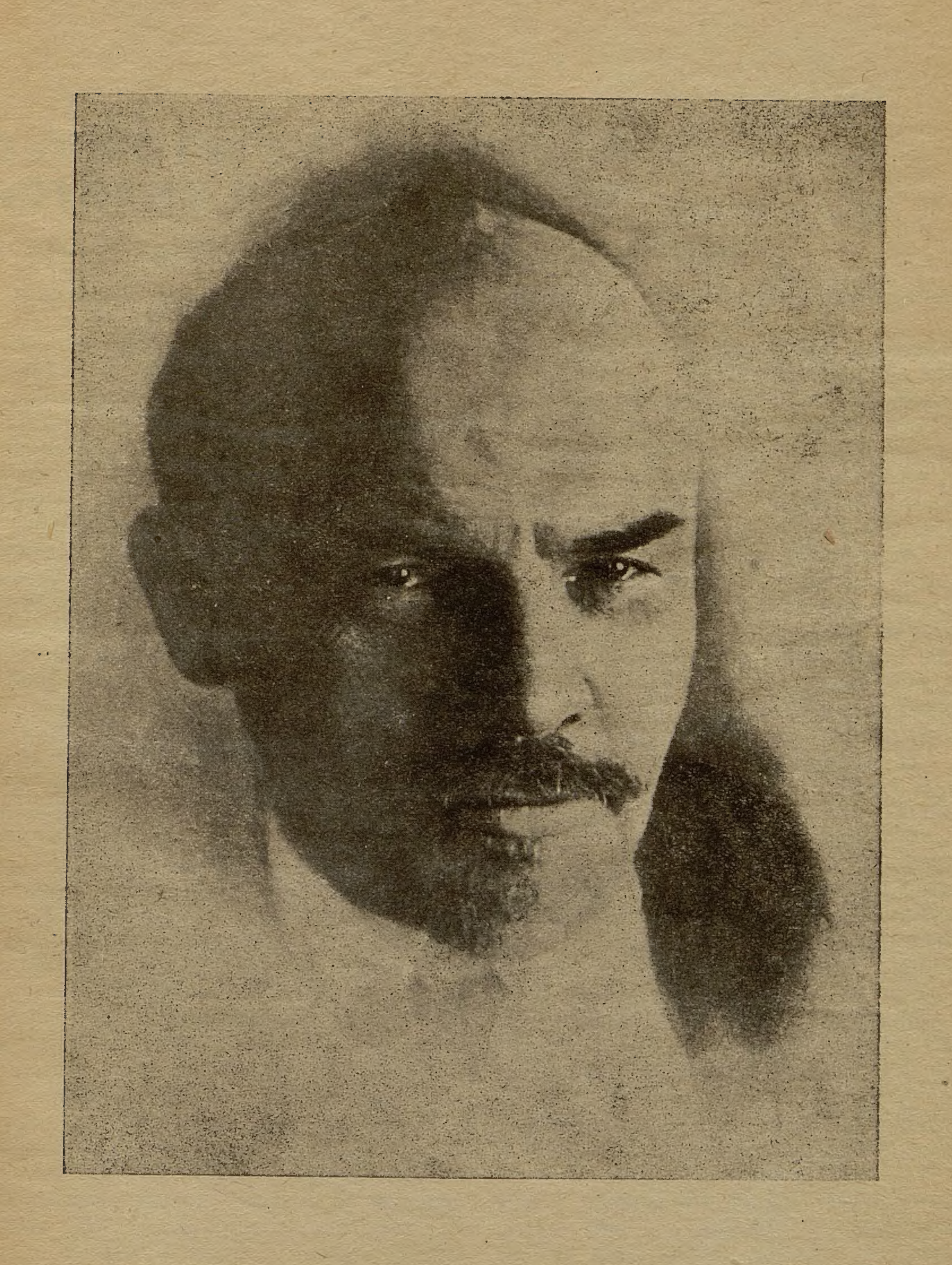
ОГИЗ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЯНВАРЬ
1932

Заведующий редакцией М. МИРИНГОФ.
Технический редактор И. СОЛЕНОВ.

7-я тип. „Искра революции“ Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Уполн. Главлита Б—17 002. Тираж 15 165. СтАт Б5—176×250 мм. 10¼ п. л.; 67 000 зн. в п. л. М. Г. 2962. З. Т. 2819. Рукопись сдана в набор 20/XII—31 г., подисана в в печать 20/I—32 г. I квартал.

Адрес редакции: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 8. Тел. 4-17-74.



И. В. Сталин

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ"

Уважаемые товарищи!

Решительно протестую против помещения в журнале «Пролетарская революция» (№ 6, 1930 г.) антипартийной и полутроцкистской статьи Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса» как статьи дискуссионной.

Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) недооценивал опасности **центризма** в германской и вообще предвоенной социал-демократии, то есть недооценивал опасности прикрытого оппортунизма, опасности примиренчества с оппортунизмом. Иначе говоря, по Слуцкому выходит, что Ленин (большевики) не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом, ибо неодооценка центризма есть по сути дела отказ от развернутой борьбы с оппортунизмом. Выходит таким образом, что Ленин в период и перед войной не был еще настоящим большевиком, что лишь в период империалистской войны или даже в исходе этой войны Ленин стал настоящим большевиком. Так повествует в своей статье Слуцкий. А вы, вместо того чтобы заклеймить этого новоявленного «историка» как клеветника и фальсификатора, ввязываетесь с ним в дискуссию, даете ему трибуну. Не могу не протестовать против помещения в вашем журнале статьи Слуцкого как статьи дискуссионной, так как нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос о **большевизме** Ленин, вопрос о том, **вел** Ленин принципиальную непримиримую борьбу с центризмом как известным видом оппортунизма или **не вел** ее, **был** Ленин настоящим большевиком или **не был** таковым.

В своем заявлении «от редакции», присланном в ЦК 20 октября, вы признаете, что редакция допустила ошибку, поместив статью Слуцкого в качестве дискуссионной статьи. Это конечно хорошо, несмотря на то, что заявление редакции появляется с большим запозданием. Но вы допускаете в своем заявлении новую ошибку, декларируя, что «редакция считает политически крайне актуальным и необходимым дальнейшую разработку на страницах «Пролетарской революции» всего круга проблем, связанных с взаимоотношением большевиков с довоенным II Интернационалом». Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в «дальнейшей разработке». Почему, на каком основании? Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаясь превратить аксиому в проблему, подлежащую «дальнейшей разработке». Почему? На каком основании? Может быть, по незнакомству с историей большевизма? Может быть, ради гнилого либерализма, чтобы Слуцкие и прочие ученики Троцкого не могли сказать, что им за-

жимают рот? Довольно странный либерализм, проводимый за счет кровных интересов большевизма...

Что, собственно, считает редакция достойным дискуссионного рассмотрения в статье Слуцкого?

1) Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) не вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами германской социал-демократии, с оппортунистами II Интернационала довоенного периода. Вы хотите дискуссировать против этого троцкистского тезиса Слуцкого. Но что тут дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий просто клевещет на Ленина, на большевиков? Клевету нужно заклеймить, а не превращать в предмет дискуссии.

Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в российской социал-демократической партии, и там, во II Интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905 гг.) снискали себе в рядах оппортунистов II Интернационала почетную славу «раскольников» и «дезорганизаторов». Но что мог сделать Ленин, что могли сделать большевики, если левые с.-д. во II Интернационале и прежде всего в германской социал-демократии представляли слабую и немощную группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную, группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»? Нельзя же требовать, чтобы Ленин, чтобы большевики устроили из России за левых раскол в западных партиях. Я уже не говорю о том, что организационная и идеологическая слабость была характерной чертой левых с.-д. не только в период довоенный. Она, эта отрицательная черта, как известно, сохранилась за левыми и в период после войны. Всем известна оценка германских левых с.-д. в известной статье Ленина «О брошюре Юниуса» [1], писанной в октябре 1916 года, то есть спустя более двух лет после начала войны, где Ленин, критикуя целый ряд серьезнейших политических ошибок левых с.-д. в Германии, говорит о **«слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам»**, где он говорит о том, что **«Юниус не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги»**.

Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии. Вот если бы Слуцкие попытались даже не доказать, а просто предположить, что Ленин и русские большевики не использовали всей своей мощи для того, чтобы организовать раскол с оппортунистами (Плеханов, Мартов, Дан) и изгнать центристов (Троцкий и прочие сторонники августовского блока),—то тогда можно было бы спорить о большевизме Ленина, о большевизме большевиков. Но в том-то и дело, что Слуцкие не смеют даже заикнуться в пользу такого дикого предположения. Не смеют, так как знают, что всем известные факты решительной политики разрыва с оппортунистами всех мастей, проводившейся русскими большевиками (1904—1912 гг.), вопят против такого предположения. Не смеют, так как знают, что на другой же день будут они пригвождены к позорному столбу.

Но вот вопрос: могли ли русские большевики осуществить раскол со своими оппортунистами и центристами-примиренцами задолго до империалистской войны (1904—1912 гг.), не ведя

[1] Юниус—Роза Люксембург, лидер левых с.-д. в германской социал-демократии.

вместе с тем линию на разрыв, линию на раскол с оппортунистами и центристами II Интернационала? Кто может сомневаться в том, что русские большевики считали свою политику в отношении оппортунистов и центристов образцом политики для левых на Западе? Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых с.-д. на Западе, в частности левых в германской социал-демократии, на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые с.-д. на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы итти по стопам русских большевиков.

2) Слуцкий упрекает Ленина и большевиков, что они не поддерживали левых в германской с.-д. решительно и бесповоротно, что они поддерживали их лишь с серьезными оговорками, что фракционные соображения мешали им поддерживать левых до конца. Вы хотите дискуссировать против этого шарлатанского и насквозь фальшивого упрека. Но что тут, собственно, дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий здесь маневрирует и старается прикрыть фальшивым упреком против Ленина и большевиков действительные прорехи в позиции левых в Германии? Разве не ясно, что большевики не могли поддерживать левых в Германии, то и дело колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом, без серьезных оговорок, без серьезной критики их ошибок, не **изменяя** рабочему классу и его революции? Мошеннические маневры нужно заклеймить, а не превращать в предмет дискуссии.

Да, большевики поддерживали левых с.-д. в Германии лишь с известными серьезными оговорками, критикуя их полуменьшевистские ошибки. Но за это надо их приветствовать, а не упрекать.

Есть люди, которые сомневаются в этом?

Обратимся к наиболее известным фактам из истории.

а) В 1903 году выявились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками в России по вопросу о членстве в партии. Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию. Опасность такого наплыва была тогда более чем реальна в виду буржуазно-демократического характера русской революции. Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам. В виду важности вопросов русской революции для мирового революционного движения западноевропейские социал-демократы решили вмешаться в дело. Вмешались и левые с.-д. в Германии, Парвус и Роза Люксембург, тогдашние лидеры левых. И что же? Оба они высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру.

б) В 1905 году развернулись разногласия между большевиками и меньшевиками в России о характере русской революции. Большевики отстаивали идею союза рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства объявили реакционной, бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуазной революции. Как отнеслись к этим спорам левые в германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург? Они сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной

революции (уродливое изображение Марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма.

в) В период перед войной в партиях II Интернационала выступил на сцену как один из актуальнейших вопросов вопрос национально-колониальный, вопрос об угнетенных нациях и колониях, вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и окружения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевиков травили, как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые с.-д. на Западе? Они развили полуменьшевистскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевистскую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-колониального вопроса, — марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма.

Таковы всем известные ошибки левых с.-д. в Германии.

Я уже не говорю о других ошибках германских левых, раскритикованных в соответствующих статьях Ленина.

Не говорю также об ошибках, допущенных ими при оценке политики большевиков в период октябрьского переворота.

О чем говорят эти ошибки германских левых, взятые из истории довоенного периода, как не о том, что левые с.-д., несмотря на свою левизну, не освободились еще от меньшевистского багажа?

Конечно у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела. Я имею в виду целый ряд их заслуг и революционных выступлений по вопросам внутренней политики и в частности избирательной борьбы, по вопросам парламентской и внепарламентской борьбы, об общей забастовке, о войне, о революции 1905 г. в России и т. д. Именно поэтому и считались с ними большевики как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались в виду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков.

Судите теперь сами, могли ли Ленин и большевики поддерживать левых с.-д. на Западе **без серьезных оговорок, без серьезной критики** их ошибок, не изменяя интересам рабочего класса, не изменяя интересам революции, не изменяя коммунизму.

Не ясно ли, что Слуцкий, упрекая Ленина и большевиков в том, по поводу чего он должен был бы их приветство-

вать, если бы он был большевиком, — разоблачает себя до конца как полуменьшевика, как замаскированного троцкиста?

Слуцкий делает предположение, что Ленин и большевики в своей оценке левых на Западе исходили из своих фракционных соображений, что, стало быть, русские большевики приносили в жертву интересам своей фракции великое дело международной революции. Едва ли нужно доказывать, что не может быть ничего пошлее и гнуснее такого предположения. Не может быть ничего пошлее, так как даже оголтелые пошляки из меньшевиков начинают понимать, что русская революция не есть частное дело русских, что она, наоборот, является делом рабочего класса всего мира, делом мировой пролетарской революции. Не может быть ничего гнуснее, так как даже профессиональные клеветники из II Интернационала начинают понимать, что последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран.

Да, русские большевики выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции, в роде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п. Они выдвигали эти вопросы как пробный камень, на котором они проверяли революционную выдержанность левых с.-д. на Западе. Имели ли они на это право? Да, имели. Не только имели, но обязаны были поступать таким образом. Они обязаны были поступать таким образом, так как все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику. Они обязаны были поступать таким образом, так как только на таких вопросах можно было проверять по-настоящему революционность тех или иных группировок II Интернационала. Спрашивается, в чем же тут «фракционность» руских большевиков и при чем здесь «фракционные» соображения?

Ленин еще в 1902 году писал в своей брошюре «Что делать?», что **«история поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны»,** что **«осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».** Со времени выхода в свет брошюры «Что делать?» прошло 30 лет. Никто не смеет отрицать, что события за этот период блестяще подтвердили слова Ленина. Но не следует ли из этого, что русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции?

Не ясно ли, что только на таких коренных вопросах можно было проверить по-настоящему революционность левых с.-д. на Западе?

Не ясно ли, что люди, рассматривающие эти вопросы как вопросы «фракционные», разоблачают себя до конца как пошляков и перерожденцев?

3) Слуцкий утверждает, что не найдено еще достаточного количества официальных документов, свидетельствующих о решительной и непримиримой борьбе Ленина (большевиков) против центризма. Этим бюрократическим тезисом оперирует он как неотразимым аргументом в пользу того положения, что Ленин (большевики), стало быть, недооценивал опасности центризма во II Интернационале. Вы беретесь дискуссировать против этой галиматьи, про-

тив этого жульнического крючкотворства. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно и так, что разговорами о документах Слуцкий старается прикрыть убожество и фальшь своей так называемой установки?

Слуцкий считает существующие партийные документы недостаточными. Почему, на каком основании? Разве всем известных документов по линии II Интернационала, так же как и по линии внутрипартийной борьбы в российской социал-демократии, недостаточно для того, чтобы со всей ясностью демонстрировать революционную непримиримость Ленина и большевиков в их борьбе против оппортунистов и центристов? Знаком ли вообще Слуцкий с этими документами? Какие ему нужны еще документы?

Допустим, что, кроме уже известных документов, будет найдена куча других документов в виде, скажем, резолюций большевиков, лишний раз трактующих о необходимости изничтожения центризма. Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять **по их делам** прежде всего, а не только по их декларациям? История знает немало социалистов, которые с готовностью подписывали любые революционные резолюции, чтобы отписаться от назойливых критиков. Но это еще не значит, что они **проводили в жизнь** эти резолюции. История знает, далее, немало социалистов, которые с пеной у рта требовали от рабочих партий **других** стран самых что ни на есть революционных действий. Но еще не значит, что они не пасовали в своей собственной партии или в своей собственной стране перед **своими** оппортунистами, перед **своей** буржуазией. Не потому ли учил нас Ленин проверять революционные партии, течения, лидеров не по их декларациям и резолюциям, а по их **делам?**

Не ясно ли, что, если Слуцкий в самом деле хотел проверить непримиримость Ленина и большевиков в их отношениях к центризму, он должен был сделать основой своей статьи не отдельные документы и два-три личных письма, а проверку большевиков по их **делам,** по их **истории,** по их **действиям?** Разве у нас, в российской социал-демократии, не было оппортунистов, центристов? Разве большевики не вели решительную и непримиримую борьбу со всеми этими течениями? Разве эти течения не были связаны и идейно и организационно с оппортунистами и центристами на Западе? Разве большевики не разгромили оппортунистов и центристов так, как не громила их ни одна левая группа в мире? Как можно говорить после всего этого, что Ленин и большевики недооценивали опасности центризма? Почему Слуцкий пренебрег этими фактами, имеющими решающее значение для характеристики большевиков? Почему он не использовал наиболее надежный метод проверки Ленина и большевиков по их делам, по их действиям? Почему он предпочел менее надежный метод копания в случайно подобранных бумагах?

Потому что обращение к более надежному методу проверки большевиков по их делам мигом опрокинуло бы вверх дном всю установку Слуцкого.

Потому что проверка большевиков по их делам показала бы, что большевики являются **единственной** в мире революционной организацией, которая разгромила до конца оппортунистов и центристов и изгнала их вон из партии.

Потому что обращение к действительным делам и действительной истории большевиков показало бы, что учителя Слуцкого — троцкисты — были **главной и основной** группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию, как очаг центризма, в виде августовского блока.

Потому что проверка большевиков по их делам окончательно разоблачи-

ла бы Слуцкого как фальсификатора истории нашей партии, пытающегося прикрыть центризм троцкизма довоенного периода клеветническими обвинениями Ленина и большевиков в недооценке опасности центризма.

Вот как обстоит дело, товарищи редакторы, со Слуцким и его статьей.

Вы видите, что редакция совершила ошибку, допустив дискуссию с фальсификатором истории нашей партии.

Что могло толкнуть редакцию на этот неправильный путь? Я думаю, что на этот путь толкнул ее гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение. Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски мыслящих людей. Едва ли нужно доказывать, что такой взгляд на троцкизм является глубоко ошибочными и вредным. На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР.

Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами.

Мне кажется, что «историки» и «литераторы» из разряда троцкистских контрабандистов стараются проводить свою контрабандную работу пока что по двум линиям.

Во-первых, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма; при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того, как «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Слуцкого. Мы видели выше, что Слуцкий и

кампания не стоят того, чтобы долго возиться с ними.

Во-вторых, они стараются доказать, что Ленин не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую; при этом предоставляется неопытному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того как он «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Волосевича, автора «Курса истории ВКП(б)». Правда, Ленин еще в 1905 году писал, что **«от революции демократической мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции», что «мы стоим за непрерывную революцию», что «мы не остановимся на полпути».** Правда, фактов и документов аналогичного порядка можно было бы найти в сочинениях Ленина многое множество. Но какое дело Волосевичам до фактов из жизни и деятельности Ленина? Волосевичи пишут для того, чтобы, подкрасившись под большевистский цвет, протащить свою антиленинскую контрабанду, налгать на большевиков и сфальсифицировать историю большевистской партии.

Вы видите, что Волосевичи стоят Слуцких.

Таковы «пути и перепутья» троцкистских контрабандистов.

Сами понимаете, что не дело редакции облегчать контрабандитскую деятельность подобных «историков» предоставлением им дискуссионной трибуны.

Задача редакции состоит, по-моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски.

Это тем более необходимо, что даже некоторые наши историки — я говорю об историках без кавычек, **о большевистских** историках нашей партии, — не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. Исключения не составляет здесь, к сожалению, и тов. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера.

С коммприветом **И. Сталин**

РАЗОБЛАЧИМ ТРОЦКИСТСКУЮ КОНТРАБАНДУ

СИЛЬНЕЙ ОГОНЬ ПРОТИВ ОППОРТУНИЗМА И ГНИЛОГО ЛИБЕРАЛИЗМА!

Письмо т. Сталина уже получило широкое распространение и обсуждение как в рядах партии и комсомола СССР, так и в секциях Коминтерна и КИМ. Иначе и быть не могло, ибо это письмо является важнейшим политическим документом, мобилизующим внимание пролетариата и его партии на новых приемах борьбы контрреволюции против революционного пролетариата, разоблачающим эти приемы.

Партия одерживает одну победу за другой на всех участках социалистического строительства. Успехи генеральной ленинской линии партии очевидны не только для друзей, но и для заклятых наших врагов. Беспощадная борьба против троцкизма, правого и «левого» оппортунизма обеспечила этот успех в осуществлении генеральной линии партии, укрепила единство ее рядов, еще крепче сплотила вокруг ВКП(б) рабочий класс и колхозное крестьянство. Выступать сейчас с открытым забралом не раз битый и разбитый в открытом бою контрреволюционный троцкизм уже не может. Всякие поытки в этом направлении будут немедленно разоблачены, тотчас же биты. Вот почему контрреволюционный троцкизм от открытых атак против ленинизма, против ВКП(б) переходит к более замаскированным формам борьбы, ищет новых лазеек и щелей, через которые можно было бы контрабандным путем протащить свои вредные идейки и установки. Открыто выступать против большевистской политики сегодняшнего дня нехватает сил. А поэтому нужно попытаться исподволь, так сказать, тихой сапой подорвать большевизм и его политику, разорвать большевизм на части, «развенчав прошлое» большевизма, доказав его «небольшевизм» в прошлом; «пока что по двум линиям» — как пишет т. Сталин — пытаются троцкисты протащить контрабандой свои идеи.

«Во-первых, они стараются «доказать», что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма, при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того как «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Слуцкого...

Во-вторых, они стараются доказать, что Ленин не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, при этом предоставляется неопытному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того как он «перевооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Волосевича, автора «Курса истории ВКП(б)».

История большевизма не является для нас простым перечнем событий, фактоописанием далекого прошлого, не имеющего никакого отношения к сегодня.

Для нас история большевизма является ключом к пониманию сегодняшней политики ВКП(б) и Коминтерна, ибо история ВКП(б) «есть программа, стратегия и тактика, организация героической борьбы лучших, передовых элементов нашего класса за победу диктатуры пролетариата, за уничтожение классов, за коммунизм» (Каганович). На героической борьбе рабочего класса нашей страны под руководством большевиков учатся пролетарии зарубежных стран, на нашем опыте они вырабатывают свою собственную стратегию и тактику. Это отлично понимают враги нашей партии, в том числе и троцкисты, и именно поэтому они пытаются доказать недоказуемое: что, во-первых, Ленин и большевики в прошлом не были настоящими революционерами и стали таковыми, «перевооружившись» при помощи Троцкого»; что, во-вторых, стратегия и тактика большевизма, неразрывно связанная и обоснованная теорией ленинизма, оказалась на важнейших этапах революции негодным оружием и что большевики одержали победу в 1917 г. лишь после того, как перевооружились при помощи Троцкого, и что, в-третьих, большевизм есть национально-ограниченная теория и тактика, выросшая на базе специфических условий России, а поэтому и могущая быть применима, да и то при условии соответствующих троцкистских поправок к нему (лишь в указанных условиях).

Классовый смысл этих троцкистских извращений и фальсификаций ясен: доказать неприемлемость большевистского пути борьбы за социализм для пролетариата СССР и капиталистических стран. Тем самым троцкизм расчищает путь для социал-фашистской теории в бауэровском ее толковании, по которой пролетариат европейских стран придет к своей победе не через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, а через «демократию», т. е. капитализм мирно врастает в социализм». Совсем не случайно троцкисты и вся ренегатская братия, исключенная нами из Коминтерна, пытаются под ширмой люксембургианства (полуменьшевистские ошибки которой раскритикованы тт. Лениным и Сталиным) повести борьбу против ленинизма, против большевистской стратегии и тактики Коминтерна.

Извращая историческое прошлое большевизма, троцкисты пытаются доказать, что их теория невозможности победы социализма в нашей стране (а ведь она важнейшая из исторического прошлого троцкизма) верна и что мы строим в нашей стране не социализм, а капитализм. Именно последней характеристикой нашей страны вооружает Троцкий мировую буржуазию в ее борьбе как против СССР, так и против трудящихся капиталистических стран.

Обсуждение письма т. Сталина в партийных и комсомольских организациях способствовало дальнейшему разоблачению троцкистской и всякой иной контрабанды и на других участках исторического и идеологического фронта. И здесь прежде всего нужно отметить участок истории юношеского движения. Материалы, опубликованные в партийно-комсомольской печати, показывают, что, искажая и фальсифицируя историю юношеского движения, троцкисты пытаются протащить свой хлам, привить антипартийные, антиленинские идейки молодежи, большевистски воспитывающейся и на героической истории комсомола как непосредственного и ближайшего помощника коммунистической партии. На этом участке истории большевизма троцкисты пытаются протащить свою идейку противопоставления комсомола партии, молодых кадров — старой большевистской гвардии, обосновать авангардистскую теорию юношеского движения и через якобы объективное изложение истории юношеского движения доказать, что партия большевиков на всех решающих этапах революции плелась в хвосте событий, вместо того чтобы возглавить их, а вот была, мол, такая «героическая, революционная молодежь», которая все время подталкивала большевиков на решительные действия. Именно такое насквозь троцкистское изложение истории комсомола дает некто Скорин-

ко в своей книжонке «Под знаменами большевизма». Тем же целям служит книжонка «Мои университеты» Нусинова, двурушника, ныне исключенного из ВКП(б). Но даже и большевистские историки комсомола не избежали ошибок в изложении истории ВЛКСМ и КСМ, сплошь и рядом скатываясь на позиции авангардизма. Вот почему перед комсомолом стоит сейчас серьезная задача критического просмотра литературы по вопросам юношеского движения и создания действительно полнокровной большевистской истории юношеского движения, показывающей, как комсомол под руководством большевистской партии, борющейся за интересы рабочего класса, воспитывал из себя стойких ленинцев.

Аналогичные же попытки протащить троцкистскую контрабанду мы встречаем на аграрном, общеэкономическом и философском фронтах. Троцкистские контрабандисты, извращая историю большевизма и служа тем самым общему делу международной буржуазии, пытаются доказать, что Ленин и большевики не критиковали в довоенный период оппортунистических извращений марксизма в аграрных вопросах Каутским, меньшевистских, идеалистических извращений философии марксизма Плехановым. Больше того, находятся такие горе-теоретики, которые с видом знатоков теории и истории ленинизма доказывают, что ленинизм как новый этап в развитии марксизма в качестве своих составных частей включает все то, что дано Каутским в аграрном вопросе и Плехановым в области философии. Стоит ли доказывать, что такая фальсификация ленинизма ничего общего не имеет с действительным ленинизмом Ленина, ибо она хочет представить его в виде теории, сотканной из различных течений и ручейков. Законченную формулировку оппортунистического, полутроцкистского взгляда на ленинизм дал не так давно т. Радек, под нажимом большевистской критики вынужденный от нее отказаться. Этими фальсификациями и извращениями истории большевизма-ленинизма троцкистские контрабандисты пытаются доказать недоказуемое: что не Ленин поднял теорию и тактику марксизма на новую, более высокую ступень, а меньшевики, в том числе и троцкисты; что, не будь последних, Ленин и большевики как практики, мало заботящиеся о теории, безнадежно запутались бы в сложной обстановке классовой борьбы. И они, как утверждают троцкистские контрабандисты, путались и, «лишь перевооружившись» при помощи Троцкого, одержали победу в октябре 1917 года. Стоит ли доказывать, что эта чушь и клевета на Ленина и большевиков ничего общего не имеют с действительной историей большевизма, с действительным развитием ленинизма? Стоит ли доказывать, что «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции; точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности (Сталин, «Вопросы ленинизма»)? Ленинизм монолитен, он выковался как самостоятельная теория, как дальнейшее продолжение и развитие революционного марксизма в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей и оттенков как в теории, так и на практике. И на фронте литературы и искусства за последнее время в результате письма т. Сталина вскрыты новые попытки троцкистов использовать в своих интересах это орудие пролетариата в деле большевистского воспитания масс.

Троцкисты Горбачев и Лелевич, постоянно подчеркивавшие свое единодушие, протаскивают троцкистско-меньшевистскую концепцию русского исторического процесса, направленную к опровержению социалистического характера нашей революции и возникающих новых, социалистических отношений в СССР.

Горбачев и Лелевич апологетически относятся к работам Плеханова, считая его ортодоксальным марксистом, отгораживаются от критики меньшевистских ошибок Плеханова. Поднимая на щит Плеханова, Горбачев и Лелевич кле-

вещут на партию, фабрикуют положение о том, что партия вопросами литературы не занималась. Горбачев и Лелевич опорачивают передового пролетарского писателя М. Горького, считают его выразителем буржуазно-демократических слоев, тем самым обнажая свое меньшевистско-троцкистское понимание хода революции в России.

В области литературоведения троцкисты подхватывают универсальный аргумент троцкизма: пытаются представить партию бедной в отношении теории, идущей на соглашательство и наконец перевооружающейся. Так, Добрынин в своей статье об эстетике Плеханова протаскивает утверждение о том, что партия не имела своей точки зрения в вопросах философии в период борьбы с богостроительством.

Лозунг «За плехановскую ортодоксию», ярко выраженный в работах Беспалова, Зонина, Щукина и др., должен быть разоблачен до конца. Необходимо также раскритиковать ошибки, связанные с влиянием этого лозунга на некоторых критиков пролетарского движения, в частности на т. Ермилова, который в своих работах имел ряд ошибок, связанных с этим лозунгом. Тов. Ермилов признал свои ошибки, но еще недостаточно раскритиковал их. Необходима также последовательная критика ошибок Фриче и тех товарищей, которые проявили аполитическое отношение к его ошибкам,— т. Динамов и др.

Большевики всегда подчеркивали неразрывную связь с практикой: т. Сталин неоднократно говорил вслед за т. Лениным, что «без революционной теории не может быть революционного движения», революционной практики. Попытки троцкистов извратить, фальсифицировать историю большевизма, теорию ленинизма в конечном счете направлены к тому, чтобы изменить практику коммунистических партий. Наша задача на всех участках идеологического фронта «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту; поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы, заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски» (Сталин)

История ВКП(б) является мощным орудием в руках партии в деле воспитания новых кадров строителей социализма, борцов за мировую пролетарскую революцию, в частности и в особенности из молодежи. На истории, на стратегии и тактике большевизма, разработанной и практически осуществляемой в нашей стране, применяемой Коминтерном, учатся, большевизируются зарубежные братские компартии и комсомол. Большевизм монолитен. Нельзя закрывать сегодняшней политики ВКП(б) и Коминтерна от «вчерашнего» дня большевизма, от той политики, которую осуществляли большевики на предыдущих этапах революции. Большевизм интернационален. Большевизм есть обобщение опыта революционного движения всех стран, и поэтому основа теории и тактики ленинизма обязательны для коммунистических партий всех стран. Ведь неслучайно т. Ленин говорил, что «большевизм годится как образец тактики для всех стран».

Враги нашей партии и Коминтерна отлично понимают гигантское значение истории ВКП(б) в деле большевистского воспитания кадров мировой революции. Они понимают также гигантское значение для мирового пролетарского движения теории и тактики ленинизма. Именно поэтому враги пролетариата и компартий избрали в качестве одного из участков для своих атак историю ВКП(б). Здесь они попытались прорвать фронт, и неслучайно именно на нынешнем этапе, когда революционное движение на Западе идет быстрыми шагами вперед, когда ряды Коминтерна и его сторонников как в СССР, так и в капиталистических странах быстро растут, когда близится час решающей схватки пролетариата и угнетенных всего мира с капиталом.

В комсомол пришли миллионы новых людей, над воспитанием которых в духе большевистской партийности

нужно систематически и упорно работать. И лучшим из лучших средств в деле большевистского воспитания новых слоев рабочей и колхозной молодежи является изучение и пропаганда истории ВКП(б).

«Отправным в теоретической учебе комсомола должно стать изучение истории большевистской партии. История большевистской партии — это не архив, а руководство к действию, дающее ключ к пониманию и разрешению актуальных проблем социалистического строительства в СССР и борьбы мирового пролетариата». (Из речи т. Постышева на III пленуме ЦК ВЛКСМ.)

Надо особенно подчеркнуть необходимость изучения истории ВКП(б) и ленинизма по первоисточникам. Собрания сочинений Ленина, «Вопросы ленинизма» и другие работы т. Сталина, решения партийных съездов и конференций должны стать настольными книгами каждого комсомольца и прежде всего активиста.

Со всей большевистской непримиримостью поставил вопрос т. Сталин о борьбе с гнилым либерализмом, имеющим теперь среди одной части большевиков некоторое распространение. Именно благодаря гнилому либерализму, проявленному некоторыми большевиками по отношению к контрреволюционному троцкизму, последний имел доступ со своей контрабандой в некоторые партийно-советские журналы и издательства. Так было с журналом «Пролетарская революция», поместившим статью троцкистского контрабандиста Слуцкого, так было с журналом РАПП, поместившим клеветническую статью М. Добрынина.

«Вместо большевистской бдительности они проявили куриную слепоту. Вместо большевистского отпора попыткам врага ползком пробраться туда, куда открыто сейчас не пройти, они проявили идейную дряблость и гнилой либерализм. Вместо непримиримой борьбы со всякими попытками исказить историю большевизма, они во имя, видите ли, «научной истины», допускали дискуссию по вопросу о том, является ли Ленин большевиком и не перевооружился ли он по Троцкому в октябре 1917 г. Но в том-то и сила большевистской зоркости ЦК и вождя партии т. Сталина, что эти тщательно замаскированные вылазки троцкистских контрабандистов были вскрыты и разоблачены» (Постышев). Гнилой либерализм не отделен каменной стенной от оппортунизма. Он является одной из форм проявления последнего, выражая давление на наименее устойчивые слои нашей партии влияний классово чуждых, враждебных ей сил. Вот почему «либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу» (Сталин).

Надо понять, что правый и «левый» оппортунизм, будучи по своим принципиальным и практическим установкам враждебен марксизму-ленинизму, отнюдь не является враждебным троцкизму; больше того, в ряде вопросов непосредственно смыкается с ним. Иначе и быть не может, ибо как один, так и другой уклон от генеральной линии партии «работает» на пользу враждебных пролетариату и его партии классовых сил, ибо тот и другой уклон троцкизм использует в своей борьбе против партии. Тов. Сталин еще на XVI партийном съезде блестяще доказал и разъяснил смыкание правого оппортунизма с троцкизмом по такому, например, основному вопросу, как вопрос о возможности построения социализма в нашей стране. Тов. Сталин говорил на съезде, что «существо троцкизма состоит прежде всего в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны». Именно исходя из этой своей контрреволюционной «установки», троцкисты объявили бешеную кампанию против нашей партии, осуществлящей политику развернутого наступления на капиталистические элементы в нашей стране, практически поставившей задачу ликвидировать кулачество как класс на базе сплошной коллективизации. Эту ленинскую политику нашей партии Троцкий вслед за правыми оппортуни-

стами объявил авантюризмом, доказывая невозможность ликвидировать кулачество в нашей стране и социалистически перестроить сельское хозяйство на базе колхозов и совхозов без мировой революции. О правых же оппортунистах «нельзя сказать, что они не признают возможности построения социализма в СССР. Нет, они ее признают, и в этом их отличие от троцкистов. Но беда правых уклонистов состоит в том, что, признавая формально возможность построения социализма в одной стране, они не хотят признавать тех путей и средств борьбы, без которых нельзя построить социализм... Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут незаметно, либо будут врастать в социализм. А так как таких чудес в истории не бывает, то выходит, что правые уклонисты скатываются **на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране»**. (Сталин, речь на XVI партсъезде.)

Всем известно, что «леваки» (Ломинадзе, Шацкий и др.) точно так же в этом основном вопросе ленинизма договорились до троцкистской теории отрицания возможности построения социализма в нашей стране. В зарубежных же коммунистических партиях мы сплошь и рядом сталкиваемся с прямыми, ничем не прикрытыми блоками исключенных из Коминтерна правых и «левых» оппортунистов с троцкистами.

Вот почему нельзя ни в коем случае письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» сводить только к задаче разоблачения давно ставшего контрреволюционным троцкизма и троцкистской контрабанды, подменять этим задачу борьбы с правым и «левым» оппортунизмом, ибо нельзя последовательно и до конца разоблачить троцкизм и его попытки протащить свою контрабанду в теории и на практике без последовательной и беспощадной борьбы с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе, с «лавым» оппортунизмом, с примиренчеством и гнилым либерализмом в отношении к антиленинским, контрреволюционным течениям и установкам.

Борьба с уклонами внутри партии и с гнилым либерализмом, помогающим их выращиванию, должна усилить нашу классовую боеспособность, бдительность и воинственность в борьбе с враждебными пролетариату классами и прямыми защитниками их интересов, как троцкизм, социал-фашизм и всякие иные контрреволюционные течения.

В качестве одного из основных выводов из письма т. Сталина мы должны, следовательно, сделать еще следующее: усилить огонь против правого и «левого» оппортунизма, против гнилого либерализма как в теории, так и на практике. А для этого надо видеть те специфические формы, в которых проявляются эти уклоны на нынешнем этапе социалистического строительства. Надо ударить по правооппортунистической теории самотека в социалистическом строительстве, в частности по самотеку в деле реализации шести указаний т. Сталина на конференции хозяйственников, по их (правых оппортунистов) крикам и утверждениям о нереальности наших планов и требованиям снизить темпы в социалистическом строительстве. Надо иметь в виду, что правооппортунистическая теория самотека в социалистической переделке деревни, которую подверг сокрушающей критике т. Сталин в речи на конференции аграрников-марксистов, а затем на XVI партсъезде, выступает сейчас в подновленной форме, хотя основная суть ее осталась прежней — недооценка и игнорирование руководящей, организующей роли пролетариата в социалистической переделке деревни. Для ее обоснования подыскиваются новые аргументы: дескать, деревня сама пойдет за городом, раз дан колхоз, раз колхозники стали преобладающей силой в деревне и являются прочной опорой пролетариата на селе.

Эта теория самотека играет наруку сопротивляющемуся классовому врагу, так как она всем своим острием направлена против политики партии на организационно-хозяйственное укрепление

колхозов, против социалистической переделки колхозников, против борьбы с рваческими, кулацкими тенденциями среди наиболее отсталых слоев колхозников. А такое укрепление колхозов и соцпеределка колхозников не могут быть мимолетным актом и не могут быть осуществлены без активной, руководящей роли в колхозном строительстве рабочего класса. Теория самотека покоится на антиленинской оценке нынешнего этапа социализма и идеализации колхозов, согласно которой (оценке) мы вступили в такую полосу развития, когда уже ликвидированы классы, когда уже уничтожено классовое различие между пролетариатом и колхозным крестьянством, когда достигнуто полное равенство между этими классами и что вступление в период социализма означает затухание классовой борьбы.

«Колхозник — законченный социалист», никаких элементов классовой борьбы уже нет в колхозе, неравенство уже ликвидировано и т. д.—вот лейтмотив теории самотека сегодняшнего дня. Забывается при этом, что «придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, вытравить его индивидуальную психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества» (Сталин). Социалистическая переделка колхозника не кончается вступлением бедноты и середняков в колхозы, а по-настоящему начинается этим вступлением. Эта социалистическая переделка немыслима вне пролетарского руководства. Против этой правооппортунистической теории самотека должен быть сосредоточен огонь как в теории, так и в практике соцстроительства.

Вместе с тем нужно нанести сокрушительный удар антиленинской, левацкой, полутроцкистской «теорийке» совхозизации МТС и колхозов на практике, сознательно поддерживаемой кулачеством.

Эта внешне архиреволюционная, а по сути дела реакционнейшая теория потроцкистски извращает ленинское учение о путях социалистической переделки деревни и принципы большевистского руководства колхозным крестьянством (администрирование, командование). По этой теории колхозы не являются основной формой движения крестьянства к социализму, основной формой переделки крестьянства в работников социалистического общества. Для троцкистов колхоз есть кооперативное, частнокапиталистическое предприятие (а не одна из форм социалистического хозяйства), поэтому он не способен подорвать корней капитализма, напротив того, способен лишь усилить капиталистические элементы в нашей стране, создать более прочную базу для роста капитализма в СССР. Теория совхозизации колхозов отрицает социалистическую природу колхозов, будучи неверной и порочной в своей основе, ставя неправильно вопрос о путях социалистической переделки колхозников в работников социалистического общества и путях окончательной ликвидации противоположности между городом и деревней. Она (эта «теория») направлена против линии партии на организационно-хозяйственное укрепление колхозов в их артельной форме и через развертывание МТС, а следовательно, и против дальнейшего социалистического развития колхозного хозяйства по пути окончательного изживания противоположности между городом и деревней. Разоблачить эту антиленинскую «теорию», так же как и попытки в погоне за голой цифрой коллективизации «забыть» выполнение решений партии об организационно-хозяйственном укреплении колхозов — такова задача.

Письмо т. Сталина требует от каждого партийца и комсомольца повышения своей классовой бдительности, большевистской непримиримости и воинственности в борьбе с различного рода извращениями ленинизма как в теории, так и на практике. Каждый член партии и комсомола должен бороться за большевистские темпы и качество своей работы сознавая, что его борьба на каждом участке соцстроительства неразрывно связана с борьбой пролетариата за мировую революцию.

Н. Асеев

ПЕСНЯ
42-й ПАРАЛЛЕЛИ

Товарищи! У меня нет слов,
настоящих слов,
полновесных, тяжелых
и твердых слов,
поднимаемых на ходу, как булыжник,
чтобы,
вывернув их из дорог,
отколов от скал,
просвистеть ими в головы, в дикие головы,
в мертвый тупой оскал
вздыбившихся ослов —
так называемых наших ближних.

Засветилась синь залива
розоватою каймой.
До свидания! Счастливо
возвращаться вам домой!

Товарищи, в Америке обвиняется Дос-Пассос
и Теодор Драйзер —
писатели, посмевшие обличить капитализм,
став на защиту Обвиняемых Шахтеров
поселка Харлэна.
Их ищет закон,
их ловит закон,
подчиненный
судье, прокурору, шерифу.
Закон, извилистый, как кассо,
мелькающий над ними, как петля,
чтобы
кровью налить их лицо,
чтобы в землю уткнуть их лицо,
чтоб о шершавые годы каторги
стереть их лицо...
Об этом еще не петь ли?

Улетают в море птицы,
не сдержать их взаперти.
Что же нам еще коптиться,
если ветер по пути?!

Выходит шериф,
медной бляхою власти блестя на полсвета,
толстой бляхою власти
себя озарив.
Доллара желчью
все озарив,
выходит шериф! Шериф! ф!-ф!
Самоценен, как вынутая монета.

Нынче море очень кротко,
море — серая сирень...
Закачает нашу лодку
мертвой зыбью на заре.

Выходит судья,
мутное пойло закона цедя;
выходит судья,
горькое пиво уставов сквозь
хриплую глотку цедя,
и налагает на них
коротконалую, пухлую в ржави желтых
волос, веснущатую руку.
Они еще борются, еще дерутся
словом о слово и звуком по звуку.

Подкатись, волна большая,
под высокую корму,
бей о берег,
бей о берег, не мешая
в море плавать
никому!

И наконец прокурор,
тихая гадина, длинносюртучный,
наглухо сшитый урод,
наконец прокурор,
тусклое зарево, вязаное белье,
жвачка в скуле и на губах
высохшего ханжи,
окипелая пена,
и наконец прокурор,
выдохшихся поучительных слов
нафталин,
обветшалый урок...
Прокурор,
их уминающий в прорубь за то,
что они —
с Горняками Харлэна.

Отступи ты, берег скучный,
позабудем обо всем...

Море, спутник неразлучный,
синим стелется овсом.

Если Драйзер стар и опытен в травле,
как сутулый дымчатый слон,
слон, таскавший тяжести капитализма
и нынче тяжелым движением ноги
сорвавший
цепь,
то посмотрите на Пассоса —
он
не объявлен.
Взгляните скорее на Пассоса —
он
был у нас в Союзе, он смугл
и худ,
он весел и смел,
в его лице —
легкость, молодость
нова и крепка.
Они его замучают,
они его замучают!!
Они его замучают!
Он у них Замяучит,
быстрым сердцем
попавши в цепкий капкан.
Они его залягают
Копытами,
Обутыми и Обитыми
в сталь и свинец, —
это стадо диких ослиных самцов,
сбившихся в кучу.
Они его замучают,
они найдут для него конец,
книгам его конец,
делу конец,
конец,
конец.

Слева — море, справа — берег,
стол и узкая кровать...

Никаких больше Америк
не осталось открывать.

Нет! Еще раз откроем Америку,
Америку 42-й параллели!
Так называется книга
«42-я параллель»,
книга за нас,
нашим чиненная порохом книга,
книга
против капиталистических королей,
новая,
резкая,
сложная книга,
книга борьбы против вечного ига.
Откроем эту книгу Америки,
и да спасется
от Равнодушия нашего
славный рекорд Дос-Пассоса,
нашего парня в американской оправе.
Если серые книги часты,
то такие, каленые, — редки.
Это новая,
грозная,
одинокая книга —
в актив Пятилетки.

Ею вызвана к жизни,
всеми волнами брызни,
всею солью своею осядь на язык,
всею хмурью к врагам обращенной грозы!

Кочегары, жди сырую,
злую непогодь с борта,
хорошенечко шуруя,
продеремся — ни черта!
Вот так песня, что за песня,
хоть всю хлябь на них пролей.
Курс держать им интересно
на такую,
на такую параллель!

В. Ставский

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

РАССКАЗ

I

По коридору грохают сапоги, на недописанный плакат падает тень.

— Опять несет кого-то! — ворчит Костя. Отводит с бумаги кисть. Краска звонко капает на чистые доски пола.

— Чорт их носит! — Спохватившись, он сует кисть в горшочек, свирепо оборачивается, и по смуглому лицу его расплывается улыбка.

— Здорово, Леонид Сергеич!

В серых просторных глазах Кости сверкают уважение и любовь. Военком дивизии Дегтев, пригнув широкие покатые плечи, глядит через Костю на плакат.

— Товарищи! Кровожадные псы Антанты... — читает он.

— Начал придираться! — обрывает, вспыхнув, Костя.

— Ну, как плечо? — заботливо спрашивает Дегтев.

Костя вскакивает в стойку, сильно разводит руками, сопя, вздыхает через нос.

— Ого!

— Через неделю в часть, — улыбается Костя. — Хватит с меня подивов!

— Ну, ладно, ладно! Я к тебе по делу. Идем-ка!

Они шагают по солнечной и пыльной станичной улице. Рядом с огромным, грузным военкомом Костя Борисов — словно подросток. А он выше и крепче своих девятнадцати лет. Худое тело его стройно и гибко. Молодые сильные мускулы уже втянуты в работу: после начального городского училища три года в сортировке на писчебумажной фабрике, потом комсомол, потом по мобилизации косомола четыре месяца на командных курсах, и вот уже второй год на фронте. Сейчас, после ранения в мякоть плеча, Константин Борисов, командир пулеметной роты, живет при политическом отделе дивизии, помогает.

— Ночью опять перебежчики были с той стороны! — тихо говорит Дегтев. — С восточного маяка прибежали. Прожекторные зеркала, черти, приволокли!

— Здорово! — радостно вскидывается Костя, но, взглянув на озабоченное, заросшее щетиной лицо военкома, тревожно спрашивает: — Что-нибудь сообщили?

— Ничего не разберешь! Донские части ушли на Сиваш. Корниловская дивизия под Перкой...

Сразу за хатами станицы — многосаженный глинистый обрыв. Внизу гулко грабастает о берег прибой. Далеко по Керченскому проливу стремительная леванта гонит с юга зеленые в гулких гребешках и оттого страшно холодные волны. За проливом в синей дымке плавает Крым. Угрюмо выпирают громады мысов на концах пролива. Меж ними, в волнистых складках гор, у самой воды лежат розово-белые пятна Керчи, селений. Видны дымные трубы Брянского металлургического завода.

— Говорят, пальмы там так растут! — мечтательно вздохнув, говорит Костя.

Дегтев, дико взглянув на него, бубнит:

— Пальмы? У нас вот частей мало сейчас. На польский фронт пошли. Вот он нам может баню задать!

— А чего же разведка спит? — возмущенно замечает Костя.

«Быстрый, как огонь!» думает Дегтев и ласково обнимает Костю.

— Я тоже думаю! Ну, пошли в штаб.

Около штаба, поместившегося в школе, лениво балагурят в тени коноводы, ординарцы. Ветер сбивает метлами густую и мягкую листву акаций, пожелтевшую от жары. В открытые окна слышны мягко-гнусавые гудки полевых телефонов, остервенелые выкрики связистов, вызывающих полки.

— Никого не пускай! — говорит Дегтев вытянувшемуся секретарю и пропускает Костю впереди себя.

— Иди-ка, смотри!

Военком крупно шагает за стол, к карте Крыма и Кубанского побережья.

Покрытый густыми коричневыми пятнами гор, полуостров висит в плотной волнующейся синеве морей, цепляясь за материк узкой полоской Перекопа за Чонгарским мостом на желтом песке Арабатской стрелы.

С Кубанской стороны в Керченский пролив далеко-далеко выдаются две косы: Чушка, близ Азовского моря, и Тузла, немного южнее Таманской станицы.

— Смотри, какой у нас берег! — Дегтев тычет огромным жестким пальцем в извилистые узоры Приазовского побережья. — Тут сотни верст кругом камыши да лиманы. Прозеваешь, далеко в тыл заскочат!

— Не надо зевать! — строго откликается Костя.

Дегтев нетерпеливо щелкает пальцами, смотрит в окно.

— Да! Ведь сейчас собрание учеников! — громко вспоминает он. — Идемка сходим, Костя!

Они быстро идут через площадь в училище.

— О чем я им буду говорить? — тяжело раздумывает вслух Дегтев по пути. — Про социализм? Они же не поймут ничего...

Костя с беспокойством следит за военкомом, вышедшим к столу для доклада. Русые, черные, рыжие головки ребят, словно трава под ветром, качаются над партами. Внимательные, ждущие глаза уставились на военного.

— Я скажу вам сказку про правду и кривду... — говорит Дегтев.

Ребята со смешками, весело возятся на скамьях. Костя недоверчиво и тревожно глядит на Дегтева.

— Правда была бедная, одевалась плохо, кушала мало, вставала рано. Как гудки на заводах загудят, правда уже идет туда работать... Как ваши отцы на рыбалку или в степь рано едут, ребята... А кривда была богатая, все заводы и фабрики, и посуда, и снасти, и виноградники, и сады — все это было кривды. Кривда совсем не работала, а ходила с золотыми часами, толстая. И не ходила, а все в колясках ездила...

Костя видит, как глаза ребятишек горят живым пониманием, как жадно слушают они рассказчика-военкома, и глаза Кости охватывает туман... И сам он всем сердцем слушает, как страдала и мучилась рабочая правда, пока не взялась за ум, а потом за бока кривды...

И вместе с детьми хлопает в ладоши раненый командир пулеметной роты Борисов растроганному докладчику...

Вернувшись в свой кабинет, военком сурово и вместе с тем ласково говорит:

— Я, Костя, решил тебя послать в Крым на разведку.

— Меня? — восклицает Костя. — Меня? В Крым?.. Ну, уж нет! Брось шутить, Леонид Сергеич!

— Не шучу, Костя! Надо итти!

— Да я же не умею! Не знаю я!

— Кое-что расскажу. А больше самому соображать придется...

— Я не...

— Да ты подумай! — обрывает Дегтев и склоняется над бумагами.

В комнате тихо. Ноет, стучится в окно большая синяя муха, из-за стены слышится невнятный разговор.

— А как туда попадешь-то? — вскидывается Костя.

Дегтев взглядывает, отворачивается к окну:

— На лодке ночью переправим.

Снова падает тишина, и жужжит муха. И сердце Кости отчаянно колотится.

«Конечно, может быть, и надо итти! Да ведь жутко-то как!» думает Костя, глядя в окно напротив на синие очертания крымского берега. Вспоминает: в восемнадцатом году тихим вечером идет заседание комитета комсомола. В большой комнате пересыльного пунк-

та при станции сумрачно, еле видны лица. Докладчик рассказывает о текущем моменте, о том, что со дня на день вспыхнет революция на Западе... Перед заседанием докладчик говорит Косте смеясь: «Если нападут, до Москвы отступим, запремся там, а своего добьемся...» И сейчас в голосе докладчика такая страсть и волнение, что Костя весь горит, а напряженный взор его ловит на тусклых стеклах отблески не заката, а пламени восстаний...

— Если бы можно было дивизию оставить, я бы сам отправился! — тихо говорит военком.

— Отправлюсь-то я!—бросает Костя.

— Ни на миг в этом не сомневался! Костя порывисто шагает к нему.

Дегтев роется в куче потрепанных старых документов на столе.

— Лучше не может быть! — говорит он, подавая Косте рваный листок. — Тут отметки этапных комендантов, и уволен был этот перебежчик вчистую от военной службы. Так?

— Ну, так!

— Самое главное, по-моему, перебраться на ту сторону да отойти подальше. По берегу конечно сильная охрана. А дальше ты по всему Крыму гуляй... Садись за карту, выучи ее.

Он выдергивает кнопки, раскрывает шуршащую ломкую карту на столе, тычет карандашом...

— Тут, тут, тут стоят кубанские дивизии. Ты идешь вот тут, по маршруту...

Костя разглядывает, вглядывается в тонкие черточки дорог, коричневые точки хуторов и селений. Повторяет непривычные татарские названия. Карта сливается в синее пятно.

— Лучше бы дал мне хоть книжку почитать, как это делается!

Костя откидывается, помутившимся взором глядит на Дегтева.

— Нам старое не годится! — серьезно и тихо отвечает Дегтев. — Узнаешь, что еще Иисус Навин, об этом в библии говорится, посылал соглядатаев в землю Ханаанскую. Узнаешь, что Наполеон говорил: «Лучше сто шпионов впереди, чем сто поваров сзади...» Ну, узнаешь ты, какая это была сволочь — все эти шпионы. А мы лучших наших ребят посылаем. Думаешь, мне легко тебя посылать? Да ведь надо выяснить. Если белые из Крыма вырвутся, что они наделают? Нам надо всем как один стоять. Теперь уже недолго до конца...

— Кто будет переправлять? — спрашивает Костя — Я ведь моря совсем не знаю. Первый раз...

2

— Так и наша такая революция первый раз! Как стемнеет, тебя и отвезут. Ребята надежные! А мне уже надо трогать!

Костя молча сжимает протянутую ручищу. Дегтев порывисто обнимает его и быстро, не оборачиваясь, уходит к лошадям из хаты. Слышится резкий окрик, фыркает лошадь, глухо бьет копытом. Костя с щемящей сердце тоской вслушивается в замирающий топот. Потом идет через рыбацкий поселок, ныряя под растопыренные на кольях и веслах тяжелые мокрые сети.

Под невысоким обрывчиком шорохтят мутные желтые волны Азовского моря, метрах в ста от берега чернеют, болтаясь, поплавки высыпанных рыбацких снастей. На отмелях начинающейся от хутора косы Чушки вывертываются, играючи, черные тупорылые дельфины. Пылающий и словно звенящий диск солнца, тускнея, снижается в сизо-молочную слитую мглу неба и моря. Костя подсаживается к дружному рядку красноармейцев, вслушивается, и верхняя губа его, крупная, изогнутая, как татарский лук, смешно вздергивается кверху.

На плечи его наброшен порыжелый английский френч с хвостатыми львами на крупных пуговицах. Под френчем гимнастерка с дырочками и петлями на плечах из-под погонов.

Красноармейцы оглядываются и продолжают разговор.

— Понятно, денег при коммунизме не будет! — уверенно говорит седой боец с большим через все лицо багровым сабельным рубцом, от которого, как ноги гусеницы, отходят белые следы лазаретных швов.

— А как же будет? — испуганно спрашивают его.

— Да так и будет. Поработаем мы — тут тебе в книжку записывают. Потом идешь на склад — чего тебе, Иван Иваныч, выбирай, говорят...

— Скильки по хатах гроши в пропадэ в глечиках!—вздыхает молодой.— Багато понаховали бомажен!..

«Да! Когда-нибудь ни денег, ни торговли, значит, не будет, одни продукты!..» думает Костя, тихо улыбнувшись.

— Ох, и много лодырей будет! — опасливо вздыхает безусый рослый красноармеец, и все смеются.

Посмеявшись со всеми, седой строго говорит:

— Мы на них управу найдем. В Царицыне мы были, там на заборах было написано, что делать. Ленин везде велел написать: «Мир хижинам — война дворцам». А еще: «Кто не работает, тот не ест».

Снова вздрагивает Костина верхняя губа...

— Зараз, мабуть, и буде мир у ним хижинам, тильки ни в одной хатыне на уим хутори чоловика немае! Их, каже, бильшовики в куркули зарубали! — вполголоса говорит молодой.

— И нам всем наша власть не даром досталась.

— Не упустим теперь!

Все умолкают, и каждый упорно смотрит вдаль, на пролив и ржавую муть заката, на зажегшийся на Восточном мысу створчатый подвижной маяк.

— Вечерять, хлопцы! — зовет выскочивший на хаты старшина роты. Бойцы шумно встают, отряхивают песок и глину с рваных заношенных штанов и гимнастерок. Косте очень жаль, что так скоро оборвалась беседа, что приближаются страшные минуты...

Следом за бойцами он заходит в хату. В печке, треща и ежась, горят пучки золотистой соломы. Жарко. Пахнет дымком, соленой рыбой.

— Я вас ищу. Идем скорей! — ворвавшись в хату, тащит Костю за рукав командир роты. Сердце Кости туго сжимается.

На берегу уже темно. Ветра нет. Гулко бьется море. Они молча спускаются к чернеющим на воде лодкам.

— Валяйте! — без нужды таинственно шепчет Косте командир. — До луны часа два. Поспеете...

Костя шагает через борт в качающуюся лодку, и тотчас же молчаливые гребцы отпихиваются от берега, скрипят весла в шкармах. Держась за борта, Костя смотрит на берег, исчезающий в сизой, смуглой мгле.

Чем дальше от берега, тем длиннее и выше становится гладкая зыбь, мертво и масленно поблескивает вода, высоко вздымается лодка.

«Кто они, что за люди?» думает Костя про старательных и молчаливых гребцов, с силой наваливающихся грудью на весла.

Под носом лодки журчит струя, с неосторожного весла падают дробно капли, вода плещется под полом на дне лодки.

Гребцы часто оглядываются на кубанскую сторону.

— Что там такое? — недоумевающе спрашивает Костя.

— Скоро луна взойдет! — падает хриплый шопот. — Белые заметят лодку в лунных бликах, выскочит катер!

От берега отошли далеко.

Костя жмурится, стараясь преодолеть страх, сжимает зубы.

Вспоминает бой, когда его ранило, внезапно замолчавший из-за перекоса ленты его пулемет и удар в плечо, когда он приподнялся над щитом, потом все усиливающаяся боль, мокро в рукаве... Он лежал на спине, вверху было густое, хоть ножом режь, небо; повернувшись, он увидел крупные, в целую вишню, алые капли крови, часто-часто капавшие из дырки в френче на землю, и над скворчащим кожухом пулемета бьющий из отверстия легкий парок...

«Ей-богу, в бою легче!» думает Костя, вслушиваясь в грозный тул, идущий из мрака навстречу.

Над водой стремится легкий туман. Сквозь пелену все явственнее проступают высокие мрачные очертания гор.

Вдруг почти рядом с лодкой страшно всплескивает вода. Вцепившись в руку гребца, Костя ясно слышит хрюкающий

вздох. По волне фосфорически мерцает лиловая струя, уходя в глубину.

— Что это? Что это? — шепчет Костя.

— Чушка! Дельфин! — сдежанно хихикнув, отвечает тот.

— Тут их много. Свадьбы ихние скоро! — говорит другой. — И коса ихняя — Чушка!

«Дельфин,— вспыхивает Костя.— Вот расскажу братве!»

Близко гремит прибой. Громады гор валятся, нависают над морем в полнеба. Волны швыряют лодку.

Сердце Кости бьется так сильно, так сильно. Оно стучит и в пальцах, замерших на борту.

«Что, если едем прямо на заставу?»

— Приготовься!—толкает Костю гребец. Лодка ребром поворачивается на вспененном гребне.

— Крой!

Костя прыгает в воду, его окатывает по пояс.

Взмахивая руками, выбегает он на берег, бросается по балочке в гору.

Оглянувшись, он видит, как мелькнула и пропала во мгле лодка. Вновь бросается вперед, спотыкаясь и хватаясь за камни и траву, в кровь обрывая пальцы.

Подъем все круче. Костя со свистом глотает воздух и карабкается, лезет, лезет.

Начинается пологое пространство. Влево, на дальней горе, крутится огонь маяка, отбрасывая желтые полосы света.

«Тут кругом дозоры!» думает Костя, отдохнув и опять шагая по пашне. Ноги вязнут в жирной земле, становятся тяжелыми, по лицу струится пот. Отлогим откосом Костя взбирается на вершину горы. Далеко влево переливается щедрая россыпь городских огней. Над мутным кубанским берегом выкатывается огромная кровавая луна, и по воде лимана за косой Чушкой сыплется багровая зыбь.

Костя спускается по мокрой, росистой траве, выходит на серое шоссе. Из-за поворота слышен топот. Костя скачет в сторону, падает за груду камней.

Все ближе брячают удила с мундштуками, шашки. Видны силуэты всадников.

— Участников ледяных походов спрашивали! — слышит Костя глухой равнодушный голос.

— А зачем? — с опаской спрашивает жидкий тенорок.

— Значит, надо! Дело какое будет!..

Костя напряженно вслушивается в удаляющийся топот, бренчанье, стихающий говор.

«Это и разведка началась? — вдруг удивляется он и улыбается и, устыдившись, хмурится.— Надо выяснить, куда собирают этих участников!».

Становится светлее. Всходит луна. Долины наливаются трепетным серебряным светом. Костя пробирается по склонам в тени. Неясно видны белые стены мазанок, брешут собаки.

«Аул Аджимушкай, наверное!» соображает Костя. Обходит его подальше, спускаясь в глубокие, сырые и прохладные балки и вновь поднимаясь по росистым скользким склонам.

Давно уже не видно моря, ближе и ближе сверкающие городские огни. Посветлевшая белая луна катится по серебряно-голубому небосводу.

Еле волоча ноги, Костя взбирается на курганчик и плюхается на камень.

«Надо же отдохнуть», решает он. Ложится, свертываясь комочком. Засыпая, с удивлением раздумывает, что в сущности не так все уже страшно, и ругает себя за испуг в лодке.

Много раз он просыпается от холода. Уже светает, когда его совсем будит назойливое стрекотанье. Прямо над ним, на бледной синеве неба, ястребок. Костя видит его согнутую вбок голову, желтые крупные глаза, слышит тугое посвистывание трепещущих крыльев.

— Вот еще новости! — Он вскакивает, ястребка стремительно уносит в сторону.

На востоке, за стальной синевой пролива, показывается солнце. Рядом вспыхивают розовым вершины гор и белые косяки парусов на проливе. В бухте, стиснутой сверкающими домами и зеленью деревьев, грозно дымится серый огромный крейсер.

— В город итти нельзя, — вздыхает Костя, глядя на бескрайную цепь убегающих на запад холмов.

Пускается рубежом, потом дорогой, зевая и ежась от утреннего холодка. В солнечной долине буйно гонит колос пшеница, трепещут острые вьющиеся листья кукурузы, вслед за солнцем поворачиваются золотистые головки подсолнуха. Вспархивают жаворонки, спиралью идут в голубую высь, и трели их неумолчным звоном рассыпаются над степью.

«Придется подальше забраться, обратно пойду — везде побываю!» раздумывает Костя и оборачивается на глухой стук позади. Вздымая клубы алеющей пыли, его догоняет бричка.

Костя несмело сворачивает было с дороги, чтобы уйти от встречи. Куда же уйти, ведь на десятки верст видно, и высоко поднимающееся солнце заливает все нестерпимо ярким сиянием.

«Мало же я сделал!»

Костя останавливается, повернувшись к грохочущей подводе.

Пожилой чернобородый крестьянин пристально оглядывает его.

Костя машет рукой.

— Тпрру! — Сытые лошади, всхрапывая, послушно останавливаются.

— Дяденька, нет ли огонька?

— На! — Тот протягивает коробок. Костя вздрагивающими пальцами крутит папироску из рыжего волокнистого табака — греческой контрабанды.

— Куда идешь? — спрашивает чернобородый.

— В Феодосию.

— Чего же не по чугунке? — подозрительно изумляется тот.

— Денег нет!

— А ты не с Брянского завода? — щурится бородач.

Костя безотчетно, сам не зная почему, отвечает:

— Да.

— Он же стоит! — торжествующе бросает тот.

— Я ходил туда работы просить! — без заминки отвечает Костя и натуживается, не дыша, стараясь удержать хлынувшую от лица кровь.

— Садись, отвезу! — Бородач подвигается к передку.

«Отвезти да выдать хочет... Но отказаться еще подозрительнее...»

Костя вспрыгивает в бричку, подсовывает под сиденье сена. И тут только чувствует, как устало тело, ноют ноги...

— Позавчера обратно каменоломни взрывали, все партизан красных выбивают! — не оборачиваясь, говорит бородач.

— Слыхал! — отважно врет Костя, разглядывая коричневую, как кирпич, складчатую шею бородача.

— Только не выбить их! Крепко засели!

Косте слышится в его голосе сочувствие партизанам, так и вздымает желание поговрить на-чистоту, как там, за проливом, говорит он в станицах с казаками.

«Кто его знает, что у него на уме, — думает Костя, — пусть даже и сочувствует он, лучше смолчать. У меня свое дело».

— Скоро это кончится? — обернувшись, кричит бородач. — У меня казаки всю пшеницу стравили. Чем будем жить?..

— Нно! Родные! — мягко шевелит он вожжами. Лошади, играя, толкают друг друга в плечо, подхватывают сильной рысью бричку.

— Давно потравили? — спрашивает Костя, придвигаясь к бородачу.

— Неделю назад. Целая армия прошла! — безнадежно отвечает тот. — Еле успел коней спрятать!..

«Там участники ледяных походов, тут казаки...» отмечает Костя.

На перекрестке бородач, не трогая вожжей, голосом останавливает лошадей.

— Мне направо!

— Спасибо, дядя, вот спасибо! — от сердца, растроганно благодарит Костя.

— Не на чем!

Бричка трогается. Бородач, схватившись за вожжи, кричит:

— По экономиям комеданты скрозь стоят! Смотри! А на Маме дроздовцы, батарея...

— Спасибо!

— А там у меня сын! — тычет пальцем бородач нето в сторону каменоломни, нето на Кубань... За бричкой клубится пыль.

«Ну уж, нет! Ну его совсем, с этим Брянским заводом! Так-то вот и влетишь! — облегченно вздыхает Костя. — А он меня, видно, за дезертира принял, а ведь это здорово. В случае чего я могу себя за дезика выдать, а?»

Костя вдруг с сильнейшим любопытством думает, кто же был на самом деле перебежчик Илья Любимов, с документом которого он путешествует.

Он садится в ложбине, вынимает из кармана смятый пожелтевший воинский билет, с обеих сторон замазанный фиолетовыми отметками этапных комендантов.

«Это хорошо! — вскользь отмечает Костя. — И я буду так же много шататься, родичей, что ли, искать!.. А чего шатался Любимов, казак станицы Казанской, Верхнедонского округа? Ему только двадцать три года — 1898 года рождения, а он уже уволен был по 60-й статье — порок сердца... Значит, парень успел хлебнуть горя, раз казачье сердце не выдержало...»

Костя представляет себе русого чубатого казака с мутными дряблыми мешками под усталыми серыми глазами, с вялыми губами, тронутыми мертвенной синевой, оборванного, обовшивевшего...

Костя всматривается в числа отметок на билете. Любимов настойчиво пробирается из Балаклавы на восток, к проливу, на Кубань. Он неделями сидел и в Симферополе, и в Феодосии, и в каких-то Камышах, но пробрался...

«Большая заноза заскочила, видно», улыбается Костя, как-то разом и целиком понимая казака Любимова, изверившегося в вековечных, всосанных с молоком матери устоях и верованиях, возненавидевшего начальников своих, осторожно, чтобы самому не пропасть, проклинающего их на этапах и на вокзалах — всюду, где казаки, солдаты...

«А я-то ведь знаю, чего хочу! — с чувством радостного, ослепительного превосходства думает Костя. — Я не перебежчик, а комсомолец! Мы за всех за них думаем... И я сейчас тут — один за всех!..»

3

Яростно чадит душный день. Холмы и долины приподнимаются и плывут над синими струями испарений. Литое солнце словно застыло в зените. Редкие вздохи ветра пышут зноем, обжигая Костино лицо.

По степным, заросшим лебедой да полынью рубежам, по хрящистым и твердым ослепительно сверкающим дорогам шагает Костя.

Он уже смелее заговаривает с встречными, сворачивает с дороги к работающим в степи хлеборобам.

Жалуется, что нет работы, что никак не найдет потерянных во время эвакуации из Новороссийска родичей. Хлеборобы участливо расспрашивают его, кормят пшеничным сухим, рассыпающимся хлебом, желтым просвечивающим салом. И всегда у всех, как и у бородача, один жадный вопрос: «Ничего не слыхать такого? Скоро кончится?» Дальше хлеборобы боятся говорить, и Костя не расспрашивает...

Бородач не соврал: в каждом хуторке коменданты, об этом говорят и хлеборобы. И Костя далеко обходит жилье...

Обогнув немецкую колонку, Костя выходит на дорогу. Тут его догоняет тачанка. Поручик в новеньком мундире с блестящими золотыми погонами кладет было руку на плечо кучеру, молодая женщина хватает его за руку, с испугом взглянув на Костю. Офицер машет рукой, кучер нахлестывает гнедых жеребцов. Костя переводит дух, глядя на часто оборачивающегося с сожалением белогвардейца.

Напившись мутной воды в заросшем камышом и осокой ставочке, Костя с интересом глядит на режущих воздух и поверхность воды незнакомых, невиданных птиц, похожих на ласточек, но вдвое больше и с ярким, отблескивающим вороненой сталью оперением.

Попадаются и иные птицы, тоже невиданные, сверкающие голубыми крельями. Птицы бесстрашно садятся на дороге, отлетая прямо из-под ног Кости в золотоголовые рослые подсолнухи,

полчищами рассыпавшиеся по могучим склонам холмов...

Поднявшись на вершину бугра, Костя попадает прямо в хутор. Обойти уже нельзя. Строже ставя ноги, он идет в крайнюю хату, просит напиться. Пока сонная хозяйка гремит в сенцах ведром, щелкает калитка. Костя уже знает: комендант...

Входит, держась за ремень казацкой с клювастым эфесом и ременным темляком шашки, подпрапорщик.

— Кто такой? — строго окликает он, широко расставив ноги.

— Казак Илья Любимов, господин подхорунжий! — вытягивается Костя. Заметив мелькнувшую самодовольную усмешку у того, еще громче шпарит: — Уволен по чистой, господин подхорунжий!

— Документы есть?

— Так точно, господин подхорунжий!

Костя поспешно подает потертый увольнительный листок.

— Иду до Феодосии. Родичей ищу! — старательно выговаривает Костя.

— Можешь итти!

Костя медленно идет по хуторку, а ноги, как струны, от радости. В тугом, подобранном теле кипит, переливается такая сила, что встречная дивчина, не отрываясь, смотрит на него, часто оглядывается и долго-долго вспоминает про его светлые серые глаза, молодые плечи и крепкую, в ниточку, походку.

Переночевав опять на бугре в камнях, Костя уходит все дальше и дальше на запад, ориентируясь по солнцу.

Солнце, чуть поднявшись над горизонтом, уже палит, будто утра с его прохладой и не было совсем.

Одежда Кости мокрая от пота, по лицу стекают едкие ручьи. Лопаются и болят сухие от жажды губы. Больно горит обожженное солнцем лицо.

Глубже пошли балки, дышащие жаркой горечью полыни. Круче стали кряжистые осыпающиеся склоны — одна мука карабкаться да падать.

И на вершинах холмов, и в балках чаще попадаются огромные груды серых камней.

«Наверное, развалины аулов крымских татар», думает Костя, а воображение уже развертывает становища, гулкий топот табунов, костры кочевников...

Костя идет, осторожнее выглядывая за перевалы: в этой местности должны стоять части противника.

К вечеру он выходит к глубокой долине, ровно покатой, как гигантская чаша. Внизу пламенеет ставок, поблескивает белая сыпь солончаков. В тихом и теплом воздухе слышится перекатное блеяние овец. Огромная отара грязносерым потоком стремится к ставку.

И Костя сбегает к воде, с трудом раздирая спекшиеся губы.

Навстречу с воем бросаются мохнатые злобные псы.

Костя остановился, ища палки или камней.

Шагнув из тени низкорослой вербы, строго кричит старик. Псы, оглядываясь и рыча, неохотно возвращаются, ложатся около старика, шумно дышат, высунув языки.

Костя несмело подходит. Чабан[1] стоит, опершись руками на гирлыгу[2], словно изваяние. С коричневого его лика мягко синеют глаза.

— Добрый вечер, отец!

— Христос с тобой, сын! — добродушно отзывается чабан.

— Нет ли куска хлеба, отец? — просит Костя и замечает мелькнувшее в чистых глазах старика сочувствие.

Чабан идет, мягко ступая постолами[3] по траве и засохшей глине.

Костя с удивлением и любопытством разглядывает его белую вышитую рубаху под ветхим пиджаком.

— Вы не русский, отец?

— Нет, я молдаванин.

— Молдаванин! — с уважением повторяет Костя.

— Идем до ставочка! Будем вечерять!..

Они подходят и рассаживаются на серых плитах плотины. Чабан бережно разрезает на кусочки сало, хлеб. Костя жадно следит за его руками, глотая го-

---

[1] Чабан — пастух.

[2] Гирлыга — длинная палка с крючком на конце для ловли овец.

[3] Постолы — местная мягкая кожаная обувь в роде чувяк.

лодную слюну, рассказывает привычное уже: нет работы, потерял родичей...

— Кушай!

И Костя ест, удерживаясь, чтобы не перегнать старика. Потом пьет прямо из ставка мутную, в мошках и лягушечьем шелку, теплую воду, от которой ни свежести, ни прохлады.

— Как лучше пройти в Феодосию, отец?

— Дорога вот, за горой, через Качаны! — говорит чабан и, помолчав, продолжает:—А итти лучше балками к морю, а там по берегу. В Качанах войска видимо-невидимо — казаки.

«Начинается!» думает Костя. Сердце бьется чаще и сильнее.

— Ну, спасибо, отец. Далеко до Феодосии?

— Верст сорок.

— Спасибо, спасибо, отец!

Костя, опасливо косясь на рычащих собак, уходит от ставка, оглядывается с подъема. Опершись на гирлыгу, камнем стоит чабан, блеют овцы, лиловый и прозрачный сумрак легко ложится на долину.

Селение Качаны раскидано на просторном отлогом склоне. От простора, от пылающего увядания зари Костю охватывает жуть.

«Может, действительно, балками обойти? — мелькает у него мысль. — Нет! Надо пойти!»

Он заставляет себя итти и чувствует, что именно заставляет, хотя и страшно, и все существо его хочет избежать новой опасности.

Облако пыли встает за селением.

«Наверное, стадо», думает Костя. Но пыль, клубясь, выходит за селение, стелется над дорогой.

— Уходят! Войска!

Он махом взбегает на кремнистую каменную горушку. Качаны — в километре расстояния — лежат словно на ладони. По широкой улице чернеет, стоя в строю, конница. Подразделения заходят справа, вытягиваясь в колонну. Голова колонны вздымает красноватую пыль уже далеко за селением.

Настороженное ухо Кости ловит звуки марша.

— Уходят! Уходят! — твердит Костя, крупно шагая к Качанам. — Но почему к ночи? Понятно — скрыть движение!

Падают быстрые южные сумерки, когда он торопливо, запыхавшись, входит в селение. С другого конца шоссе слышится дробный гул колес.

«Это артиллерия,—волнуется Костя,— куда же они пошли?»

Гул с шоссе не умолкает.

«Обозы пошли. Но куда же это? Если бы десант на Кубань, то в другую сторону надо! Тогда на Перекоп! Значит — наступление!» тревожно раздумывает Костя.

Противная холодная дрожь встряхивает разгоряченное потное его тело.

«Но тогда мне надо итти под Джанкой! Посмотрю, какие еще части пошли!»

Качаны словно вымерли. Ворота все закрыты. Ни в одной хате не светится огонька. За заборами яростно рычат, мечутся, провожая Костю, псы.

«Старосту разыщу. Лучше всего!» Костя всматривается в белеющие стены хат, вслушивается в удаляющийся топот, ругает себя.

«А чего же я стою?»

Пробирается потихоньку вдоль заборов. Ровняется с широко открытыми воротами. В большом чернеющем во дворе доме светится окно. Мрак такой густой, что свет обрывается у окна. Из окна струится низкое перемежающееся гудение, словно гигантского шмеля. Слышен тонкий высокий девичий голосок, трогая сердце Кости. Он долго вслушивается, гудение не умолкает. И не умолкает печальный голосок.

Рычит пес. Костя останавливается в воротах.

— Кто такой? — окрикивает сильный женский голос.

— Господина старосту мне! — вежливо отзывается Костя. И гудение и песня обрываются.

— А ну, идить сюды! Пошла! — кричит женщина на собаку.

— Чего вам, старосту?—строго спрашивает с крыльца высокая женщина в белой кофте, и Костя чувствует, какая она плечистая и крепкая. В освещенное окно высовывается испуганная вихрастая девочка-подросток.

— Что бросила? — злобно кричит женщина. — Перебивай молоко!

Девочка исчезает. Снова гудит сепаратор.

«Должно быть, старостиха», решает Костя и, стараясь говорить жалобнее, обращается к ней:

— Я казак-беженец, мне бы переночевать.

— Старосты нет! Обожди тут!

— Собаки не тронут? — еще жалобнее спрашивает Костя.

— Ну, иди в хату! — смягчившись, говорит она. Спохватывается: — Может, у тебя оружие есть? Я тебя обыщу!

Быстро лапает Костю, потом идет впереди в дом.

— Садись тут!

Он послушно садится на скамью у окна. Девочка, раскрыв рот, игриво смотрит на него. Пышная старостиха коршуном налетает на нее.

— Опять рот раззявила, стерва!

Костя вспыхивает в негодовании и отвертывается. Сейчас ей ничем нельзя помочь, этой девочке-заморышу, видно, батрачке. «Правда и кривда!» вспоминается ему сказка военкомдива Дегтева, и волна теплого сочувствия обдает его. «Подожди, правда! Скоро мы сломим кривду! Всю! Без остатка!»

Входит грузный высокий староста с вислыми сивыми усами. Злыми глазами смотрит на Костю.

— Чего еще?

— Казак-беженец. Переночевать!

— Одних, слава Богу, проводил — новые лезут! — ворчит староста. — Ляжешь тут! Переночуешь! — он с досадой тычет в угол на голый пол.

— Вот и хорошо! Спасибо! — Костя шагает, оборачивается из угла:

— А документы мои возьмите до утра.

Старостиха берет, прячет бумагу Изер за грязную закопченную божницу. Костя садится на пол.

— Ушли войска, господин староста? — спрашивает он, насторожась.

— Вся дивизия ушла! — хмуро бубнит тот. — Один лазарет остался в экономии. Наш комендант сейчас туда ушел.

— Он у вас стоит?

— Да.

«Утром до коменданта надо убраться», думает Костя.

— Как же мне теперь догнать часть? — забеспокоясь, тужит он.

— Шут вас знает! На Владисловавку, будто, отошли!

«Значит, на Перекоп, значит, на Джанкой итти!» тревожно думает Костя.

— Господин староста! Я утром на заре пойду. У вас не найдется хлеба мне на дорогу?

— И так все пожрали! — злобно кричит старостиха.

— Я вам заплачу! — Костя вынимает из кармана гимнастерки пачку старых царских кредиток и изумляется про себя вспыхнувшему в черных глазах старостихи алчному огню.

«А там братва мечтает, когда денег совсем не будет!» Костя вздрагивает, вспомнив бережок на Азовском мысу, гуторивших красноармейцев.

Улыбаясь, старостиха певуче говорит:

— Да вы, мабудь, голодны, кушать хочете? Зараз будем вечерять!

— Принеси сала, Гапа! — мягче гудит староста. Девчонка бросается, шлепая босыми ногами, в сени.

За столом сонно, через силу жуя вареники, сало и хлеб, Костя свирепо хмурится, чтобы не заснуть.

— Мабуть, на Семиколодезной ваши остановятся! — рассказывает староста. — Там богато войска. И кавалерия, и пехота. На Ахманае не тильки в ауле, а и по старых позициях скризь в землянках пехота!

Костя кивает головой: «Да-да. Это надо запомнить. Ахманай, Семиколодезная!»

Непреодолимый сон вяжет мысли.

— Постели ему! — говорит староста.

— Что? Ничего! — вскидывается Костя, совсем сомлевший от тепла, от еды.

Старостиха помогает батрачке расстелить на полу кожух.

Костя, кряхтя, разувается, протягивает усталые ноги, а голова его уже спит.

На рассвете его будят голоса. Страшно хочется уснуть еще, тело ломит. Но ведь надо итти. Чего это там разоряется старостиха?

— Мне маты приказала гроши принести! — оправдывается девочка Гапка тоненьким голоском.

— Зараз! — огрызается старостиха. Считает вслух:

— От покрова до покрова сорок рублив. Зараз июнь. Твоих денег, цо заробила, больше половины. На, получи десять карбованцев. И в расчете.

Костя вскакивает, словно от встрепки.

— Проснулись! — лебезит пышнотелая старостиха. — А я вам узелок собрала, и сальца, и яичек, и документ возьмите!

Костя молча подает ей две десятки, берет узел и документ.

— Гапка, проводи дядю! — кричит старостиха.

— Коли случитесь, заходите до нас.

Девочка, забежав, открывает калитку. У Кости вздрагивает сердце при виде ее бледного, синеватого личика. В одно могучее и жгучее впечатление сливается сказка Дегтева, батрачка, хаост уходящей из Качан конной колонны и гул боя тогда, когда его ранили.

— Подожди, родная! Мы скоро придем сюда! — Шмыгнув внезапно носом, Костя сует девочке царскую десятку и уходит.

4

Костя идет по направлению к Джанкою. Смело заходит в хутора и татарские аулы.

На юго-западе синеют высокие горы. В аулах на Костю бегло поглядывают из-под длинных цветных платков миндалеглазые смуглые татарки. Пугливые быстроногие татарчата с криками провожают его до края аулов.

Все чаще покусывает сердце Кости острый холодок тревоги. Частей белых нет. Но еще не высохли кучи навоза, не посерели выбитые конями ямы у коновязей. Напористый суховей еще не развеял огромные золища костров. Вторая Кубанская дивизия только что снялась. Улички аулов, просеки истыканы, словно после оспы, острыми шипами подков.

«И кони перекованы!» отмечает Костя и всматривается в глубокие порезы от орудийных колес.

Словно взбешенное, неистово печет солнце. Сильное и гибкое тело Кости до самых глаз налито усталостью. Глубоко запали облупившиеся, пегие от загара щеки. Подмышками на защитной гимнастерке белеют жесткие соленые следы пота. Заманчивые, радостные в первые дни синие дали, внезапно развертывающиеся за буграми аулы и хутора кажутся ему враждебными. В ушах неистово звенят трели жаворонков, стрекотанье кузнечиков.

За холмом сверкает белокаменное шоссе. Он невольно ускоряет шаги. Проселок, вильнув меж холмов, выбегает на равнину.

Костя ошеломленно застывает: следы коней и орудий сворачивают с проселка наискось к шоссе, но не на север, к Джанкою, а на юг.

«Почему на юг? Куда?»

На карте там железнодорожный узел, оттуда ветки и на Симферополь, и на Керчь, и на Феодосию.

«Если бы не сворачивал с маршрута, я бы уже там был! Чортова скотинушка! Ну, уж нет! Все равно догоню. Только надо отдохнуть...»

Он выходит на шоссе, опускается на бугорке. Медленно, с трудом стягивает сапоги. В нос бьет тошнотная прелая вонь. На пальцах, на пятках ноют синеватые водянки мозолей. Костя огорченно качает головой, тихонько вытирает концом портянки влажные синевато-белые ноги.

Расстилает портянки, ложится на спину, согнув в коленях ноги, шевелит больными пальцами.

Перед усталыми, смежающимися глазами летит, взрываясь и курясь, бездонная синева.

— Сейчас бы искупаться! — вздыхает он, отдирая от груди прилипшую гимнастерку.

Синева чернеет, это уже земля, рябая от подковных шипов, порезов колес. В детстве так, после рыбной ловли, долго мерещились Косте шатающиеся и ныряющие по тихой вечерней воде поплавки.

Тяжелое забытье охватывает его.

— Надо итти! Надо итти! — твердит он и никак не может встать.

Еле отрывает наконец свинцово-тяжелую голову от земли, обувается.

Высохшие грубые портянки давят на мозоли. Костя идет, подворачивая кости внутрь, — так меньше болит.

Ветер обдает зноем, горьковато-медовым духом похожего на полынь чеборца. Обочь дороги волнуется усатый ячмень.

От резкого, неумолимого сиянья болят, щурятся глаза. И все тело — словно разбитое. Каждый бугор тянет отдохнуть.

— Ну, уж нет, — ворчит Костя, — а то и там в пустой след попадешь!

Передвигается вбок, все больше синея и удлиняясь, тень, а он шагает и шагает, смахивая пот, отбиваясь от появившихся откуда-то надоедливых слепней.

К узловой станции он подходит к вечеру. Долго смотрит с последнего бугра на дымную гулкую долину. Свистят маневровые паровозы. Струйки пара пышными белыми султанами возникают над чугунно-черными их трубами. Доносится скрежетание, звонкий лязг сцеплений и буферов. Пути забиты платформами и теплушками. Но около огромного черного полукружия деповского корпуса сереет приземистый бронепоезд.

На привокзальной площади, на улицах убогого и голого — без деревьев — поселка кишит серо-зеленая толпа, но вокзальный перрон пусто сереет: взад и вперед ходят одинокие часовые.

— Это еще что такое? — волнуется, недоумевая, Костя.

Из-за домишек поселка выбрасывается и пылит по дороге крупной рысью конная группа. Казаки, чуть подавшись вперед, стоят на стременах, словно наглухо прибитые гвоздями. Черные кубанки плавно плывут по вечерней синеве. На том, на другом вспыхивают синью стволы винтовок, блестит оправа шашек.

«Дивизию догоняют!» Костя следит за вырвавшимся на полтора корпуса вперед всадником на гнедо-чалом сухоногом жеребце. На перекрестке тот берет повод вправо и сам ловко и сильно склоняется вправо, не останавливая коня и помогая ему повернуть.

«Зачем же им на Феодосию?» все больше волнуется Костя.

Идет к поселку.

Самое страшное — вот это открытое пространство. Тут все его видят. Все, что было до этого, — и переправа и весь путь — все пустяки по сравнению с этим полкилометром по пыльной дороге.

Костя глубоко вздыхает, войдя в шумную улицу, забитую злобными, напуганными людьми.

Люди шатаются, толкаясь, по дороге. Сидят и лежат около хат и заборов. Тут же свалены защитные вещевые мешки, цветные курджины горцев, чемоданы и баулы.

Сидит, прислонившись к крылечку, седая старуха, трясущейся сухой рукой держит перед стекленеющими тусклыми глазами лорнет в черепаховой оправе.

Около нее хлопочет, поправляя заграничный клетчатый плед, молодая красивая женщина в обливающем тугое тело поношенном платье.

Костя пробирается к площади. Вдоль вокзального крыльца, осаживая толпу, ходят часовые.

— Скоро, что ли, пустят туда? — не обращаясь ни к кому, говорит Костя, догадавшись, что весь этот толпящийся народ выгнан с вокзала.

— Безобразие! Два эшелона всего прошло, а пассажиров целый день мучают! — склоняясь к Косте, отзывается мужчина в военном с крупными барскими чертами лица, томными, полуприкрытыми веками глазами, мягким слабовольным ртом и округлым подбородком.

— Не купите ли несессер? — стыдясь, шепчет он, протягивая желтый кожаный ящичек.

— Спасибо, не могу! — разводит руками Костя и, увидев на краю площади прядающих ушами лошадей под казацкими высокими седлами, пробирается к ним. Прислонившись к седлу, смуглый, с черными вьющимися усами кубанец в выгоревшем зеленоватом бешмете недовольно смотрит на пожилого грудастого товарища. Тот, пришептывая и шевеля усами, пересчитывает пачку кредиток.

— Правильно? Правильно? — торопит его свирепый поручик с полным бантом

георгиевских крестов и медалей, крепко держит в руках покупку — узел, откуда выглядывает голубое шелковистое сукно.

Костя, быстро присунувшись к молодому казаку, спрашивает шопотом:

— Где теперь дивизию искать?

Видя, как тот с недоумением глядит на его плечи без погонов, Костя на ухо ему продолжает:

— С бабой замотался, отстал... Увольнительной нет... Из штаба я.

— А мы ординарцы! — важно отвечает казак. — В городе грузиться будем на пароход. Придется тебе пешком топать!

Развернув кисет, он рвет полоску от сложенного тонкого листка, насыпает желтой крупчатой махорки. Костя замечает печатные буквы, порывисто вытаскивает свою коробку с рыжим контрабандным табаком.

— Угости махорочкой, а я тебя табачком! — заискивающе говорит Костя. Они меняются табаками.

Вздрагивающими пальцами Костя разворачивает листок.

«Приказ № 4...» — бросаются крупные буквы. Всю силу, всю жизнь собрав в глаза, Костя смахивает взором с листа:

«Феодосия, 20 июля 1920 года. Офицеры, казаки, солдаты, вам поручено великое дело освобождения Кубани от коммунистов...»

Одно краткое слово ярчайшей вспышкой ошеломляет Костю:

— Десант!..

— Хороший табачок! — бросает казак, затягиваясь и изо всего рта выпуская дым. Вырвав из листа конец приказа и скручивая цыгарку, Костя успевает прочитать:

«Генерал-адъютант Улагай».

— Поехали! — весело бросает пожилой казак, пряча во внутренний карман шаровар деньги.

— Покудова!—щерится молодой Косте, взмахивая на седло. Словно весла в воде, проходят всадники через толпу.

«Десант. Обе кубанских дивизии пошли. Погрузка, значит, ночью будет!— думает Костя. — Как же я успею сообщить?»

Он обходит вокзал — всюду часовые. Попасть в какой-нибудь эшелон и думать нечего. Вспоминает рассказ отца-машиниста, убитого в четырнадцатом году в августовских лесах, как после пятого года железнодорожники возили революционеров в тендерных баках.

«А что если забраться мне туда?.. Куда туда? Где паровоз?»

Костя мчится вдоль путей к депо. На копотных стеклах плавится заря. В открытых огромных воротах шипит готовый, под парами, паровоз. Около поворотного круга, недалеко от попыхивающей серостальной угрозы бронепоезда, толпятся угрюмые рабочие в замасленной одежде. В середине стоит, уцепившись левой рукой за ремень портупеи, тот поручик в крестах, купивший голубое сукно. Иссиня-смуглое лицо его оскалено. Подошедший Костя слушает.

— Объявляю приказ командующего Феодосийским укрепленным районом его высокопревосходительства генерал-майора Ставицкого, — резко говорит поручик, поворачиваясь кругом. — Воспрещается ругаться в бога, в веру, в закон, в царя. Виновные будут подвергаться первый раз трем месяцам тюрьмы, второй раз — шести, третий раз — девяти. В четвертый раз — получат пулю.

В мертвой тишине за спиной поручика отчетливо слышен шопот:

— Закон спасителя мать...

— Что? — вскидывается тот. — Не беспокойтесь. Крым хоть и маленький, а земли на всех вас хватит. Чтобы потом отговорок не было, что не слыхали!

С контрольных площадок бронепоезда, заваленных шпалами и ржавыми рельсами, любопытствуя, смотрят часовые-юнкера с трехцветными корниловскими косячками на рукавах.

Рабочие, глухо, под нос матерясь, расходятся.

«Вот тебе правда и кривда! — вспыхивает Костя. — Но тут и думать нечего устроиться. Вот они!» Он, нахмурясь, оглядывается на часовых бронепоезда. Верхняя губа его сердито вздернута.

«Но как же выбраться-то отсюда?»

Около вокзального крыльца галдят, суетятся торговки, отгоняемые часовыми. Дверь вокзала хлопает и визжит

Сбегаются к торговкам — покупать снедь — офицеры и юнкера.

«Эх, проворонил! Когда же пришел этот эшелон?» ругает себя Костя, расталкивая людей, поспешая к вокзалу. На рукавах прибывших виднеются трехцветные значки.

«И тут корниловцы!»

Костя уже доходит до торговок. На крыльцо вокзала выбегает коренастый солдат. Вскидывает над головой блестящую медную трубу.

— Тра-та-та! — звонко раздается сигнал. Лицо горниста чугунеет. Словно стадо под ударом бича, кидаются со всех ног к двери юнкера и офицеры.

Костя боком проскакивает мимо торговок.

— Что — посадка, господин капитан? — отрывисто спрашивает он у бегущего с ним рядом офицера.

— Сейчас тронемся! — бросает тот.

— Скоро приедем?

— Часа через два будет Керчь!

Ошеломленный Костя отстает. Керчь? Горнист на крыльце опускает трубу. Сильно вздыхает. На губах его резко виден побелевший от крепко прижатой трубы и натуги глубокий кружок, медленно наливающийся кровью.

Обгоняемый бегущими, он проходит к выходу на перрон, заглядывает в дверь.

Эшелон стоит на первом пути. Юнкера, офицеры, солдаты лезут в теплушки прямо с перрона. Трубач выжидающе стоит около классного офицерского вагона. Вдоль перрона прохаживаются рослые военно-полевые жандармы с цветистыми повязками на рукавах.

Запоздавшие юнкера отталкивают Костю от дверей.

Задорно гремит стоголосый припев старой корниловской:

Жура, жура, журавель,
Журавушка молодой...

Раскатисто поет медная сигнальная труба. Сильным дребезгом отзываются стекла и рамы окон на могучий — в три тока — рев гудка.

«И паровоз пассажирский под эшелоном!» думает Костя, привычно напрягая горло, как для зевоты: это оберегает слух; это наука отца-машиниста, часто бравшего его в грохочущие стоверстные пробеги.

5

Тихо трогаются вагоны. Брошенные становища конницы, следы подковных шипов и орудийных колес, схваченные на лету слова о керченском направлении и ушедших туда эшелонах, натуга горниста и рев пассажирского паровоза — все это разом встает в памяти, потрясая Костю. В неуловимо короткий миг он мысленно просматривает свои документы уволенного вчистую казака станицы Казанской Ильи Любимова, проверяет свои подготовленные, продуманные не раз ответы...

Против двери идут уже последние вагоны эшелона. Костя, плечом отбросив взвизгнувшую дверь, стремительно пролетает на носках перрон и, ухватившись за скобу, вскакивает в теплушку с лошадьми.

Двое вестовых бросаются с тюка прессованного сена, свирепо замахиваясь на Костю.

Лошади, гулко перебирая ногами, вскидывают над барьерами морды с трепетными розовыми ноздрями, остро прядают ушами.

— Отстал! — виновато улыбаясь, говорит Костя, переводя дух и успев уже — взглядом одним — осмотреть теплушку: на тюках сена свалены офицерские седла с кованными медью луками и отдельно простые драгунские. «Лошади командования», отмечает он про себя.

— Почему без погонов? — тычет вестовой постарше, в английском буро-зеленом вытертом френче. Закрученные рыжеватые усы его угрожающе топорщатся.

«Холуй! Шкура!», решает Костя, взглянув в свинцовые его глаза и, прижав к сердцу руки, кричит:

— Братцы, не погубите! До своих в Керчь еду! Дядька там в госпитале! Что же мне — пропадать тут? Поездов нет...

Молоденький вестовой смотрит с участливым любопытством.

Выдернув из кармана бумажник, Костя сует его старшему.

— Господин ординарец! Я вам заплачу! Христа ради...

У того жадно вспыхивают глаза. Рука тянется к деньгам и вдруг взлетает к колечкам рыжих усов. Покосившись на другого вестового, он строго говорит:

— Чего еще выдумал! Документы давай!

— Будьте так ласковы, господин ординарец! — Костя подает увольнительный билет и думает о рыжем: «Какой жадный до денег! Хуже старостихи. Аж руки затряслись!»

Поезд набирает ходу. Качается со скрипом теплушка. Под полом дробно рокочут колеса, стучат на стыках рельсов. Проносится мимо семафор, будка на переезде, гулко отзывается бетонный мосток.

Костя подмечает блеснувшую в глазах старшего хитринку.

— Я же по чистой уволен, господин ординарец!

— Как, Федоров, возьмем? — будто в раздумье спрашивает рыжий.

— Пусть едет! — дружелюбно отвечает тот.

— Ты деньги-то спрячь! Мы сами с деньгами! — грубо кричит рыжий.

И вновь Костя ловит мелькнувшую в его глазах хитринку.

— Иди, садись!

— Да я постою! Вот спасибо! Вот спасибо вам!

— Садись, тебе говорят!

Костя покорно садится на пол около двери.

Рыжий молча подходит к драгунским седлам. Роется в переметной суме.

Молодой садится рядом с Костей, свесив наружу ноги.

— Зараз у нас в Ставропольи пшеныцю мабуть косять! — грустно кричит он Косте сквозь гул. — Косилки тебе скворчат, як поезд.

На лбу его ложатся глубокие морщины. Вздохнув, он, сбоченясь, вытягивает ногу и достает из кармана вышитый бисером алый кисет.

«Если б того не было, я бы его расспросил!..» Костя искоса следит за рыжим, все еще копающимся в суме.

Перед дверью проходят поросшие дерном склоны, выемки, и сразу простирается темнеющая долина. По склонам ее, чередуясь, сбегают полоски темной пшеницы, заросли высоченных метелок веничного проса. Где-то в передних теплушках поют, обрывки песен пролетают сквозь гул.

Подходит рыжий. Закуривает, сплевывает, с треском бьет по ладони замусоленной колодой карт.

— Эх, и сыграть хочется.

«Вот оно что! — соображает Костя: — Придется ему проиграть!..»

— Давайте-ка сыграем!

Тасуя карты, рыжий опускается на колени.

Молодой вестовой, встретив взгляд Кости, молча качает головой. Костя как будто не замечает предостережения.

Рыжий притворно-весело бросает на пол карты, тощую кучку смятых бумажек.

— Ну как? В очко?

«Сволочь какая! Прямо взятку не взял! — с презрением и ненавистью думает Костя... — Не играть — тоже нельзя...»

— Старшая карта держит банк! Снимай!

Костя с отвращением берет жирную пухлую карту, переворачивает.

— Туз! — вскрикивает рыжий. — Везет тебе!

Костя медленно, с сожалением вытаскивает бумажник, вынимает пачку тысячных билетов.

«Это же не мои, на работу мне дали... — проносится мысль. — Ну, больше десяти тысяч не проиграю. Сберегу на еде...»

— Сдавай, что ли! — кричит рыжий.

Костя ставит в банк две тысячи. Дает карту ему и кладет себе.

— Две карточки! На все! — Рыжий машет, словно манит карты волосатым пальцем, на котором желтеет толстый бирюзовый перстень.

Костя протягивает, и рыжий, на лету поймав карты, согнув их трубочкой, подносит к носу. Начинает потихоньку вытягивать карты, дует на них, теребит пальцами.

— Была не была — повидалася! — залихватски подговаривает он. — На, бери себе!

Волнуясь, трясущимися пальцами Костя открывает свою карту — семерка!

К семерке идет девятка.

— Ха-ха! — вскидывается рыжий.

Костя смотрит на покоробленные карты рыжего, лежащие на столе. Его охватывает какое-то особое волнение. Косте и раньше приходилось изредка

играть. В восемнадцатом году, после боев с чехо-словаками, раненный в руру, он как-то подсел к ребятам, в пять минут проиграл месячное жалование, награду за ранение — 250 рублей. Под дружный смех ребят, сам растерянно ухмыляясь, поставил и проиграл часы и ушел матерясь.

Но сейчас игра идет по-иному...

— Все равно! — Костя открывает карту:— Король! Двадцать очков.

Рыжий молча, не показывая, сует свои карты вниз колоды, кладет в банк проигрыш.

«А что, если я его выпотрошу? — мелькает у Кости мысль: — Вот будет номер...»

Взревывает гудок. Колеса скрежещут на входной стрелке.

— Должно быть, Семиколодезная! — прислушиваясь, говорит Костя. — Подожди-ка!

Он сгребает горстью бумажки и высовывается из теплушки, держась за косяк.

В двери проносится водонапорная башня, строения. На небольшой, плохо освещенной платформе машут руками солдаты, офицеры. Ни одного казака не видно.

— Давай играть! — злобно кричит рыжий.

— Иду!

Костя присаживается на колени, выкладывает деньги. Рыжий осторожно берет карту, но, взглянув, уверенно кричит:

— По банку! Давай!

Костя бросает пухлую карту. Тот на лету переворачивает ее, показывает два туза и хватает и деньги и колоду.

— Зажги свечку! — кричит рыжий.

Молодой ординарец не спеша достает стеариновый толстый огарок, чиркает спичкой. Потрескивая, фитиль занимается огнем. Молодой наклоняет огарок, растопленный стеарин капает на пол.

— Скорей!

Молодой прижимает огарок к полу, давя накапанную остывающую массу.

Уходит к стене, ложится на сене, закутавшись с головой.

— Посмотрим, как вы играете!

— Посмотрим!

Костя, облизывая сохнущие губы, берет десятку, идет на тысячу. Следит за руками рыжего. Тот держит колоду карт так, что ее не видно в огромных лапах. Толстые пальцы его непрерывно шевелятся.

К десятке идет король.

— Надо брать. Давай!

— На!

Костя, как рыжий, начинает тянуть карту, волнуясь. Показывается червонный глазок.

— Жили были дедушка и бабушка!— презрительно говорит рыжий. — Пока ты тянешь, я сказку расскажу. Детей у них не было, а третий — дурак!..

«Что же это я взялся?» вдруг думает Костя, вспоминая Дегтева, его сказку, потом красноармейцев на бережку, разговаривавших, как не будет денег.

— И еще жили дедушка и бабушка...

— Перебор! — говорит Костя, открывая девятку.

— Ага!

«Ну, теперь только по мелочи!» решает Костя.

Проигрыш идет за проигрышем.

— Ах, чорт возьми! Да что это за невезение! — выражает Костя досаду.

Рыжий все больше злится на Костю из-за мелких ставок.

— Балуй! — злобно кричит он на лошадей, то гложущих доски барьера, то затевающих грызню. Кони вздергивают морды, опасливо косятся на рыжего; во влажных больших глазах у них мерцает то красный, то зеленоватый огонь.

Молодой уже спит на тюках сена, завернувшись с головой в попону. В дверь теплушки струится ночная свежесть. Костя жадно и глубоко дышит, передумывая все наблюдения и впечатления дня. Теперь уже бесспорно, что противник проводит десантную операцию на Кубань; во главе десанта Улагай. А какие силы десанта, кроме 2-й Кубанской дивизии, пошедшей грузиться в Феодосию?

— Эх ты, игрок!— злобно издевается рыжий, когда Костя открывает набранное на двадцать одно очко. — На туза так ходишь!..

— А я тузам не верю! Ты мне семерку дай!

— Жила ты, а не игрок!

Костя утраивает ставку, проигрывает. Рыжий довольно скалит желтые крупные зубы.

«Ему нужно ободрать меня, но чтобы все было по правилам, будто я не вижу его шулерства, — думает Костя. — Только мне и пикнуть сейчас нельзя... Они, белые, и во всем так. Ну, мы вам еще пикнем, так пикнем...»

И второй, и третий раз, и еще гудит паровоз. С грохотом и шатаясь пролегает полустанки состав. Черные клубы дыма кубарем скатываются по крышам теплушек.

Проиграв положенные им десять тысяч рублей, Костя хочет встать.

— Играй, играй! — угрожающе рычит рыжий.

— Давай! — вспыхивает Костя. Проигрывает сразу тысячу, ругается про себя: «Ах я, сволочь!»

— Вот так я люблю!

Рыжий вытаскивает из кармана пачку сигареток.

— На, покури!

— Кто сейчас у вас начальник дивизии? — вдруг спрашивает Костя, отвернувшись.

— Мы сами себе дивизия! — высокомерно отвечает рыжий. — Мы военная школа имени его высокопревосходительства генерал-лейтенанта барона Врангеля в Симферополе. Нас сейчас только придали к 4-й пехотной дивизии на это дело.

— Ну, сдавай, что ли! Дай карточку, — перебивает Костя.

Тот сдает и все бурчит:

— Нас придали, Алексеевское училище придали. Да все равно, что это за дивизия? Со всеми в три эшелона вместилось.

Вновь — под уклон — татакают колеса, трещит, шатается теплушка. Падает с болтнувшихся на повороте тюков сена молодой. Топчутся, бьют копытами кони.

Тревожный гудок паровоза хлещет тьму. И Костя и рыжий, за ними молодой бросаются к двери.

В глубокой долине, внизу, развертывается стремительный сверкающий поток городских огней. Ближе, под мерцающими фонарями станции, прямо на эшелон строго целится красный глаз семафора.

За железнодорожным полотном начинается окраина города, смутно чернеют дома, редкие огни горят желто и тускло.

И из других теплушек высовываются беспокойно люди. Вагоны покатываются и гремят буферами и сцеплениями. Пронзительно шипит паровоз, яростно скрежещут тормозные колодки.

Состав останавливается около самого семафора. Рыжий спрыгивает и бежит вперед вдоль состава. Костя, встревожась, соскакивает на мягкий песок, отходит через канаву в темноту, морщась от боли в ногах.

У паровоза красновато-алые вспышки топки озаряют закапанные мазутом шпалы, ребристые рельсы, могучие скаты колес.

Доносится глухое ворчание города. И вдруг справа, из плотной солоноватой сырости, летят бурные звуки оркестра.

«В крепости!» думает Костя, замирая и вслушиваясь.

— Тар-рам-та-та! Тарам-тар-ра-рам! — вопят трубы оркестра «встречу». И гулкие барабаны и трескучие звонкие тарелки утверждают:

— Да-да-да-да! Ах, да-да!

«Что же это такое? Что за части?» Закусив губу, Костя напряженно слушает.

— Тар-рам-та-та!..— всплескивает уже другой оркестр. Трубы его звенят чище и певучей, и уже не гукает барабан, и еле слышен рассыпающийся звон тарелок.

Внезапно смолкает этот оркестр.

— Тар-рам-та-там! — подхватывает другой, и опять не слышно барабана, и звуки труб прозрачные, чистые и легкие.

«Ну да! — решает Костя. — Здесь и пехота с барабанами в оркестре и конница: у той барабанов нет. Тут и 1-я кубанская — кубанцы, и 4-я сводная... Значит, парад. Как же я теперь поспею предупредить своих?..»

В памяти ослепительно ярко: там, за городом, море, пролив меж Азовским и Черным морями. Лодка высадила Костю около Восточного маяка — это кило-

метрах в двадцати левее города. Южнее — у песчаной косы Чушки — пролив шириною всего в пять километров. Но туда не доберешься!.. Тут ведь прифронтовая полоса... Другая коса — Тузла — заканчивается против Керченской крепости. Но тут ширина до восьми километров.

Костя вздрагивает, представив крепкий скалистый мыс крепости, напористо стоящий над морем.

— Тар-рам-там-там... — дружно начинают трубы третьего казачьего оркестра.

Костя смотрит на городские огни, жестокие переливные огни.

«В порту, в рыбацких поселках — посты. Туда и носу не сунешь, нето что лодку достать... Парад, видно, перед посадкой... Надо итти! Но я же не знаю численности десанта!.. И когда он будет?..»

Вдоль состава ходят, переговариваясь, люди. Костя видит: в освещенных окнах классного вагона командования мелькает рыжая морда ординарца.

«Шпик!.. Зря я его расспрашивал», вздрагивает Костя. Пригибается, видит: из тамбура один за другим соскакивают офицеры, бегут к теплушке.

«За мной!» вспыхивает мысль. Он со всех ног бросается назад вдоль полотна. В ушах свистит от быстрого бега. Забыты мозоли, ломота в ногах. Сухие жаркие глаза его всматриваются в темноту.

И тут, на бегу, ярко встают в памяти слова военкома Дегтева: «Нам всем, как один, стоять!..»

И сердце Кости трепещет: «И я один, как все. И вся наша страна так стоит! Надо пробиться, и все тут! Про десант узнаю, теперь доберусь — сообщу!»

Тошнотной густой падалью обдает его с начавшихся балок. Он останавливается.

Красной точкой виднеется семафор, около которого, невидимый отсюда, стоит состав. В тишине гремят звуки оркестра — четвертого по счету. В стороне чудовищной черной громадой высится гора Митридат.

«Как же я доберусь? Не доберусь я!— в отчаянии думает Костя и обрывает себя: — Только без паники. Возвращаться нельзя — раз! О десанте скорей сообщить — два! Пусть уж там авиация наша следит дальше... Значит, надо плыть на Тузлу. Выйти к берегу и плыть от крепости. Как можно дальше пройти по дну, а там плыть...»

6

Костя, согнувшись, долго идет по небольшой ровной балочке. В висках оглушительно стучит кровь. Каждый бугор кажется часовым. И, затаив дыхание, он крадется на носках, успокаивая себя, ругая за трусость и вновь замирая перед новым бугром.

Из темноты соленой влагой дышит близкое море. С хлюпаньем и вздохами ложатся на берег волны. За морем, над далекой и милой Кубанью, небо белеет.

«Неужели луна? — Костя останавливается.— Да нет! Это зарево над станицей Таманской!»

Костя сбрасывает ненужные теперь сапоги и ползет. Вдруг замирает: по хрустящей гальке около воды идут часовые, возвращаются. Они ходят по пляжу взад и вперед. Огромным усилием сдержав проклятье, Костя отползает назад, потом вправо и там уже поворачивает к берегу. Глядя в сторону часовых, он быстро, обдирая колени и руки, сползает в воду.

— Чего это там чернеет? — В теноре часового слышится страх и любопытство.

— В глазах у себя, храпоидол, чернеет! — обрывает его бас.

Снова хрупает галька.

Костя проползает до глубокого места. И тут — лишь одна голова над теплой парной водой — скидывает с себя одежду.

Влево, на далеком берегу, сияют портовые и городские огни. На проливе покачиваются желтые и белые огни эскадры.

Костя идет по твердому песчаному дну. Прямо, над черной зловещей массой пролива, белет зарево над кубанским берегом. Дно обрывается, и он, с испугом окунувшись, плывет. Плывет он боком, положив голову на воду, сильными толчками бросая тело, пофыркивая и глубоко вздыхая.

Ровной мертвой зыбью — отголоска-

ми буйного шторма, дошедшими из бескрайных зеленых просторов, — вздымается море.

Костя плывет, поднимаясь на вершины покойных волн и скользя вниз.

Позади расплывается в зыбком мраке громада гор. Над головой ходит мягкое низкое небо, и звезды излучают мерцающий свет. С вершины валов Косте видны кланяющиеся огни судов, весь переливный поток городских огней. Далеко в глубине пролива мигает маяк.

— Отдохну, — громко говорит он и пластается на воде, тихонько шевелит пальцами ног, боясь и предупреждая судороги. Уши ловят неясный гул, всплески и удары в воду. Костя нервно поднимает голову.

С берега — видимо, из приморского сада — несутся над водой протяжные, грустные созвучья меди.

«Вальс! — неожиданно для себя улыбается Костя и хмурится: — Плыть, плыть».

И он плывет, размеренно ударяя руками и ногами, плывет на боку, потом на спине.

Еле слышные доходят с берега звуки, но вот и не слышно их за шорохом и плеском.

Вдруг словно лопнуло, треснув, гигантское полотно. Костя в ужасе, чуя дрожь в корнях мокрых волос, озирается во все стороны, держась стоймя на месте и отчаянно перебирая ногами.

Опять лопается в стороне, на скате волны вспыхивает мутная бледнофиолетовая струя.

«Дельфин!», холодея, думает Костя и уже представляет себе острый, как бритва, черный плавник, разваливающий надвое его живот оттуда, снизу...

Он с силой бьет руками и ногами, громко устрашающе фырчит, крутя головой на каждый всплеск.

Левую щеку его внезапно обдает прохладой. Он вскидывает голову. Да, ветер, уже иной. Раньше он дул с правой стороны.

Костя держится на воде, осматриваясь. Мигающий огонь маяка сейчас почти позади, а ему надо быть сбоку. Он медленно уходит и уходит.

«Течение... В море несет...»

Костя захлебывает воды — вода пресная, из Азовского моря. Тупой и огромный ком распирает горло Кости.

«Где теперь коса?..»

Он ищет зарево Таманской и опять плывет, медленно водя набрякшими усталостью, словно каменными руками и ногами.

В судороге заскакивает, деревянеет икра правой ноги, простреленная еще в девятнадцатом... Костя постепенно растирает ее и опять плывет, плывет.

— Тар-рам-там-там! Тар-там-там-там... сверлит голову навязавшийся мотив «встречи».

«С музыкой пропадаю! — кривит в усмешке лицо Костя и содрагается и протестует всем своим существом: — Конец? Не хочу, не хочу!..»

С силой плывет и скоро слабеет, слабеет еще больше.

— А может быть, мелко уже?..

Взохнув, он опускается, подняв над головой руки, сложив ладони вместе.

Ледяная струя обжигает ноги, туловище. Костя открывает глаза и сплющивает их в ужасе перед мраком пучины.

Отчаянно рвет руками воду, вылетает на поверхность.

«Не доплыву! Хлебнуть, что ли, самому?.. Да и сволочь же я!» Костя пластается по воде. Стынут ноги, зубы дробно стучат. Он плывет тихо, словно снулая рыба.

Плещут, полощутся в глубокой холодной пучине звезды. Зыбь идет чаще и круче. Непрерывно и хлестко бьют всплески.

«Надо плыть! Надо плыть», в смертельной тоске думает Костя.

Он приноравливается к волнам: бьет руками в тот момент, когда подходит гребень, и волна вздымает, несет его. Но слабые руки отстают, и один за другим выбегают из-под него валы.

«Кто скажет про десант?.. Я же должен сказать», стремительной бессвязной чередой вьюжатся воспоминания.

— Не хочу! — с рыданием вырывается у Кости.

С трудом поднимая голову, он ждет волны; тратя остатки сил, всплывает на гребень.

И снова гребень убегает.

«Конец!» вспыхивает мысль, и Костя больно ударяется коленом о песок спасительной отмели...

В серой мгле рассвета, голый, чугунно-синий, ободравшись в кровь о гальку и песок, Костя приползает на красноармейскую заставу.

Через полчаса бойкий телефонист вызывает штаб полка. Костя, укладываясь в углу под шинелями заботливых бойцов, слушает гнусавое мягкое гудение аппарата, ожесточенный мат телефониста, отводящего душу, закрыв трубку ладонью.

Он думает, что сегодня же увидит ребят, военкомдива Дегтева. Верхняя — излучиной — губа Кости вздрагивает:

— Ну уж нет! По мере надобности можно и еще сходить в тыл! Раз партии нужно будет!.. Нехитрая штука! История работает на нас!

„Быть членами союза молодежи — значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело“.

Н. Ленин

Бруно Ясенский
Перевод М. Живова

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

В белые ночи, средь лугов и пашен,
На которых и мгла и мох,
Эти песни, что кровью окрашены,
Я собрал и сложил, как мог.

Осень, встав дирижером над озером,
Машет вербами лягушечьим гаммам в такт.
На последний крапленый червонный козырь
Сегодня со смертью играю в дурака.

Может, завтра пройдет уже трактор
По этим полям, прорезая мглу,
Вспугнет ночь, окутавшую мраком
И взявшую эти поля в кабалу.

И на сотни миль, может быть, скоро
На месте прежних межей и гряд
Вырастет огромный каменный город,
Необозримый кубический сад.

И когда ночь свой звездный молебен
Будет служить под луною там,
Аллеи, простершиеся под небом,
Загорятся сотнями электрических ламп.

...В белые ночи, крадясь меж кустами,
Когда солнце начинает во мгле тонуть,
Выходила моя песня и потом часами
Завывала, как пес, на луну.

Приседала на корточках за сорняками,
Раскачивалась, приседала и качалась вновь.
А утром пастух, проходя, под ногами
Находил здесь разбрызганную каплями кровь.

И однажды эта песня меня нагнала,
Схватила, повалила здесь в поле, во ржи,
Вырвала язык мой и вложила мне жало,
Прижала и сказала: «Служи!»

Зимою пришла ко мне робко, со стоном,
Проскулила: «В крови я!» Взмолилась: «При-
грей!»
И вот вырос кровожадный волчонок,
Вскормленный сердцем и кровью моей.

...Окончив бег свой с зимою взапуски,
Придет весна, сердец скорлупу раскровив,
И сядем все мы за общую трапезу
Средь расцветших лесов и нив.

В этот день солнца не скроют тучи,
Мгновение остановится — мы крикнем: «Стой!»
И каждый принесет самое лучшее
На общий пиршественный стол.

В этот день засверкают просторы,
В этот день, возвещенный бурей времен,
Все мы — краснокожие, белые, черные —
Смоем краску с лиц и знамен.

К этому дню — он придет, он будет! —
И я несу свой лучший дар —
Мою песню злую на глиняном блюде,
Бьющуюся в крови, как карп.

М. Завьялов

РАБФАК

РОМАН

Часть первая

Лет двадцати с виду, веснущатый, с простецкими голубыми глазами, в проношенной на локтях гимнастерке, шагал по большаку деревенский парень. Навстречу ему бил ветер, вокруг распласталось непроглядное, холодное по осени поле. Дорога, уходя к горизонту, тускло блестела колеями. Прохожий щупал взглядом горизонт впереди себя, ожидая, когда из незаметной лощины покажется Онуфриево — деревня, куда он спешил добраться до наступления ночи. Над полями низко летели тучи, шел мелкий, как пыль, дождик. Ежась от холода, ветра и сырости, поскальзываясь сбитыми задниками сапог, парень ускорил шаги. С наступающей темью в чужом поле становилось тоскливо, хотелось поскорее добраться до жилья и отдохнуть.

В черном долу сверкнули огни деревни. Через полчаса прохожий озябшими пальцами постучался в окно крайней избы. Сквозь мокрое стекло он увидел, как поднялся с лавки чернобородый мужик и, согнувшись, лениво подошел к окну.

— Пусти, дедок, переночевать, — пугаясь своего голоса, нетвердо попросил прохожий.

— Самим впору к людям пойти, — ворчливо отозвался мужик, и прохожий двинулся на огонек дальше. В избе, куда он снова торкнулся, оказался больной, и в ночлеге также хозяева отказали.

«Дела!» буркнул себе под нос парень, прислушиваясь к завыванию ветра, и направился на огонек последней избенки, притулившейся у околицы. Дальше шло голое поле. Если не отзовутся и там, придется ему забраться куда-либо в клуню и переночевать, зарывшись в солому.

Дождь усиливался. Сквозь его шум парень вдруг расслышал жалобный вскрик женщины. Когда резкий и зовущий о помощи голос повторился, стало ясно, что он долетал из крайней избы. Прохожий, не раздумывая, бросился вперед. Охваченный упрямой решимостью, он без спроса вбежал в тесные сенцы и распахнул дверь в горницу.

В переднем углу, упираясь о стол руками, с распущенными темными волосами, в изорванной кофтенке, вся вздрагивая, стояла молодая женщина и, задыхаясь, кричала:

— Уходи! Уходи! Уходи!..

Посреди избы бычился приземистый, нескладный и, видимо, пьяный парень. Он угрожающе сжимал большие кулаки и готов был кинуться в драку.

— Убью, негодница! — вдруг дико закричал большеротый парень и бросился к женщине.

— Вася, Вася, что ты со мной делаешь! — взмолилась было женщина, но, подмятая пьяным, повалилась вместе с ним на пол и замолкла.

Вошедший скакнул к пьяному парню, сгреб его в охапку и с ревом потащил к двери. Большеротый не успел опомниться, как очутился на улице. Прохожий захлопнул за ним дверь и наложил крючок.

— А, дружка себе завела! Я доберусь до тебя, легавка! — уже с улицы хрипло орал пьяный и, хватаясь за дверную скобку, сильно сотрясал весь дом. Но дверь не подавалась. Тогда он принялся стучать в нее кулаками.

— Зарежу!

Прохожий, привалившись к косяку, стоял недвижимо, у него только вздрагивали губы.

Поднявшись с пола и оправляя на себе лоскуты порванной кофты, женщина с изумлением спросила:

— Ты кто такой?

Прохожий посмотрел на ее еще не остывшее от возбуждения красивое лицо и не сразу нашелся, что ответить.

— В роде как не нашинский,— снова заговорила женщина и, точно почувствовав его смущение, приветливо позвала:

— Да ты проходи. Чего стоишь у порога? Хата просторная. Вот, проклят, навязался на мою шею,— сердито взглянув на дверь, поспешила она объяснить свое положение. Ей хотелось, чтобы чужой человек не мог подумать о ней дурно и узнал истинную причину ее ссоры с мужем.

В окно с прогала раздался треск. Звякнули стекла в раме и посыпались мелкими осколками на лавку. Это ударил в отместку колом по раме отверженный муж. Прохожий выбежал наружу, метнулся в проулок, но там никого не было.

— Выходит, непоправимое что у вас,— возвращаясь в избу, сочувственно проговорил прохожий, подходя к разбитому окошку.

— Непоправимое. Ушла я от него.

— Одна теперь будешь жить?

— Одна.

— Как зовут-то тебя?

— Аришей. А прозываюсь по мужу Малявина. А ты чей?

— Курганов Фрол из Яблонки.

— Ну, Яблонку-то я знаю. Моя мамка, покойница, была с вашей стороны, из Муравьевки.

— Скажите! — вокликнул Курганов. — Я муравьевских всех знаю.

— И сейчас там моя родня проживает.

— А кто это?

— Ферапонтов Григорий Иваныч, дядя мой.

— Ферапонтов Григорий! Это тот, что в председателях Муравьевского сельсовета. Да я его отлично знаю.

— Ну вот видишь. Значит, мы с тобой и не совсем чужие, — улыбнулась Ариша и спросила: — Идешь, что ли, куда?

— В город.

— Далеко. Устал, чай? Может, поесть хочешь? Давай со мной ужинать, — предложила дружески Ариша, желая этим показать свое расположение к неожиданному гостю из Яблонки.

— Признаться, проголодался, — сказал откровенно Курганов и смело полез в передний угол.

— Я тут у вас всю деревню обошел, просился ночевать — никто не пустил. Ночуй, где хочешь, — робко заговорил за ужином Фрол, намекая Арише на то, что нельзя ли ему остаться у нее.

— Кто тебя пустит? Откуда знать, кто ты такой? Может, бандит, — лукаво посмотрела Ариша на Курганова.

Вмешательство этого парня в ее ссору с мужем придало Арише смелости. Она не могла объяснить себе этого, но ясно чувствовала, что у нее нет сожаления о случившемся.

Неожиданное появление Курганова произошло именно в тот момент, когда она готова была смириться перед Васькой. Но теперь она нисколько не болела душой об окончательном разрыве с мужем.

И вдруг представила себе следующий день. Она одна. Снова Васька, пьяный и озверелый...

— Хоть грешно, а я тебе завидую.

— Чего завидуешь?

— Вот ты идешь в город.

— Нда, — неопределенно ответил Курганов и замолчал.

— Я вот никак не осмелюсь.

— Что так?

— Боюсь. Тут у меня хата своя. Огород есть. Курица — и та моя. А как я буду в городе?

— Нда, — снова неопределенно ответил Курганов, невольно уносясь мыслями в город. — Там действительно жизнь!

Курганов вспомнил свое пребывание в Красной армии и большой город, но говорить ему не хотелось, ноги гудели от усталости, мокрая рубаха раздражала плечи, хотелось ее скинуть и поскорее лечь и спать непробудно до самого утра. Едва дождался, пока Ариша кончила стелить ему постель.

Проснулся Курганов на рассвете, когда Ариша еще спала. Он встал, освежил лицо пригоршней воды и, забрав свой вещевой мешок, собрался уходить. Перед уходом взглянул на спящую Аришу.

Она лежала, повернувшись к нему лицом. На один миг появилось желание подойти к ней, легонько коснуться ее теплых розоватых плеч и, разбудив ее, сказать:

— Идем со мной, Ариша. Чего ты будешь маяться тут одна!..

Город встретил Фрола обычной своей сутолокой. Пахло перегорелым бензином и пшеничными булками. Курганов, опасливо озираясь по сторонам, увлекаемый общим потоком городского движенья, как соломинка, попавшая в водоворот, кружил по улицам, стараясь вынырнуть скорее к центру, где помещался исполком.

На углу улицы Карла Маркса и Советской Фрол со всего размаху столкнулся с неизвестным гражданином. От толчка у гражданина сорвалось с носа пенсне и звякнуло об асфальт. Пенсне разбилось. Гражданин свирепо взглянул близорукими глазами на Курганова и, размахиваясь руками, раздраженно проговорил:

— Медведь! Прешь и не смотришь, куда.

Курганов виновато съежился и, опасаясь, что гражданин прицепится и потащит его в милицию, подался по Советской саженным шагом. Ему запомнились вытаращенные красноватые белки гражданина.

Подходя к Дому советов, Курганов оглянулся. Ему казалось, что гражданин, у которого он сшиб пенсне, все еще гонится за ним. Убедившись, что теперь он вне всякой опасности, Курганов одернул гимнастерку, поправил на голове затасканную защитного цвета фуражку и смело взялся за аршинную медную ручку входной двери. С полчаса он простоял в приемной секретаря исполкома, ожидая своей очереди.

Светловолосый, со скучающими серыми глазами, с тонкими, злыми губами, секретарь исполкома товарищ Шамраев безразлично пробежал кресткомовскую рекомендацию Курганова и, как бы на воздух, механически произнес:

— Надо обратиться в окроно. Туда иди.

Фрол взял бумажку из секретарских рук и ушел. Но, вспомнив, что он не спросил секретаря, где находится окроно, вернулся и снова простоял в очереди некоторое время.

— Что ж ты опять? Я сказал, что надо в окроно, — пожал плечами секретарь, увидя снова перед собой веснущатое голубоглазое лицо Курганова.

— Я не знаю, где окроно, — буркнул Фрол, робея перед Шамраевым.

— Справочный стол на четвертом этаже, — сказал секретарь таким тоном, словно еще хотел крикнуть:

«А теперь выметайся поскорее!»

Курганов сразу же возненавидел Шамраева. «Сидят тут, бюрократы окаянные».

На четвертом этаже он долго искал окроно.

В отделе народного образования бородатый человек с широким ноздрястым носом, прочитав кургановскую бумажку, неутешительно покачал головой:

— Этого мало. Нужна командировка от рика, товарищ.

Фрол по-собачьи щелкнул зубами и растерялся. Он был в рике еще на прошлой неделе; там ему сказали, что нет никаких командировок и чтоб он шпарил прямо в окрисполком.

«Окрисполком посылает в окроно. А в окроно никакого толку. Так неужто, помимо рика, окроно само не может дать командировку?», с недоверием вглянув на волосатого заведующего окроно и заподозрив, чтот тот просто не хочет дать ему командировку, подумал Курганов и начал соображать, как ему половчей уломать неподатливого зава. И вдруг пространно и сбивчиво стал говорить, что советская власть открыла ему глаза и что он как ее преданный и низовой работник должен поступить на рабфак. Говорил он фальшивым голосом, приниженно и даже юродствуя. Точно проснулось в нем то особенное мужицкое чувство покорности, что было крепко вогнано в кровь многим поколениями его предков. «Что же это он?» спохватился было Курганов. Он стоит перед начальником и, точно холоп, просит у него милости. А ведь всего несколько дней тому назад у себя в

Яблонке, лихо и независимо вскидывая голову, он, как с равным, спорил с приехавшим инструктором окружкома. То было в деревне, в близкой и привычной обстановке. А тут... Нет, тут надо какими бы то ни было путями разжалобить начальника и выклянчить у него то, что ему сейчас очень нужно. Но в глазах заведующего Фрол предстал попросту хитрым и пронырливым парнем, который не располагал к себе, а, наоборот, отталкивал.

— Все это понятно! — воскликнул заведующий. — Но при чем тут я как окроно? Рабфак нам не подчинен.

— Меня послали к вам, — сумрачно заговорил Фрол, почувствовав, что ему не удалось смягчить зава.

— Кто послал? — нетерпеливо перебил завокроно.

— Окрисполком. Да и сам я знаю,— круто меняя тактику, решил Курганов действовать прямиком. — Я шесть лет в батраках был, —повышал он голос, — в Красной армии служил. Хозяйство у нас дома бедняцкое, а вы не хотите принять во внимание...

— Что не хочу принять во внимание? — обозлился заведующий.

— Да все. Выходит, бедноте и дорога к наукам закрыта. Что стоит вам написать от себя бумажку на рабфак! — снова впадая в фальшивый и приниженный тон, дрожащим голосом заговорил Курганов.

Заведующий, чтобы отвязаться от приставаний просителя, наконец согласился:

— Хорошо, я напишу, что окроно просит. Только вряд ли это поможет, — добавил он и, видя, как расплылось веснущатое лицо Курганова от искренней радости, совсем обмяк и неожиданно для себя дружески заговорил:—Чудачок ты, в самом деле. Существуют определенные правила поступления на рабфак. Командировку на рабфак дают только низовые организации. Это чтобы туда всякая шушера-мушера не попадала, — добавил он многозначительно. — Конечно на рабфаке учтут мою просьбу, и, может быть, тебе повезет.

— Так у меня есть рекомендация от престкома! — повеселев, выпалил Курганов, ожидая, когда заведующий кончит писать служебную записку на рабфак.

— Это хорошо. Ну, валяй. Знаешь, где рабфак? — подавая записку, спросил заведующий.

— Знаю. Я ведь в городе не впервой.

— Ну-ну. Двигай!

Курганов знал, что на рабфаке дают стипендию в двадцать пять рублей, предоставляют общежитие и казенные книги.

«Учись на всем готовом. Вот это — да!» взволнованно думал он, направляясь на Стрелецкую улицу, где помещался рабфак. И, чем ближе подходил он к этому месту, тем неудержимее охватывало его желание поступить на учебу, поступить во что бы то ни стало. Увидев перед собой огромное здание бывшей семинарии, Курганов с восхищением прошептал:

— Вот он, рабфак!..

Чувствуя, как у него дрогнуло в коленях, Курганов взбежал по широкой каменной лестнице.

«Раз в окроно дали просьбу, на рабфаке не затормозят», старался приободрить себя Курганов, осторожно шагая, чтоб не нашуметь, по сверкающему и пахнущему скипидаром паркету.

Войдя в кабинет заведующего рабфаком, Фрол подошел к его столу и, взглянув на человека с красноватыми белками, ошалело отступил назад. Словно кто по виску ударил — в глазах все запрыгало: перед Фролом сидел тот неизвестный гражданин, с которым он столкнулся на улице.

Заведующий рабфаком товарищ Гусев оторвал близорукие глаза от газеты и, сощурившись, испытующе посмотрел на вошедшего.

Курганов замер.

— Вам что? — строго и негромко спросил Гусев.

Фрол мешкотно переступил с ноги на ногу и, не решаясь заговорить, молча и как-то боком сунул свои бумажки товарищу Гусеву.

— Прекрасно! А командировка? — опять сощурился заведующий и снова внимательно уставился на Курганова.

Фрол печально покачал головой и со вздохом, еле слышно произнес:

— Нет.

— Что? — не расслышал Гусев.

— Нет, говорю, ее у меня.

— Ах, нет! — воскликнул товарищ Гусев и поморщил лоб. — Желательно конечно было бы иметь командировку. А впрочем, — словно вспомнив что-то и еще раз прочитав служебную записку заведующего окроно, продолжал Гусев, — у нас есть директива увеличить число батраков в новом наборе. Какой у тебя производственный стаж?

— Шесть лет сподряд, — осмелев, заговорил Курганов.

— Прекрасно, — сказал Гусев и мелким почерком на уголке бумажки написал резолюцию: «Допустить к приему».

— Товарищ Гурская! — неожиданно крикнул Гусев в сторону соседней комнаты, и Фрол невольно вздрогнул.

В кабинет вошла маленькая с золотистыми кудряшками румяная девушка, оглядывая с ног до головы Курганова.

— Примите у товарища документы, — распорядился Гусев и стал что-то писать на клочке бумаги.

— А это вот к коменданту. Он устроит с общежитием. Завтра ровно в девять испытания.

«Завтра ровно в девять испытания!» с радостью повторял Курганов, разыскивая во дворе коменданта и все еще не веря, что эти слова относятся именно к нему.

Через час Фрол устраивался на временное жительство в «Соловках», в седьмой комнате.

— Ты думаешь, «Соловки» только для буржуев? А у нас вот и студенты в «Соловках» живут! — многозначительно заговорил маленький, юркий, чернявый комендант, указывая Фролу на крайнюю койку у самой двери.

— Ничего, нам не привыкать! — отозвался Курганов, сообразив, почему комендант назвал общежитие, где он теперь устроился, «Соловками».

«Интересно... «Соловки». Хоть на остров Сахалин!» весело думал Курганов, вольготно располагаясь на отведенной ему койке.

Курганов, основательно выспавшись и отлежавшись на рабфаковской койке, почувствовал себя почти студентом.

В комнате было тихо. Никто еще не вернулся из города. Из сада в открытое окно веяло вечерней прохладой и теплым ароматом тополей.

«Ариша», вдруг как бы видя ее перед собой, поднимаясь с кровати и подходя к окну, влюбленно прошептал Курганов.

Хорошо! Как хорошо все обернулось! Он будет теперь агрономом и вернется в Яблоньку учить мужиков. Наконец-то мечта осуществляется. Он будет учиться... Учиться!

Дверь скрипнула. В комнату вошел высокий, с темными пышными волосами, в синей сатиновой рубашке и суконных брюках, парень.

«Этот городской», подумал Курганов, стеснительно поглядев на свои полинялые шаровары, лоснящиеся на коленях.

— В рабфак? — грудным и мелодичным голосом заговорил вошедший, увидя Курганова.

— Конешно.

— Красноармеец? — оглядывая Курганова, как та девушка с золотистыми кудряшками, спросил парень.

— Да, был таковым. А теперь совхозский батрак. А ты?

— Я с завода. Кузнец, Иван Столбов, — отрекомедовал себя парень, протягивая руку Курганову.

Разговорились. Фрол, подшучивая над собой, рассказывал о своих мытарствах, которые ему довелось испытать, прежде чем он получил резолюцию о допуске к приему.

— Женатый? — почему-то спросил Столбов, сразу выбивая Курганова из шутливого тона.

— Нет. Что ты! — торопливо ответил Фрол, как бы подчеркивая своим ответом, что раз есть стремленье к учебе, то какой может быть разговор о бабе. И вдруг, вспомнив Аришу, почувствовал, что он сказал неправду.

— А я, брат, женатый, — как-то разочарованно и невесело проговорил Столбов, почесывая затылок.

Столбов откровенно сообщил Фролу, что у него — жена Верка; она работает

на том же заводе, откуда и он. Да вот подкачала, подлюга: три месяца как беременная.

— Я-то по сути не против. Она — аборт. Нет, говорю, аборт — плохо. А теперь боюсь, не сорвалась бы учеба.

— Не сорвется, — сказал мечтательно Фрол, думая о предстоящих экзаменах. — Вот завтра решается наша судьба,— добавил он со вздохом.

— Да. Или просыпем или выдержим с честью...

— Это мы, что ли, Ваня? — воскликнул только что вошедший и слыхавший последние слова Столбова Гришка Травин.

Небольшого роста, плечистый, с хитрыми черными глазками, необычайно подвижной, Гришка сразу внес в комнату какое-то оживление. Стоявшие до него смирными табуретки задвигались. На столе загремел жестяный чайник; в комнате стало шумно.

— Да-да-да! Пропишут нам завтра, продерут с песком. Но, братцы, нам ли унывать! Если нас не примут, кого и принимать? Рабфак! — выкрикнул он ядовито и дерзко. — Даешь шестьдесят процентов р-р-рабочих!..

Комната быстро наполнялась остальными жильцами. Замечание Травина о предстоящих экзаменах зацеплялось, как репей, и вскоре вся комната, собравшись вокруг стола и справляя чаепитие, перебрасывалась вопросами:

— Кто скажет, где Марокко? — выдумывал кто-нибудь вопрос, и все хором в одну грудь отвечали:

— В Африке.

— А какая у нас высшая власть? — гримасничая, изображая собой обществоведа, задал вопрос Гришка попавшемуся на глаза Курганову.

— Исполком, — негромко ответил Фрол, вспомнив уроки политграмоты, когда-то проходимые им в Красной армии.

— Ха-ха-ха! — раскололся Гришка и, гримасничая, спросил: — Какой исполком? Исполком Коминтерна, что ли?

— Центральный исполнительный комитет,— сморщив шелковистые брови, нахмурился Курганов. Счастливые минуты, которые он переживал, когда был в комнате один, и которые продолжались, когда он беседовал со Столбовым, теперь вдруг исчезли. Теперь он оробел и никак не мог заставить себя чувствовать на равную ногу со всеми. Первое, что сбило, — это выкрик Травина: «Даешь шестьдесят процентов р-р-рабочих!» «Почему?» задавал он себе вопрос.

Гришка, выслушав ответ Курганова, качнул головой и хлестко выкрикнул:

— Вот теперь верно!

— Что верно? — поднимаясь из-за стола, наклонился к Травину худощавый, с впалой, как корыто, грудью, смуглолицый Митька Рожнов.

— Ответ парень дал правильный, — авторитетно, с гонором ответил Гришка.

«Эх, елки-палки, высшая власть у нас — съезд советов!..» спохватился Фрол, додумав до конца правильный ответ. Но поправиться не захотел и ждал, как этот вопрос будет разрешен ребятами.

Рожнов сомнительно покачал головой и, отступая перед гришкиным авторитетом, молча ушел обратно на свое место.

Фрол минуту колебался: «Сказать ли ребятам правильный ответ?»

В этот момент Гришка задал новый вопрос, на этот раз обращаясь ко всем:

— А в чем, братва, есть вред от троцкизма?

Рядом с Кургановым, положив полные ширококостные руки на стол и привалившись мясистой грудью к столу, сидел широколицый рыжий Степан Зоткин и позевывал. Он не принимал никакого участия в происходящей репетиции и, казалось, ничего не слушал. Но после этого вопроса Гришки он склонил набок свою круглую голову и флегматично проговорил:

— Такой трудный вопрос не зададут.

— Товарищи, но мы еще не ответили на прежний вопрос, — сказал грудным голосом Столбов.

— Ты, Ваня, проспал, — обернулся к Столбову Травин.

— Но пока что дан неточный ответ.

— Я говорил! — вскочил из-за стола Рожнов. — Конечно неправильный!

— Нет, правильный! — так резко вы-

крикнул Травин, словно нельзя было ему перечить.

— Конечно неправильный, — насмешливо проговорил Курганов.

— Ты ж отвечал, — огрызнулся Гришка.— Что ж ты, на пушку хотел взять?

— Я обмолвился.

— Обмолвился! — передразнил Травин и, насупившись, обратился к Столбову:

— Поправь, Ваня.

— Высшая власть принадлежит у нас Всесоюзному съезду советов, а между съездами — Центральному исполнительному комитету.

Травин презрительно посмотрел в сторону Курганова. Фрол это заметил, и снова ему показалось, что он — чужой в этой среде. Улучив момент, незаметно для всех он ушел к своей кровати и лег. Ребята горячо заспорили о троцкизме. Митька Рожнов выкрикивал, что Троцкий недооценивает середняка, что у Троцкого неверие в возможность построения социализма и что трокцистская теория ведет к размычке рабочих с крестьянами.

Фрол лежал и думал:

«Что город без деревенского хлебороба? Повымрут все городские, если мужик откажется работать».

После Красной армии у Курганова не осталось той враждебной предубежденности против города, которая жила в нем, когда он был политически неграмотным, темным деревенским парнем. Да и не с тем он шел в город, поступал на рабфак, чтобы враждовать с городом.

Но теперь, лежа на рабфаковской койке, оробев перед заводскими ребятами, вбил себе в голову, что он чужой в их среде. Курганов вдруг с просыпающейся враждой и обидой начинал думать о фабричных и вообще о городе.

Столбов заметил, что Курганов обиженным и расстроенным ушел от ребят и, не одобряя поведения Гришки, подошел к Курганову.

— Ты не обращай внимания. Уж он всегда такая язва,— говорил Столбов, стараясь сгладить то, что произошло между Гришкой и Кургановым, и вернуть Фрола в общую компанию.

— Идем, сейчас начнем задачки решать. Надо провентилировать мозги математикой. Вставай, вставай! — настойчиво потянул он его за руку, и Курганов молча и сконфуженно поднялся и пошел за Столбовым.

— А ну, тащи бумагу, Травин, навалимся на задачки! — крикнул Столбов и, смахнув рукой со стола хлебные корки, яичную скорлупу, окурки, обрывки газеты, кивнул Фролу, чтобы тот садился рядом с ним.

Начали «упражнять» себя в арифметике. Решали трудную задачу. Никто, кроме Курганова, никак не мог подойти к ней. Фрол бойко и четко нанизывал на бумагу аккуратные и красивые цифры, заканчивая решение.

— Ну, как у тебя?—заметив, что Курганов одолевает задачу, перевесился через стол к нему Травин, уже позабыв о стычке во время политграмоты.

— Идет дело! — ответил Курганов и, почувствовав свое превосходство над Гришкой, подвинул свой листок бумаги с готовым решением.

— Вот, гляди! — сказал он с оттенком хвастовства.

К листку сунулся Рожнов. Наклонился над ним и флегматичный Зоткин.

— Ни дьявола не понимаю! — воскликнул Травин, рассматривая сложный узор кургановских цифр.

— Объясни, почему ты тут множил, а тут разделил? — спросил Рожнов, указывая пальцем на середину решения.

Курганов с охотой и с увлечением приступил к объяснению хода решения задачи.

Слева терся о бок Рожнов, справа вдумчиво и серьезно слушал объяснения Столбов, сзади, через плечо, висело жирное лицо Зоткина. Травин, бегая черными глазками по бумаге, горячо дышал Фролу прямо в лицо. Теперь Фрол не чувствовал себя больше чужим среди этих ребят.

— Во герой! Молоток-парень! — с восхищением воскликнул Гришка, поняв наконец смысл хитрого решения задачки.

После принялись репетировать себя по русскому языку. Наконец, измученные, разбрелись по койкам. Зоткин ус-

нул на столе, положив под голову мягкие, как подушки, крупные ладони. Столбов разбудил его, и он, пошатываясь, натыкаясь на табуретки, ушел на свою кровать.

Засыпая, Фрол успокоенно думал:

«А в общем — славные ребята».

На другой день были экзамены. Сначала писали сочинение по русскому языку. В аудиторию вошла маленькая, белобрысая, с светлоголубыми глазами, худенькая учительница Нина Ивановна Рыбина. Розовой маленькой ручкой она написала на доске тему работы: «Что я знаю о заводе».

Затем она взяла с учительского стола книгу, раскрыла ее и прочла отрывок из произведения Куприна «Молох».

— А теперь пишите самостоятельно. Это я вам прочла для образца. Пишите, что знаете о заводе.

Фрол запомнил по отрывку, что от завода идет особенный запах, что перед глазами виднеются трубы, но что писать еще о заводе, он совершенно не знал и испугался.

«Что же писать?»

Столбову отрывок из Куприна показался таким беспомощным и бледным, что, стараясь не вспоминать прочитанного, он легко и быстро написал две странички о своем заводе, как он его знает, как он ему запомнился.

Травин сидел за одним столом с Кургановым. Заметив, что Фрол изнывает и не может начать сочинение, он шопотом спросил его:

— Иль сроду не бывал на заводе? Чего не пишешь? Время-то идет.

— Был когда-то давно, — тихо и растерянно ответил Курганов, — еще был мальчишкой, с тятей ездил на фабрику.

— Вот и дуй! Описывай ее.

— Так ведь завод надо!

— Пиши! Не все ли одно?

Тут Курганов ярко и живо вспомнил, как когда-то они с тятей привезли на фабрику воз тряпья, который они собирали так долго и с таким трудом, и как заведующий конторой упорно и придирчиво торговался с тятей. Потом они свалили тряпье на склад, где стоял невыносимо тяжелый запах. Потом ходили они с тятей смотреть, как делают бумагу. Все, что пришло на память о фабрике, и написал Фрол.

— А ты горевал! — лукаво подмигнул Травин, видя, что Фрол усердно строчит, заканчивая вторую или третью страничку.

— Спасибо, что надоумил, — улыбнулся Курганов в ответ.

Вторым был экзамен по арифметике. Фрол мгновенно решил задачу и, переписав решение, передал его Рожнову. Рожнов — Травину. Тот — Зоткину. Попало оно и в руки Столбову. Но Ваня Столбов принципиально не захотел списывать и, утирая выступавший пот со лба, упорно бился над решением задачи.

Преподаватель, высокий, худощавый, с большими глуповатыми серыми глазами навыкат, Николай Хрисанфович Хрущев, позевывая, объявил, что время истекло и что нужно подать работы в том виде, в каком они есть.

Один за другим, шаркая ногами по полу, шумно поднимались ребята и сдавали свои работы математику и уходили из класса. Дольше всех задержался Столбов. Николай Хрисанфович заглянул в его черновик.

— Что вы делаете? Да вы совсем не знаете арифметики! — воскликнул он, всплеснув руками. — Ну, как надо решать? Что нам дано? Так... Что надо сначала? Так!.. Видите! Тут надо сложить, а вы множите. А здесь надо множить, а вы делите.

На Столбова замечания преподавателя подействовали, как первый толчок остановившегося маятника, — он почти механически производил на бумаге арифметические действия, но скоро овладел собой и пошел дальше самостоятельно.

— Ну вот, оказывается, вы знаете, как нужно решить задачу! Я не понимаю, чего вы только медлили?—покачал головой математик, взяв из рук Столбова работу.

— Ну как? — в один голос обратились ребята из седьмой комнаты к Столбову, когда он, красный и потный, вслед за преподавателем вышел из класса.

Прошла неделя. Курганов, голодный и невеселый, ходил по городу в поисках заработка. За неделю иссякли его деньги и запасы продуктов. Утром Столбов пригласил Фрола пойти в столовку. Фрол самолюбиво отказался, сославшись, что ему нужно спешить в город. Он ушел. К вечеру, после безрезультатных поисков работы в течение целого дня, Фрол уже раскаивался, что отказался утром от предложения Столбова. Так жадно хотелось есть, что Фрол готов был пойти по дворам и просить милостыню. «Еще одна ночь», убеждал себя Курганов, и на следующее утро будет известно: или он зачислен на рабфак, и тогда он будет сыт; если же нет... «Но этого не может быть!» успокаивал он себя, шагая по бульвару в «Соловки».

Придя в седьмую комнату и не застав никого из ребят, Курганов взялся было за газету, лежавшую на столе, но читать скоро наскучило. Не зная, как занять время, он решил лечь спать. В сумерки вернулся из города Столбов и удивился столь раннему сну Фрола. Столбову хотелось поболтать, но, не решившись беспокоить Курганова, он сам прилег на койку и незаметно заснул.

Ночью Курганов, во сне, громко разговаривал и мешал спать Травину. Гришка долго терпел беспокойное поведение соседа, но наконец не выдержал и сердито встряхнул Курганова за плечо. Фрол очнулся и спросонья спросил:

— Ты что?

— Не разговаривай, когда спишь. Вот что.

— А разве я разговариваю?

— Как торговка на базаре.

— Интересно! А я даже и сна никакого не помню,— пустился в разговор Курганов, потягиваясь и подумав, что не пора ли вообще вставать. Светло. Он юркнул с головой под одеяло и попробовал снова заснуть, но спать больше не мог. Острое ощущение голода окончательно отогнало сон. Приподнявшись на локте, Курганов протянул руку за гимнастеркой и вдруг заметил на столе кусок недоеденной булки и открытую банку с консервами.

«Лишь бы никто не увидел», торопливо одеваясь и по очереди оглядывая спящих, подумал он и на цыпочках подкрался к столу.

«Неужто он возьмет эти объедки?» подумал о себе Фрол и брезгливо осмотрел валявшийся в луже чая кусок булки и остатки консервов в банке.

Затрещали доски на кровати под Зоткиным. Степан лениво перевалил свое жирное тело с бока на бок. Фрол замер, но Зоткин продолжал мертвецки спать, и это успокоило. Осторожно забрав со стола булку и консервы, Фрол торопливо вышел в коридор. Но, опасаясь, что его могут заметить и в коридоре, Фрол вышел на улицу, в сквер, и там жадно и с наслаждением принялся есть.

Поднималось солнце. Было теплое, прозрачное и безветренное утро. Синее небо казалось бездонно-глубоким и ласковым, как человеческие глаза. Фрол радостно посмеивался, прогуливаясь по пустынному скверу.

Наконец-то он поел!

Перед зданием рабфака густая толпа молодежи. Стояла толпа новичков, в мучительном ожидании списков принятых на рабфак.

Травин, запустив руки в карманы и надвинув козырек на глаза, прохаживался среди молодежи и косо поглядывал на девчат. Ему казалось, что они слишком свободно и запросто ведут себя с ребятами.

Под руку с Митькой Рожновым, поправляя выпадающие из-под повязки пряди цвета красной меди волос, мимо шла Ольга Выростова. Травин не удержался и, прищурив глазок, насмешливо сказал ей:

— Виснуть приехала!

Выростова с недоумением посмотрела на Гришу. «Что ты от меня хочешь?» сказали ее большие и искренние голубые глаза.

«Вот, дьявол, уж подцепил!» вдруг с завистью подумал Травин, залюбовавшись Ольгой Выростовой. Подошел Федька Толмачев, с которым ему довелось сидеть за одним столом на испытаниях по обществоведению, и, толкнув

плечом Травина, оскалил ровные и белые зубы.

— Красивая девка! Это, брат, с нашей фабрики. Как машиной, пальцами работает. До четырех тысяч коробков набивает за день. Вся «Волна» про нее знает. Комсомолка. Хочешь, познакомлю?

— Нет уж, спасибо! — с гонором заявил Травин.

Ольга Выростова спросила Рожнова:

— Этот из вашей комнаты?

— Да, Гришка Травин.

— Нахальный парень... Откуда он?

— С «Красного Профинтерна».

— Комсомолец?

— Член партии.

— Ольга! Поди-ка скорее сюда! — раздался сзади веселый и звонкий, как струна, голос Варьки Кашиной. Низенькая, широкая и тугая, как пружина, Варька хватала юркими руками за локти; бросив Митьку, скакнула к девчатам.

Не дождавшись, когда Ольга вернется, Рожнов пошел искать Столбова.

— Не видал Столбова? — спросил он у Зоткина.

— Нет.

— Курганова не видал?

— Нет.

— Куда же они провалились, подлюги? — сказал озабоченно Рожнов и, вытягивая худую шею, посмотрел, как гусь, по сторонам.

Над обрывом, устремив взгляд на пойму и на синеющие вдали лесные массивы, стоял Фрол Курганов.

— Рабфак! Эх, рабфак! — будто возясь с тяжестью, покрикивал Фрол.

Столбов еще издали заметил Курганова и обрадовался ему. Парень понравился ему с первой встречи, и сейчас в напряженном ожидании результатов приема, Столбов хотел, чтобы Курганов непременно поступил на рабфак.

— Что задумался? — спросил Столбов, приблизившись к Курганову.

— А так...

— Ты все горюешь. Поступим, братишка, и вместе учиться будем.

Курганов молчал.

С высоты обрыва была видна ровная широкая полоса реки, окрашенная голубой эмалью и уходившая к горизонту. На противоположном берегу, причаля к желтой песчаной губе, стояли плоты. С плотов доносилось тягучее и медное, как звон колокола:

— Э-э-вай! Э-эй!..

Столбов, свесив ноги под обрыв, сел. Плотогоны все перекликались.

— Э-э-вай! Э-эй!

Эти протяжные, как пение, голоса волновали Столбова какой-то неясной тревогой.

Вот на Никольской новый жилой корпус. Верки дома нет. На заводе как раз обеденный перерыв, и в красном уголке проводится беседа. Верно, сидит за столом и внимательно слушает докладчика. А Петька, техник с золотым зубом, стоит рядом. Вот он будто нечаянно толкает ее в плечо и извиняется:— Ах, товарищ Столбова, простите!

— Ух, стерва!— вздрагивает Столбов, и из-под ног у него осыпаются кусочки ломкой глины и шершаво шумят, скатываясь вниз.

Курганов, заметив, что со всех сторон парка, словно по единому зову, вся молодежь кинулась к главному входу и там столпилась, ощутил нервный холодок за спиной и подавленно сказал Столбову:

— Идем! Там, кажется, что-то есть.

Столбов быстро вскочил на ноги и побежал за Кургановым. Мысли о Верке и охватившее его беспокойство мгновенно рассеялись.

«Как-то оно там?» спрашивал он себя, думая о результатах приема, и побаивался того момента, когда он заглянет в списки.

— Тебя-то примут наверняка! — сказал Фрол, взглянув на запачканные глиняной пылью брюки Столбова.

Вдруг он переполнился по отношению к Столбову завистью и холодно посмотрел на своего товарища.

Столбов уловил этот взгляд Курганова, хотел сказать ему что-то успокаивающее, но промолчал. Было неприятно только видеть раздраженное, неприятное и злое лицо товарища.

Они подходили к рабфаку. Навстречу им бежал раскрасневшийся, сияющий, с оскаленными белыми зубами

Толмачев и, как ошалелый, орал на весь парк:

— Даешь рабфак!

Некоторые ребята, выбираясь из толчеи, опустошенно и понуро поднимались по ступенькам крыльца и раздраженно и нервно хватались руками за перила.

Столбов быстро отыскал свою фамилию в числе принятых и чуть было не вскрикнул от радости, как Толмачев, но вдруг, словно натыкаясь со всего размаха грудью на кол, осекся...

«Курганов. Зачислить кандидатом», мутно прочитал он и обернулся.

Сзади стоял Фрол, бледный, с посиневшим веснущатым лицом и мрачный.

— Идем, узнаем, в чем дело. Может ошибка? — решительно проговорил Столбов, оттащив Курганова от доски объявлений к двери.

Травин, счастливо мигая маленькими глазками, с удовольствием прочел несколько раз свою фамилию в списке зачисленных на рабфак; случайно заметив в этом списке фамилию Выростовой Ольги, беспричинно обрадовался:

«Значит, вместе будем!»

Пробегая взглядом по взволнованным лицам молодежи, он уже искал молочно-бледное красивое личико Выростовой, чтобы сообщить ей приятную весть.

Оля Выростова, оттертая толпой в хвост, цепляясь тонкими пальцами за плечи стоящих впереди нее парней и приподымаясь на цыпочки, пыталась хоть мельком взглянуть на списки. Увидя острые, как обойные гвозди, черные глаза Травина, она отвернулась. Но он уже весело кричал ей:

— Эй, девка, не суропься — и тебя приняли!

— Обманываешь! — бойко подняла она голову на Гришку и, словно набравшись новых сил, просунулась вперед, поближе к доске. Травин помог ей пробраться к списку.

— Ну, что? Поверила теперь?

— А я до самой последней минуты не верила.

— Кого ж примут, если не нас! — гордо сказал Гришка.

У кабинета заведующего рабфаком хвост ребят. Первым в очереди стоял Степан Зоткин. Переступая с ноги на ногу, как битюг, он невозмутимо посапывал носом.

— Ты что тут? — окликнул его Столбов.

— К заведующему. Меня ни в каких списках нет, — равнодушно проговорил Зоткин, словно ему было в высшей степени безразлично, принят или не принят он на рабфак.

В это время с грохотом распахнулась дверь, и оттуда выскочил сияющий и возбужденный до крайности Митька Рожнов.

— Идем, Степа, в город! Своими глазами видел протокол приемной комиссии. Ты тоже зачислен...

Зоткин молча повернул от двери и пошел за Рожновым.

— Да ты только не беги! — крикнул он, не успевая за Митькой.

Курганов, впиваясь серым и похолодевшим взглядом в затылки стоявших в очереди перед ним, с нетерпением ожидал, когда эти затылки наконец перестанут томить глаза и они вместе с Столбовым войдут в кабинет к товарищу Гусеву.

Столбов стоял рядом и дышал ему в плечо. Это подбадривало и как-то успокаивало.

«Неужто для одного местечка не найдется? Что он — кулак?» говорил себе приготовленное слово Курганов, смело подходя вместе с Столбовым к столу Павла Антоновича.

— А у вас что? — прищурился Гусев и, узнав Фрола, приветливо воскликнул: — Товарищ Курганов! Помню, помню. Мы тебя, дружок, в кандидаты зачислили.

Курганов обозлился: «Ишь какая лисанька — «дружок». Сердито взглянул на приглаженные светлые волосы заведующего и грубо спросил:

— Почему я не принят?

— Понимаешь, приемная комиссия... Командировки нет у тебя. Ну, да ты не огорчайся. Денька через три зайди ко мне, потолкуем.

Павел Антонович на заседании приемной комиссии был за то, чтобы Курганова как успешно выдержавшего испытания и как батрака — на последнее

он особенно напирал — зачислить студентом. Но представитель от окрпрофсовета, заинтересованный в том, чтобы за счет не выдержавших испытания были приняты командированные окрпрофсоветом сверх разверстки, запротестовал. Приемная комиссия стала на сторону представителя окрпрофсовета. Павел Антонович вынужден был уступить. Но он все же твердо решил Курганова поддержать до конца и добился того, что Курганов решением приемной комиссии был утвержден кандидатом. Гусев по опыту знал, что в первые же дни после начала учебы на рабфаке начинается отсев. Для него не было никаких сомнений, что Курганов будет учиться на рабфаке.

Фрол поверил словам Гусева и успокоился. Не желая показаться назойливым, он тотчас отошел от стола.

— А у вас? — строго обратился Павел Антонович к Столбову, показывая этим, что разговор с Кургановым закончен.

— Да я, собственно, по делу Курганова.

— Я же сказал, друзья мои, сейчас мест пока нет. Возможно, что будет дня через два-три. Тогда потолкуем.

Фрол уже испугался теперь, как бы Столбов своим ходатайством за него не рассердил товарища Гусева. Сделав нетерпеливый жест рукой, он позвал Столбова из кабинета.

Обнадеженные Павлом Антоновичем, Столбов и Курганов, повеселев, вышли из кабинета. Шли парком. Фрол с волнением искренне говорил:

— Ты знаешь! Ночами сидеть буду! Изжую все книги. И поступлю же я, чорт подери! Как ты думаешь?

— Приветливый человек — зав. На ветер слова бросать не будет. Идем-ка, братишка, в столовку. Животину подвело. Поторапливайся.

Фрол насупился и замедлил шаги.

— Да идем, говорю! — обернулся Столбов и потащил Фрола за собой.

— Иди один, я не пойду.

— Это почему же?

— А так. Пойду в общежитие.

Столбов сразу понял, почему Фрол отказывается итти в столовую.

— Идем, — сказал он мягким, грудным голосом, — я тебе дам взаймы трояк, а когда получишь стипендию, отдашь.

— Эх, Ваня! Хороший ты парень!

— Идем, идем... Идешь ты наконец?— угрожающе поднял Столбов кулак.

— Стой, дай сказать.

— Ах, да что я с тобой тут буду разговаривать! — крикнул Столбов и, обхватив Курганова, потащил его по аллее.

— Нет, стой! — приходя в азарт и стараясь высвободиться из цепких рук Столбова, взбудораженно и задыхаясь проговорил Курганов.

— Кто кого! Это мы еще посмотрим.

— Сомну, как котенка! — загораясь желанием побороть Фрола, оторвал Столбов от земли Курганова. — Сдаешься?

Фрол, фыркая и рыча, сопротивлялся. Завязалась настоящая борьба. Столбову несколько раз удавалось поднимать противника, но тот, как циркуль, расставил ноги, и Столбов не мог подломить их. Курганов ревел:

— Под ножку нельзя! Ты побори так. Побори, Ваня!

И вдруг, словно сговорившись, взглянули друг другу в расширенные и раскаленные зрачки и разом расхохотались:

— Ну что мы за дурачье!

— Это все ты! — утирая рукавом выступивший пот со лба, проговорил Столбов. — Ну, теперь идем обедать.

Задевая друг друга плечо за плечо, борцы торопливо шагали из парка.

«Вот это — товарищи, я понимаю!» искренне думал Курганов, изредка посматривая на красивый профиль лица Столбова. Долетали с вокзала отрывистые гудки маневров. Вдруг волнующе заиграла сирена пассажирского поезда.

«Поехать бы! Рассказать бы, как хорошо жить! — вдруг вспомнил Курганов Аришу. — Теперь он на первые же каникулы заглянет к ней. Ариша! Ариша!»

Курганов несколько раз заходил в канцелярию.

Изнывая от нетерпения встретить и

увидеть Павла Антоновича, он бродил по длинному и пустынному коридору, настороженно оборачиваясь на каждый стук входной двери.

«Идет!» каждый раз думал и все ошибался.

По коридору, озабоченно выметываясь из канцелярии, бегал главбух Авдей Никитич Шилкин. С вздутыми розовыми щеками, низенький, толстый, с всклокоченными и непричесанными волосами, в грязной, затасканной толстовке, Авдей Никитич симпатии к себе не вызывал. Фрол, не рискуя больше показаться на глаза Кнышеву, подумал было остановить Шилкина и спросить его о Гусеве, но, увидя на рукаве толстовки главбуха приставшую яичную скорлупу, презрительно подумал:

«Ни черта он не смыслит. Чего его спрашивать!»

Шилкин, проходя мимо Курганова, небрежно спросил:

— Ты все Гусева ждешь?

— Жду!

— Напрасно.

— Подожду!

— Занятия кончаем. Теперь уж наверняка товарища Гусева не будет.

— А позвольте вас спросить, где он живет? — решив увидеть Павла Антоновича во что бы то ни стало, спросил Фрол.

«Пойду к нему на квартиру», подумал Курганов, узнав адрес, и, обгоняя Шилкина, побежал в город.

Войдя во двор, Фрол оробел и замедлил шаги.

«Удобно ли на квартиру? Не лучше ли подождать до завтра?»

Появилась из садика маленькая, лет семи, с беленькой головкой и большими серыми глазами девочка.

— Вам папу?

— Да, — смущенно ответил он.

— Я сейчас ему скажу, — подпрыгнула девочка и мигом скрылась в дверях флигеля.

Фрол присел на нижнюю ступеньку крыльца, волнуясь и ожидая теперь уже неизбежной встречи с Павлом Антоновичем.

На крыльцо вышла из флигеля стриженая, с приятным добрым лицом, совсем еще молодая женщина и, внимательно разглядывая Фрола, спросила:

— Вы к Павлу Антоновичу?

— Да. Я по делу! — вскакивая на ноги, залпом ответил Курганов.

— Но он болен. Что ему передать?

— Да нет... Извините. Я думал... Мне не обязательно сейчас...

— Вы из рабфака? Студент?

— Нет пока. Собственно, я по этому вот делу и пришел.

— Как ваша фамилия?

— Курганов.

— Хорошо, я ему скажу. Вы минуту подождите.

— Нет, не надо беспокоить. Если он завтра будет на рабфаке, я лучше подожду. Извините. До свидания.

— Ты вчера приходил ко мне? — спросил на другое утро Курганова, когда он явился к нему в кабинет, Павел Антонович.

Помолчав, Гусев печально покачал головой:

— Не везет нам с тобой, товарищ Курганов. Свободных мест пока нет.

— Как же быть? — угрюмо спросил Курганов.

— Ждать!

— Хорошо, я подожду.

Курганов ушел.

— Чего ты волокитишь с парнем? Пусть едет себе домой. Будут места, можно вызвать,— заметил зав учебной частью Никанор Сергеевич, присутствовавший при разговоре Гусева с Кургановым.

— Ничего я не волокичу. Подождем. Может, кто отсеется,— ворчливо ответил Гусев и закрылся газетой.

Начались занятия. Из раскрытых окон семинарского здания доносились мерные голоса педагогов, шум перемен. Фрол заглядывал в окна и с завистью смотрел на согнувшиеся над столами фигуры рабфаковцев. Однажды он наблюдал, как в первое окно слева временами высовывалось ершистое, с выпученными серыми глазами лицо математика. Фрол слышал, как математик называл фамилии Травина, Рожнова, Зоткина. Он видел, как высокий, с пышными волоса-

ми Столбов не спеша водил по доске мелом и писал большие и неуклюжие цифры.

«Я писал бы аккуратнее и убористее, — с завистью думал Курганов, вслушиваясь в мягкий и гортанный голос Столбова и улавливая нить его рассуждений. — Не так... Не с того боку. Надо раньше узнать, какой объем котла, и тогда уже вычислить, сколько в него уберется воды», поправлял ошибку Столбова Фрол, вспоминая, как он, Курганов, на экзамене по арифметике был первым.

Так прошло несколько дней. Погода чуть повернула на осень. Полили холодные дожди. Закрылись наглухо рабфаковские окна. Рабфак казался недоступным, враждебным и злым.

— Подожди еще пару деньков! — однообразно и уже скучающим голосом, покачивая печально головой, каждый раз, говорил Павел Антонович.

Чернявый комендант гонял Курганова из общежития в общежитие и грозился призвать на помощь милицию. Несколько ночей Курганов провел под открытым небом в парке.

«Сжечь чортов рабфак!» угнетала по ночам мысль, тяжелая, как ртуть. С нею боролась другая, от которой хотелось хмуриться, как от теплого света солнца: а вдруг завтра будет свободное место и его наконец зачислят студентом.

Временами попадалась работа, и это позволяло Фролу перебиваться со дня на день. Изредка встречался со Столбовым, и, когда тот предлагал спать с ним на одной койке и звал в столовку, Фрол упорно отказывался:

— Не хочу я тебе мешать. Что у меня, руки отсохли? Я заработаю себе на жратву. Как учеба? — старался поскорее переменить направление разговора Курганов, беззаботно вскидывая голову.

— А ничего.

— Как бы мне не отстать от вас, чертей.

— Не отстанешь! А как у тебя с зачислением?

— Да вот все обещают завтра... Жду...

— Может, сходить с тобой в партячейку? — предлагал свои услуги Столбов.

— Не надо, потерплю...

И он терпел. Мучительно, со злостью, завидуя товарищам, которые уже учились, все ждал: а вдруг Павел Антонович скажет:

— Есть место. Ступай и садись в класс.

Выпал хороший денек. Повеселел рабфак. Засияли стекла на огромных окнах. Солнце даже чуть-чуть припекло. Бодро и уверенно шагал по парку Курганов, направляясь к Павлу Антоновичу.

Казалось, вот сегодня обязательно повезет. Он войдет в кабинет к Гусеву, и тот воскликнет:

— Поздравляю! Освободилось одно место. Учись, товарищ Курганов!

Щемило в груди и слегка туманилось в голове при мысли, что он наконец-то будет принят на рабфак.

— Ах, это ты опять? — с неудовольствием и досадливо сказал Павел Антонович, увидя вошедшего к нему Курганова.

— Да, я опять! — насупился Фрол и нервно задергал плечами.

— Мда...

— Так как же?

— А пока никак! — развел руками Гусев и уткнулся носом в книгу. Был получен свежий номер «Под знаменем марксизма», и нужно было прочесть интересную статью «О диалектике» — Курганов же помешал.

— И долго так будет?

— Не знаю! — буркнул Гусев, ниже наклонившись над книгой.

— Вы дозвольте мне хотя посещать занятия!

— Не могу.

Курганов обозлился:

— Что значит — «не могу»! Что вам, жалко? Я помешаю кому, что ли?

— Нельзя.

— Не хотите — вот и говорите, что нельзя. Вы обнадеживали меня. Уж отказали бы сразу.

Гусев оторвался от книги, поднял голову и, прищурившись, злобно проговорил:

— Ты что это?

— А ничего вот! — грубо заговорил

Курганов. — Вижу я, что совестно вам мне сразу отказать, вот и тянули.

— Товарищ Курганов!

— Конечно, на кой чорт было меня зачислять в кандидаты, когда у вас нет никакой надежды на место!

— Я знал, что я делал.

— Выходит, ни черта вы не знали! — выпалил Курганов.

— Прошу мне не мешать! — резко проговорил Гусев и снова уткнулся в книгу.

Хлопнув за собой раздраженно дверь, Фрол вышел из кабинета и присел на окошко в коридоре. Он хотел подождать Столбова, поговорить с ним о заводе «Красный Профинтерн», чтобы сегодня же двинуться туда и устроиться на работу.

«Чорт с ним, с рабфаком», безнадежно махнул он рукой, глядя неприязненно на дверь канцелярии.

Когда Курганов покинул кабинет, Гусева взяло раздумье.

«Может быть, в самом деле допустить парня к занятиям? Пусть занимается. Нет, нельзя! — тотчас сказал он себе, зная по опыту, что из-за этого каждый раз получается канитель. — Сегодня допусти к занятиям, завтра начнутся приставания — разреши питаться в студенческой столовой, после пойдут разговоры насчет места в общежитии. Разреши одному — потянутся другие... Нет, этого нельзя!»

— К вам можно? — донесся из соседней комнаты голос Гурской.

— Да. В чем дело?

— У нас в первой группе один из вновь принятых не приехал. Прислал открытку, что не пустила ячейка.

— Почему же вы молчали до сих пор? — приподнимаясь со стула, воскликнул Гусев. — Верните-ка этого паренька. Разыщите его! Как его, Курганова!

Авдей Никитич, сидевший у старинной конторки, мигом понял, в чем дело. Спрыгнув с высокой табуретки, он выбежал в коридор.

— Эй, товарищ, как твоя фамилия?

— Курганов.

— Ага! Идем к заведующему! — махнул Шилкин рукой Фролу.

Курганов нехотя и безразлично последовал за Шилкиным. В дверях ему улыбнулось розовое личико Гурской.

— Вас товарищ Гусев просит.

— Ты на меня не серчай, — заговорил дружески Гусев, встречая Фрола и усаживая его перед своим столом. — Сиди и слушай. Неправильный учет, чорт бы его подрал, подвел и меня и тебя. Оказывается, вакантное место было у нас с самого начала занятий. Только сейчас секретарша мне сообщила об этом. Значит, наше дело с тобой все-таки выгорело. Получишь стипендию за сентябрь. Я сейчас же даю распоряжение зачислить тебя на питание. Получишь все, что тебе полагается. Да ты в каком общежитии обретаешься?

— А ни в каком! — весело проговорил Курганов, ошарашенный неожиданным оборотом дела.

— Как ни в каком? Где же ты живешь? Ночуешь?

— А где попадет: в парке, на вокзале, иногда у ребят в общежитии.

— Мда... Подвел я тебя однако. Ну ничего... — задушевно проговорил Гусев и начал бойко писать распоряжения по всем линиям о предоставлении Курганову всех прав действительного студента рабочего факультета.

Падали ржавые листья на дорожку в парке. Проглядывало нечаянно солнце, но уже к обеду скрывалось. Все чаще морозило, и наконец однажды утром проснулись рабфаковцы, глянули на улицу и ахнули:

— Зима!

Мерзли в плохо отапливаемых общежитиях, засиживались до полуночи в рабфаковских аудиториях, шумели на рабфаковских собраниях, гурьбой шныряли по кинематографам и клубам, бродили по городским музеям, а по утрам толпами бежали на рабфак. Так день ко дню. Незаметно дни нанизывались, как стеклянные бусы на нитку, и никто не заметил, как округлилась первая половина учебного года и как незаметно подошло время зимних каникул.

Курганов обжился на рабфаке и, получив три раза стипендию, окончательно уверовал, что он действительный сту-

дент и что его заветные мечты об учебе сбылись на все сто процентов. С Аришей он вел энергичную переписку и все смелее писал ей, что она первая женщина в его жизни, о которой он так заскучал.

«Умру, не дождавшись, пока получу отпускное удостоверение на каникулы. Обязательно загляну к тебе», писал он ей.

— Кому пишешь? — наклонясь над столом и делая вид, что заглядывает в письмо, спросил Столбов, возвратившись из умывальной.

— А так...

— Чего скрываешь? Видно, что бабе. Ишь, рыжий, успел обзавестись симпатией.

— Она у меня и раньше была, — соврал Курганов, поверив сам в свою выдумку.

— А молчал, дьявол, до сих пор.

— Такое дело, что молчать приходится.

— Фактическая жена, что ли?

— С ума ты сошел!

— Ну тогда жениться надо.

— Может, женюсь.

— Не советую.

Когда Гурская записывала его, Курганова, в списки студентов первого курса, он попросил ее, чтобы она определила его в группу «Е», где был Столбов и все ребята из седьмой комнаты. А после они вместе со Столбовым осаждали коменданта, чтобы тот поставил кровать для Курганова в той же седьмой комнате.

— Если остальные не будут протестовать, мне что? Я уплотню...

— Давай, давай койку! — сказал Травин, подавая голос от лица всей комнаты.

Комендант больше не сопротивлялся. Так водворился Курганов в седьмой комнате, и началась их совместная рабфаковская жизнь.

Нина Ивановна, высунув из-под одеяла нос, взглянув на окно, разукрашенное морозом, и, ощутив на лице холод плохо нагретой квартиры, недовольно подумала, что ей надо обязательно вставать. Малокровное и тщедушное ее тельце за время сна согрелось. Горячие руки, поджатые у груди, удобно обхватывали тело, и страшно было ими пошевельнуть, но часики, положенные на стуле рядом с кроватью, торопливо тикали и говорили своими синими тонкими стрелочками, что надо и пора вставать.

Нина Ивановна вдруг почувствовала острую боль в виске и, потирая его тонкими пальцами, раздраженно подумала:

«Опять болит голова. Так всегда после проверки контрольных работ. — И совершенно механически, точно видя перед собой рабфаковцев, мысленно заговорила: — «Они скажуть... работа взядена... каторова... миня... тибя...» И когда только отучитесь вы так писать?»

Наконец она набралась решимости, поднялась с постели, оделась, взяла полотенце и ушла на кухню. Но там оказалось, что от сильного мороза стала в водопроводе вода.

— Придется тебе, Ниночка, освежить лицо одеколоном. А воды — ни капельки, — сказала ей такая же, как и она, худенькая и тщедушная мать ее, Ольга Ивановна.

— А как насчет чайку, мама?

— Молочка попей.

— Я хочу чаю, горячего чаю.

— Что ж, милая, я поделаю, раз воды нет. А у нас во дворе и снегу не наберешь. Грязь одна. Побудь один разок и без чаю.

Нина Ивановна отказалась от молока и голодная ушла на занятия.

Ежась от холода и скользя стертыми калошами по льду тротуара, шла Нина Ивановна и злилась:

«Комхоз совершенно не думает об удобствах в домах. Сегодня водопровод встал, а завтра, того и гляди, паровое отопление перестанет работать. А почему, когда был домовладелец, всего этого не было? Почему?»

Снова, как в семнадцатом году, сумбурно и тяжело приходило в голову:

«Неграмотные и некультурные люди хотят управлять. Разве из этого что выйдет?»

Помнит она, как руководители учительского союза призывали к забастовке против декретов Совнаркома и как

долго и мучительно тогда она колебалась. Куда пойти? С кем быть?..

Она была преподавательницей русского языка в младших классах гимназии. Ее призывали к тому, чтобы она перестала учить маленьких граждан русскому языку, пока не падет советская власть. «А если советская власть будет жить, несмотря ни на какие пророчества Милюковых, Керенских, Черновых, и фанатик Ленин победит окончательно? Но как может он победить, если все лучшие, просвещенные, выдающиеся деятели политики, искусства и науки объявили бойкот советской власти и не хотят работать под руководством каких-то матросов, солдат и рабочих?»

Ее коллеги, друзья, товарищи, все, как один, приняли обращение учительского союза и, покинув гимназию, сидели дома и играли в преферанс. Она неожиданно для всех и для себя твердо решила работать вместе с большевиками и продолжала вести свое дело. Она осталась без друзей и товарищей. А коллеги по гимназии пустили про нее грязную сплетню, что она якобы сошлась с каким-то матросом-большевиком и теперь служит тайным агентом «чрезвычайки». Гимназисты старших классов, балбесничавшие в связи с прекращением занятий, встречали ее на улице, возвращавшуюся из гимназии с ученическими тетрадками, и бесцеремонно и нахально травили:

— Гляди, пошла большевистская сука...

Дома она украдкой ото всех много плакала, не понимая, чего хотят от нее эти противные мальчишки. А когда слышала, что большевики в ответ на саботаж интеллигенции усиливают по отношению к интеллигентам репрессии и всякого, кто выступает против них, сажают в тюрьму, начинала враждебно думать о большевиках, с которыми работала.

«Скифы! Они погубят цивилизацию. Им не нужна интеллигенция. Они преследуют всякую свободную мысль!»

Когда же начали уплотнять квартиры и ей как не саботажнице выдали в комиссариате охранную грамоту на дополнительную жилплощадь как научному работнику, она совершенно запуталась:

«Значит, не скифы!»

Было еще одно тяжелое и трудно забываемое. Ее брат, студент-юрист, за попытку бежать к белым был расстрелян. Перед бегством он грозил ей, что, если она не перестанет служить большевикам, он вернется вместе с белой армией в город и собственноручно пристрелит ее, как собаку. Не верилось как-то, что брат способен на это, и было жаль, когда он попался. Вообще она была против расстрелов и не понимала, что значит классовая борьба...

Умер Ленин. Она вместе со своими коллегами, когда-то саботажниками, вместе с учащимися, теперь уже не маленькими в сереньких блузочках гимназистиками, а сама маленькая, как-то затерявшаяся среди рослых, широкоплечих, с серьезными, возмужалыми лицами рабфаковцев, со всеми вместе оплакивала Ленина.

«Ленин — гений... Да, Ленин был гением!.. Но комхоз никуда не годится. В водопроводе замерзла вода. По милости комхоза приходится итти на работу без чая».

Нина Ивановна пришла в класс без опоздания и, поздоровавшись со студентами, уселась за учительский столик. Белобрысая, с посиневшим заостренным личиком, как ребенок, посаженный за общий стол с большими, пугливо выглядывала из-за учительского столика и потирала тонкими пальцами висок, все еще разламывающийся от нестерпимой боли. Она принесла с собой просмотренные контрольные работы студентов и долго не могла решиться раздать их группе. На этот раз было много неудовлетворительных оценок, и она знала, что это нервирует рабфаковцев и нередко доводит до конфликта.

Группа с опаской поглядывала на стопку контрольных работ на учительском столике.

Зоткин неожиданно и оглушительно чихнул. Повернулись недовольные лица к нарушителю тишины, а через секунду снова вся группа с замирающим сердцем ожидала наступления «неудов».

«Неуды», как неистребимые враги, притаились в контрольных тетрадях и ждали, когда педагог посыплет их на несчастные рабфаковские головы.

Наконец Нина Ивановна протянула руку к тетрадям и, криво улыбаясь, невнятно сказала:

— Товарищ Курганов, раздайте тетради, и начнем урок.

Фрол с шумом поднялся с места и, почуя добрый признак в том, что Рыбина обратилась к нему, побежал за тетрадями.

Через минуту в классе зашелестело, как осенью листьями по аллее.

— Ну, как? — нагнулся Курганов к Столбову, успев посмотреть свою тетрадь и удостовериться, что там стоит удовлетворительная оценка.

— Представь, на этот раз проскочило! Ты понимаешь? Уд с минусом! — зашептал Столбов, размахивая перед собой тетрадью, как пионер флажком на демонстрации.

Оля Выростова, читая небрежно написанное «неуд» в своей тетрадке, замигала глазками и чуть не заплакала с досады и зависти. У Столбова «уд» с минусом, а ведь они с ним шли по русскому языку до сих пор ровно и в одинаковой мере страдали от «неудов», и вдруг он пошел вперед...

Травин, повернув недовольное, посеревшее лицо к Выростовой, спросил:

— Засыпалась?

— А тебе забота?

— Нет, я так, у меня тоже неуд!

Был «неуд» у Зоткина, у Толмачева. Оля понемногу успокоилась — как-то веселее стала, что не только она одна провинилась с контрольной.

Травин ерзал на месте и враждебно поглядывал в сторону Нины Ивановны.

«Почему же она мне влепила «неуд»?» думал про свою работу. У всех, кто получил «неуд», больше двадцати ошибок. У него же всего одиннадцать. Значит, педагог никакого права не имел ставить «неуд». Ему уже начало казаться, что Нина Ивановна несправедлива, что она к нему придирается, что она ставит «неуды» не за работу, а по разверстке, лишь бы выслужиться перед учебной частью, настаивающей на строгой оценке успеваемости студентов.

Рыбина вызвала к доске Курганова и продиктовала ему:

— Пишите: «Он умер в доме его отца и был тут похоронен».

Раздался дружный смех. Курганов, не соображая, в чем дело, густо покраснел и послушно писал, что диктовала Нина Ивановна.

— Можно ли так писать? — задала вопрос Рыбина.

— А! — воскликнул Курганов. — Конечно нет... «Он умер в доме его отца и был тут похоронен», — повторил он, только теперь схватывая ошибку в построении предложения.

— Но разве у меня так было написано?

— Садитесь на место, — сказала Нина Ивановна и, подойдя к столу Травина, обратилась к нему: — А теперь, товарищ Травин, возьмите свою тетрадочку и прочтите нам, как это у вас получилось.

— Я не буду читать! — вспыхнул Травин и сбычился. Он сразу понял, что Рыбина намекает ему этим, что он списал у Курганова работу и, списывая, переврал.

— Почему это? — обернулась к нему Нина Ивановна и почувствовала, как сильно ударила кровь в больной висок.

— Не буду!

— А я настаиваю, чтобы вы читали! — нервным движением отодвинула от себя классный журнал и, вся покраснев, встала из-за стола Рыбина и нервно ждала.

«Нет, я заставлю тебя читать, своебышник! У меня на следующий раз не будешь списывать и не будешь писать глупости», мысленно говорила Нина Ивановна, устремляя свой возмущенный взгляд на Травина.

Гришка упрямился и, уставившись в одну точку, дерзко молчал.

— Товарищ Травин! Я прошу вас читать. Или покиньте класс, если не хотите заниматься русским языком! — теряя самообладание и готовая подскочить к Травину, чтобы схватить его за рукав и вывести, как непослушного школьника, из класса, сухим и злым голосом крикнула Рыбина и умоляюще взглянула на притихших ребят.

«А еще пролетарское студенчество! Как вы можете терпеть подобную анархию?» беззвучно обращалась она за поддержкой к ребятам.

Глаза Нины Ивановны устремились на Курганова. Фрол, возмущенный поведением Травина, искренне желал поддержать учительницу, но, зная неровный и придирчивый характер Травина и не желая ссориться с ним из-за каких-то пустяков, виновато опустил голову и сделал вид, что занят просмотром своей контрольной работы.

В это время Травин медленно и угрожающе встал на ноги, взял трясущимися руками тетрадку, с остервенением разорвал ее пополам и разорванные части швырнул на пол.

— Вот! Сказал — не буду читать! И подам в учебную часть заявление, что вы не учите нас, р-р-рабочих-студентов, а издеваетесь... — сказал он надтреснутым, хриплым голосом и демонстративно вышел из класса.

Дверь за ним хлопнула. Нина Ивановна вздрогнула и вдруг испугалась того, что произошло, — несомненно Травин побежит сейчас к Кнышеву или Гусеву, или в ячейку, нажалуется на нее, что она, как при старом режиме, выгнала его из класса, насплетничает и присочинит то, чего не было, — и вместе с тем поступок Травина казался теперь не только возмутительным и из ряда вон выходящим, но и оскорбительным, обидным и совершенно невозможным. Нервы не выдержали: она заплакала.

— Безобразие! — первым отозвался возмущенно Рожнов.

Это было сигналом к выступлению всей группы.

— Нина Ивановна! Нина Ивановна! Плюньте на него, дурака! — подбежала Оля Выростова к Рыбиной и обхватила ее руками.

Столбов, выпрямившись во весь свой рост, сердито сказал:

— За такие штучки нужно Гришке припаять выговор от лица всей группы. Рожнов прав — это безобразие.

— Припаять! — подтвердил Толмачев.

Даже Зоткин присоединился к общему возмущению и, поднявшись из-за стола, громко и солидарно сопел.

Курганов продолжал сидеть, опустив голову и едва сдерживая себя, чтобы не разразиться резким осуждением выходки Травина, и барабанил пальцами по крышке стола. Но он промолчал. Нина Ивановна продолжала плакать, теперь уже больше для того, чтобы окончательно разжалобить ребят и своими слезами подчеркнуть перед ними, что поступок Травина не может остаться безнаказанным.

Травин побежал сначала в ячейку. Но по дороге раздумал, повернулся назад и направился в учебную часть.

— Это тебе не гимназия, и рабфаковцы не гимназисты! — подходя к кабинету Кнышева, грозил он Рыбиной.

Он остановился у двери, вдруг подумав, что в сущности ничего такого не произошло, что могло бы заставить его подымать бучу. Это еще вопрос, на чью сторону встанет учебная часть, и, трусливо озираясь, он хотел было вернуться и побежать в класс, но дверь кабинета отворилась, и оттуда вышел Никифор Сергеевич. Увидя Травина в неположенное время в коридоре, Кнышев поморщился и, окинув недоброжелательным взглядом праздношатающегося студента, спросил:

— Вы почему не на занятии?

Травин, оторопев, неискренне улыбнулся:

— Да вот, Никифор Сергеевич, у нас в классе нет мела, и я бегу в канцелярию, — соврал он и побежал от Кнышева.

Пробил звонок. Через минуту по коридору из классов пестрыми гривами текла густая волна рабфаковцев. Через минуту по всему учебному корпусу неслись смех, веселые голоса, вскрики — во-всю загомонила рабфаковская братва. Травина взяла досада, что он не может вот теперь, как и все, шуметь беспечно, разгуливать по рабфаку. И нехватало мужества вернуться к своим ребятам в группу. «А как они?.. А вдруг они заодно с Рыбиной?..» Он окончательно растерялся и решил бросить уроки и уйти в общежитие, но вспомнил, что в классе на столе остались рабфаковские учебники.

«Не пропадут, пес с ними!» подумал и побежал одеваться.

Нина Ивановна пришла в учительскую с заплаканными глазами. Николай Хрисанфович, увидя взволнованное и заплаканное лицо вошедшей, подбежал к ней и, взяв из ее горячих рук классный журнал, встревоженно спросил:

— У вас что-нибудь произошло?

— Нет! — поспешила ответить Нина Ивановна, намереваясь никому не говорить о том, что она только что пережила в классе.

— Но у вас такое лицо... Право, можно подумать...

— Вы больны вероятно? — подошел к Рыбиной чертежник Никольский и, разглаживая свои темнорыжие мягкие пышные усы, посочувствовал ей.

На минуту выглянул из-за газеты Иван Павлович Родионов, преподаватель физики, недоверчиво посмотрел на взволнованную Рыбину и углубился в газету.

— Что вы, товарищи? — улыбнулась Нина Ивановна, смущенная и тронутая дружеским участием. — Вы знаете, я сегодня совершенно голодна. У нас в доме остановился водопровод, и я не пила чай. Ужасно хочу чаю.

— Так я сейчас, сейчас! — дергая плечами, побежал Николай Хрисанфович к самовару и, налив стакан чаю, подал его Нине Ивановне.

— Может быть, вы позабыли захватить с собой сахар? У меня есть, пожалуйста,—предложил Никольский, шаря по карманам.

Весело болтали о том, какой сегодня крепкий мороз и как каждый мерз по дороге на рабфак. Физик Родионов временами поднимался со стула, не выпуская из рук газеты, подходил к разговаривающим, вынимал серебряный портсигар, стукал по нему папироской и, не проронив ни единого звука, снова уходил к окну.

После обеда в «Соловках» седьмая комната предавалась мертвому часу. Спали пятеро: Зоткин, Курганов, Столбов, Рожнов, Толмачев. Спали не раздеваясь, небрежно разметавшись по кроватям; один Столбов, раздевшись и укутавшись одеялом, основательно отдыхал. Травина по привычке после обеда клонило ко сну, но он никак не мог уснуть и мучился. По тому, какими недружелюбными и холодными взглядами наградили его ребята, вернувшись из рабфака, по тому отчужденному и демонстративному молчанию, каким они окружили его, словно по уговору, он сразу понял, что вся седьмая комната, а значит и вся группа, в том числе и Оля Выростова, резко осудила его нетактичное поведение с Ниной Ивановной. Он теперь сам признал, что был нетактичен к педагогу. Одновременно он ненавидел Нину Ивановну за то, что из-за нее, «какой-то интеллигенции», он должен теперь страдать. Но спать ему мешало и другое обстоятельство: он получил из дому нехорошее письмо. Травин прочел письмо и немедленно изорвал его на мелкие кусочки и обрывки бросил в уборную.

«Чтоб никаких следов не осталось,— думал он с досадой о письме отца. — Надо написать старому дураку, чтоб впредь не смел такое посылать на рабфак.

Конечно, — рассуждал он, — знает Столбов меня по заводу «Красный Профинтерн». Пять лет — не килограмм изюму. Иль я не р-р-рабочий-металлист? Конечно отец — дело чепуха. Какая у меня с ним связь?»

Травин считал себя рабочим, и в анкетах писал как металлист, и в партию вступал как крючечник молотового цеха.

Таким знали его и на рабфаке, и у него пока не было причин опасаться за свой студенческий, рабфаковский билет. И вдруг это проклятое письмо отца.

«Тут дремать нечего, надо действовать», соображал Травин, как ему поступить. Вдруг он поднялся с кровати, оделся и проворно вышел из комнаты. Торопливо пробежал садиком, перешел на другую улицу и направился к почте. Стуча челюстями больше от охватившего его нервного состояния, чем от холода, Травин, ничего не видя перед собой, кроме маленькой вывески, где было написано «Почта и телеграф», и

большой, обшарканной, с ободранной клеенкой двери, боясь, что эту дверь могут наглухо закрыть раньше, чем он дойдет до нее, подлетел к окошку, где продавались марки и принималась спешная корреспонденция.

— Листок бумаги, конверт, марку на заказное письмо! — задыхаясь, говорил он.

— Нет конвертов, — последовал равнодушный ответ.

— О, чорт! — невольно ругнулся Травин, и, не мешкая, спросил: — Тогда бланк для телеграммы.

— Это сделайте одолжение, — послышался голос, и в окно тотчас просунулась худощавая, с синими прожилками рука и подала Травину бланк. На нем Гришка написал текст, не задумываясь:

«Переведен другой рабфак Адрес сообщу Григорий».

Курганов видел, как одевался Травин и как выбежал из комнаты. Невольно придвинувшись поближе к окну, Курганов проследил, как Гришка перешел улицу и скрылся в здании почты.

«К чему бы такая спешка?» подумал Курганов.

Проснулся Толмачев и, потягиваясь, завыл на всю комнату.

— Что за безобразие? — поднял заспанное и злое лицо Рожнов к Толмачеву.

— А? Что? — испуганно вскочил Зоткин и, положив голову вниз лицом на подушку, снова уснул.

— Который час? — спросил Столбов, высовываясь из-под одеяла.

Курганов отошел от окна и, нагибаясь за сапогами, пожал плечами.

— А чорт его знает. Часов у нас ни у кого нет. Проснулся — значит, пора вставать.

— Верно! Эй, братва, кончай дрыхнуть! — крикнул Толмачев, подымаясь на ноги и подходя к столу, где был чайник. — Вставай, вставай, друзья, я иду за кипятком.

— Зоткин сегодня дежурный. Эй, Степа! Степан! Беги скорее за чаем! — сказал Рожнов, тоже подымаясь с кровати.

— А где Гришка? — строго спросил Митька, заметив, что Травина нет в комнате.

— Ушел по каким-то своим делам, — ответил Курганов как бы с неохотой.

Пока Зоткин собирался итти за кипятком, Толмачев давно сбегал и заварил чай. Вернулся из своего путешествия и Травин. Он досадливо поморщился, видя, что ребята уже встали.

«Сейчас начнут допрашивать, почему не справлял мертвый час, куда и зачем ходил».

Пили чай. Рожнов, не глядя на Гришку, спросил его:

— Куда мыкался?

— В рабфак! А что?

— Ничего! А почему с последних уроков ушел?

— Так, голова что-то заболела.

— Врешь! — сказал строго Столбов. — И вообще мы вот решили тебе сказать, что ты ведешь себя не так, как должен вести себя рабочий, а тем более партийный студент. Мы постановили на группе объявить тебе за твою выходку на уроке русского языка выговор.

Гришка сидел за столом ссутулясь и, прищуря злые глаза, мрачно молчал. Он чувствовал, что, если он начнет возражать, на него набросятся все.

«Нет, уж лучше молчать, а выговор — чорт с ним! Подумаешь, какая беда!»

— Айда на каток! — сказал Столбов, кончив чай.

Толмачев и Рожнов, захватив коньки, вышли за Столбовым. Зоткин потянулся за ними тоже ради компании. В комнате остались двое — Травин и Курганов.

Травин продолжать сидеть за столом и оттягивал время, показывая, что он будто еще не напился чаю. Курганов ходил по комнате и ждал, когда Гришка заговорит, и тогда он, как будто между прочим, спросит его, почему он скрыл от ребят, что ходил на почту. Но он этого не дождался и заговорил сам.

— Ты должен признать, Гриша, — начал он издалека, — ты всю группу подвел. Твой поступок на уроке Нины Ивановны ни к чорту. Отказался отве-

чать, порвал тетрадь. Что ты этим хотел сказать?

Гришка продолжал допивать чай и, точно не слыша, что говорил Курганов, молчал. Кончив чай, он медленно встал из-за стола, потянулся и так же медленно пошел одеваться.

— Она хоть и старый педагог, но так вести с ней не годится. Я конечно говорю тебе потому, что хочу тебе только добра.

Травин косо посмотрел на веснущатое лицо Курганова.

— А знаешь, что я тебе скажу? Псиной пахнет от твоих рассуждений. Не твоего ума это дело! — презрительно сощурился Травин и пошел из комнаты.

Курганов схватил тяжелую дубовую табуретку и с нескрываемой ярой враждебностью готов был бросить ее в сутулую широкую спину Гришки. Но в последнюю минуту он сдержал себя, швырнул табуретку на пол и остановился в угрожающей позе посреди комнаты.

Гришка шагал по коридору и хихикал — очень ему понравилось придуманное им: «псиной пахнет» и понравилось, как рассвирепел из-за этого «мужик».

Курганов вдруг инстинктивно почувствовал, что Гришка Травин скрытничает неспроста и словно чужак отгораживается от товарищей. Об этом сейчас же надо было поделиться со Столбовым, и, накинув пальтишко, Курганов пошел на каток.

Влево от водопроводной будки, в центре садика, на довольно обширной площадке руками самих рабфаковцев был устроен каток. Ярко светила электрическая лампа, подвешенная на столбе, вкопанном посреди площадки. В этом месте возвышалась целая гора снега и вокруг были расставлены скамейки, переполненные теперь рабфаковцами. Нагибаясь, размахивая руками, как жгутами, по льду летали конькобежцы, мелькая в глазах, как стая суетливых рыб. Коньки визжали, пели, скрипел снег. В воздухе замороженно стыл звонкий, беззаботный, разноголосый возглас. Где-то на дальнем конце слышен был переливчатый, как гармонь, девичий хохот.

Группа рабфаковцев стремительно рассыпалась в разные стороны и вдруг с гиканьем, свистом, шумом, хохотом озорно налетела на группу девчат, расшибла ее, как снежный ком, и собралась снова.

У Оли Выростовой во время этого налета слетел конек. Она подобрала его и, прискакивая, поехала на одной ноге к скамейке. Столбов отделился от шайки и, взвизгнув коньками, подлетел к ней.

Выростова, откинувшись, сидела на скамейке. Присев на корточки и положив вытянутую ножку Оли к себе на колено, Столбов налаживал ей конек. Оля, смеясь, что-то рассказывала. Ваня, орудуя ключом, молча слушал.

— Готово! Можешь катить снова.

— Едем вместе! — сказала Оля, протянув ему руки. Он ловко подхватил Олю, и они, ритмически кланяясь вправо и влево, заскользили по льду.

Курганов заметил, как они уходили в задний край, и решил подождать, когда они приблизятся.

Сзади донесся бесшабашный смех Травина. Фрол вздрогнул и обернулся. Гришка, подхватив за руки Варьку Кашину, летел с ней во весь дух.

— Держись, Курганов! Задавим! — крикнул Гришка, словно между ним и Кургановым ничего не произошло.

Фрол, едва успев отскочить в сторону, плечом ударился о чью-то мягкую и сильную спину.

— Чего ж ты, сумасшедший? — проворчал Степан Зоткин, лениво обернувшись на Курганова.

Фрол вышел на средину катка.

«Нет, сейчас не удастся поговорить со Столбовым», думал он, глядя, какие фигуры разделывали на льду Травин с Варькой Кашиной.

Кашина петляла вокруг Гришки. Он схватывал ее руку, кружил вокруг себя, отрывался от нее и, как ветер, гнался ей вслед.

В восьмом часу, после катанья на коньках, Столбов, Оля Выростова и Курганов пошли в читальню рабфака. Уговорились вместе проработать зада-

ние по математике, на этот раз трудное и большое. Нужно было, помимо теории, решить десяток геометрических задач. Оля заранее знала, что без помощи ребят ей не справиться. Фрол, будучи мастаком по части арифметики, плохо усваивал геометрию. Столбов, наоборот, любил геометрию, понимал ее и легко одолевал самые хитрые и отвлеченные примеры из задачника Рыбкина.

Совместная, коллективная работа в учебе становилась для ребят правилом, и чем больше они углублялись в лабиринт учебы, тем необходимее становилась работа сообща, товарищеская взаимопомощь: как альпинисты, поддерживающие один другого, шли студенты на крутой подъем усвоения программы средней школы в три года. Каждый в отдельности, глядя на отвесные скалы, преграждавшие путь вперед, и оглядываясь на пропасти, оставшиеся позади на пройденном пути, вдруг с тревогой и дрожью на секунду задумывался:

— Охо-хо! Ну и дорожка!

Оля Выростова подтянулась с русским языком, но споткнулась на геометрии. А сколько раз она споткнется еще впереди? И может ли она без помощи своих товарищей по группе продвигаться дальше? Нет, одной ей будет трудно. Поэтому ее тянуло к ребятам, да и Столбов с Кургановым чувствовали себя с Олей как-то веселее. Своим мягким голосом, своим искренним голубым взглядом, своим красивым личиком, с прядкой волос цвета красной меди, Выростова украшала рабфаковские будни и напоминала им, что у каждого из них есть не только рабфаковские интересы, не только жизнь учебы, но и жизнь личная, большая, по-своему необходимая.

Дружба с Олей напоминала Столбову, что у него дома осталась жена, что он будущий отец и что рано или поздно надо решать вопрос об устройстве Верки в городе. Вера все чаще и чаще писала ему, как ей трудно одной без него, как часто она волнуется и как боится поэтому за будущего ребенка. Столбов обращался в профком, к Гусеву, ходил два раза в коммунхоз, пытаясь раздобыть комнатушку. На какие средства и как он будет жить с семьей в городе, он не задумывался. Он сознавал одно — рано или поздно, но надо жить вместе, рано или поздно надо будет решиться на этот шаг. Говорил о своих намерениях Фролу, советовался с ним, думая встретить у друга подтверждение этим своим намерениям.

— Податься некуда. Три года в рабфаке. Пять лет во втузе. Восемь лет. Это ведь целая жизнь.

— Да, целая жизнь,— говорил Столбов, как бы решая окончательно взять жену в город.

Сам Курганов втайне мечтал и грустил об Арише, загадывая и ее перетянуть в город. Но он решил, что сначала ему надо крепче врасти в рабфаковскую и вообще городскую жизнь, хотя бы кончить успешно первый курс, перейти на второй...

«Простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильно». «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, но коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания».

Н. Ленин

В. Аврущенко

СЛОВО КАЛИНОВСКОМУ [1]

Когда телеграмма о смерти твоей
Союзом советских республик летела,
Она прогремела в прибое морей
Печалью!
И эта печаль — без предела...
Меня полагали тогда в отпуску:
— Гуляй, мол, курсант, до отказа!
Но вместе с волною хлебнул я тоску
У южных окраин Кавказа.
И море не в море. Болотная нудь.
Смываются с глаз кипарисы и кедры.
И вижу: не в силах мотор дотянуть
Какую-то сотню трагических метров.
— Напрасно ты ищещь площадку, пилот.
Нет спуска, ты падаешь на лес,
Что тело кусает, царапает, рвет.
За этим ли бились и гнались,
Чтоб нынче на сосны лицом натыкались,
Калечили плечи, коверкали рот?..
В глазах же навеки с крутой высоты
Засняты луга, водокачки, мосты,
И белой и гладкой дороги полоска,
За нею река и густые сады.
Они заливают тебя. Осади,
Куда ты, куда ты летишь, Калиновский?
Так что ты взамен нам, лесище, отдашь?
Ужели что несколько досок на гробы?
И горестно плавится траурный марш
Слезами и кровью на шпалы и ромбы.
— Проснись, Калиновский, собрались войска,
Уже декорирован зал ЦДКА,
Знамена и люди поникли печальны.
Дозволь же промолвить мне слово, пока
Другие не начали тоже речами...
Но музыка смерти тоской глубока,
И ты неподвижен, товарищ начальник.
Последняя вот тебе честь отдана!
Нахмурились к бою готовые танки,
Но вогнуты наглухо в грудь ордена
И стынут в гробу боевые останки.
Соратников руки, друзей и бойцов
Тебя подымают в оркестровый рев,
Выносят под марша качанье...
Согнулся Халепский, молчит Деревцов,
Устало шагает Гречаник.
Им в уши свистят, их толкают года.
Заснежены рельсы и провода.
Деникин дрожит, беспокоясь.
Набухшая катится к горлу беда:
То южного фронта громит поезда
Какой-то шальной бронепоезд.
То на рассвете пехоту прикрыв,
То полуночью с тылов набегая,
К самому морю раздвинув прорыв,
Он глушит и топит десант Улагая.
Кто ж там командует? Как его звать?
Как он, лесами и рощами кроясь,
Так научился огнем управлять
И на победу водить бронепоезд?
Оценен и взвешен твой верный улов.
— Смотри, берегися, начальник.
Три тыщи казенных наличных рублей
За гибель твою обещали...
А он и не дует в некрученный ус.
Команда б в бою и матчасть на ходу бы...
Ты весел еще, Калиновский Кастусь:
Смеются глаза и цветут твои губы.
От сумерек утра до зорь темноты
Республика водит и ставит посты,
Как в нашем полку разводящий.
Воюет страна. Мы меняем фронты.
Воюет страна. Атакуешь и ты
До жара, до пота, до хрипоты,
И дни разгораются ярче...
Ты жив, Калиновский. И нам не стареть,
И небо поет голубое.
Ты жив, Калиновский. Нас учат владеть
Высокими формами боя.
Ты жив, Калиновский, в звучанье пера,
И шаг твой напористый прочен.
Ты утром встаешь, — на работу пора,
Ковать оборону рабочим.

Ты жив, Калиновский. Аэро поют.
Уходят в моря миноноски.
Заложим патроны и грохнем салют,
Тебе, броневик Калиновский...

---

[1] Константин Брониславович Калиновский, зам. нач. Управления мех. и моторизации РККА, 12/VII—1931 погиб при аварии самолета вместе с семью другими заслуженными командирами.

Б. Лапин и З. Хацревин

ИЗ УСТНОЙ ПОЭЗИИ ТАДЖИКСКОЙ ССР

1. ЗАПЕВКА

И Самарканд, и Кандагар я видел,
И сон пустыни, и базар я видел,
И треть Мухамедова мира видел,
И снег высокого Памира видел.
Копал канавы и лепил кувшины,
На спину гор я втаскивал хурджины.
И по тропе, хромая к перевалу,
Я доходил до каменной вершины.
Но никогда такого чуда я не видел,
Как Дюшамбенская железная дорога.

Я втаскивал хурджины на перевал... На тропинках Верхнего Таджикистана часто можно встретить отряды крестьян, гуськом бредущих вверх с тяжелым хурджином (переметной сумой) за плечами. Они заносят товары в такие места, куда ни арба, ни вьючная лошадь не могут проникнуть. В разделе „Дороги" народнохозяйственного плана Таджикистанской ССР намечено проведение в первую очередь удобных путей в эти места.

Дюшамбенская железная дорога... Лондонский „Таймс", сообщая в 1929 г. о постройке железной дороги до Сталинабада (бывшего кишлака Дюшамбе), с раздражением писал о „рельсовых путях большевиков, подобравшихся до самого порога Индии". Значение этой дороги огромно. Ворвавшись в середину бывшей Восточной Бухары, она перекраивает начисто экономический ландшафт страны.

2. КЕМ Я ХОТЕЛ СТАТЬ

Не муллой и не купцом я хотел бы стать,
Не дервишским слепцом я хотел бы стать,
И не сыном богача, разодетым в шелк,
Не владельцем переправ я хотел бы стать,
Агрономом и врачом я хотел бы стать,
И не жирным, как сарраф, я хотел бы стать,
И не лекарем старух, с хиной и сурьмой,
Как базарный костоправ, я хотел бы стать.
Агрономом и врачом я хотел бы стать,
Деревенским избачом я хотел бы стать,
Тем, кто взроет старый мир словом Ильича,
Как крестьянин омачом, я хотел бы стать.
И народным комиссаром я хотел бы стать.

Мунавар-Шо

Кем бы я хотел стать... Эта песня сочинена популярным Мунавар-Шо из Уморна, секретарем Кала-и-хумбского волостного совета. Мы встретили его в одном из ущелий Дарваза, где дороги ужасны и богатство крестьянина измеряется количеством тутовых деревьев. Он сочинял революционные песни и притчи. Воспитанный на феодальном Саади, он восхищался им и все-таки страшился его влияния. За дальностью расстояния ему почти не приходилось печататься. Его произведения распространяются в рукописях. В этой песне Мунавар-Шо пересматривает привычную иерархию таджикской судьбы, от муллы и «саррафа»— менялы и ростовщика.

Не владельцем переправ... В эмирское время переправы через горные реки отдавались на откуп бывшим писцам и отставным чиновникам бекских канцелярий. В двух-трех местах от берега к берегу ходил канатный паром. В остальных случаях „устои-шиновар" («мастер-пловец») переправлял проезжих на бурдюках.

3. ПОИМКА АБДУЛЛО-ХАНА— ЛОКАЙСКОГО КУРБАШИ [1]

Рысью шли по узкой тропинке локайцы.
Грива шла за гривой и конь за конем.

— Хей, Абдулло-хан, скорее возвращайся,
Довольно забавляться винтовкой и огнем!
Сказал Абдулло-хан:
«Трусливые овцы!

[1] Курбаши — бандитский главарь

Кончим бой, и каждый получит дастархан»
Сказали локайцы: «Разве мы торговцы
Кровью и жилами и кожей дехкан?»
Тогда Абдулло-хан вынул из подвойника
Медью обшитый английский карабин
И застрелил трех злосчастных покойников,
И повел отряд на Мазар-Ходжауддин.
Впереди усатые кулацкие дети,
Подскакивая юргой, тащили пулемет,
А сзади унылые служки из мечети
Списывали новых трех убитых в расход.
И запевали веселыми голосами
Песню о победе кудрявые бачи.
Им отвечали печальными голосами
Скрытые в арьергарде флейтисты и трубачи:

Под горой конь бежит,
По тропе погонь бежит,
Из ноздрей огонь бежит.
Гей, Абдулло-джон!
Гей, душа, джон, душа!
Гей, Абдулло-джон, душа!
Эй, Абдулло-джон, душа!
Тигр Абдулло-джон!

Ехали дальше, к Хишонскому перевалу,
По снежному обрыву гуськом, гуськом.
И сказали локайцы: «Чего нам недоставало,
Когда мы домовали над своим очагом?»
И сказал Абдулло-хан: «Ударьте в барабаны
И коней соберите на подгорбине горы —
Мы будем судить вас, отступники от корана!»
И выхватил маузер из деревянной кобуры.
И вот он повел их по скалистой опушке
В последний, суровый и безрадостный поход,
А в брошенной мечети хмурые служки
Списывали новых трех убитых в расход.
И, тихо позванивая саблями о ветки,
Всю ночь сквозь бурс[1] шел бандитский отряд,
Пока не услышали локайцы из разведки,
Как тени в ущелье ползут и говорят.

Это не тени. Это ожидает
Красная засада гиссарских дехкан.
Это не тени. Под звездой сверкает
Вороненым дулом бедняцкий наган.

В эту ночь, друзья, был пойман Абдулло-хан,
Локайский курбаши, враг трудового народа.

Хэй, Абдулло-хан... Каждое событие, имевшее место во время гражданской войны в горах, нашло могущественное отражение в песнях советского Таджикистана. История поимки курбаша-головореза Абдулло-хана имеет о себе песенную „литературу" не меньшую, чем история борьбы с бандами Энвер-паши и Ибрагим-бека.

Вы получите дастархан... Басмачские главари обещали обманутым дехканам, завербованным в их шайки, золото, богатство, рай на небе; „дастархан" — угощение в завоеванных кишлаках. Это стихотворение ясно показывает, отчего локайцы отказались воевать на стороне Абдуллохана.

И застрелил покойников... Безыменный сочинитель применил здесь излюбленный в старой восточной литературе прием — он опережает события, которые должны развернуться в следующей строфе.

4. ПРИГЛАШЕНИЕ

Приходи ко мне, сестрица,
Нам спляшут «раккасы»!
Посиди со мной, сестрица,
Послушай рассказы.
Я бродил в Больших Долинах
До нового года,
Но зато я много видел
Чужого народа.
Гей, сердце, друг, джан!
Что за люди там, в Гиссаре!
В законах не крепки,
Вместо чалм и тюбетеек
Они носят кепки.
Что за школы там, в Гиссаре,
Дома и мечети!
Не мечети — это ясли,
Где играют дети.
Гей, сердце, друг, джан!
А когда приходишь в гости,
Хозяин, встречая,
В пиале тебе подносит
Китайского чая.
А когда приходишь в клубы,
У входа встречая,
Пионер тебе подносит
Китайского чая.
Гей, сердце, друг, джан!
Я бывал в Кабадиане,
В далеком Термезе,
Видел близко паровозы,
Арбы на железе.
Я бывал в Сталинабаде —
Вот это столица!

[1] Бурс — горный можжевельник.

Есть чему там подивиться —

Послушай, сестрица.

Гей, сердце, друг, джан!

Нам спляшут „раккасы"... Возвращаясь из долин, где он работал на хлопкоочистительном заводе, горец устраивает посиделки —„шаунишени"— для друзей и знакомых. Там пьют чай под дютар и бубен. Приглашенные „раккасы" (профессиональные танцоры) из ближнего села представляют „Краскома и Энвер-пашу", „Девушку", „Цветок мака и мотылька". Такой рабочий, вернувшись в горы, выдвигается на первые места в своем селении. Он бывает застрельщиком в организации колхоза, его выбирают в совет.

Я бродил в больших долинах... В сознании горца весь долинный Таджикистан — „Большие Долины"— объединяется именем „Гиссар", по маленькому городку с цитаделью, где помещалась канцелярия бека в эмирские времена.

5. ПЕСНЯ О ЯР-СУЛТАН-АЗИМ-ДЖАНЕ

О, убийца героев, Яр-Султан-Азим-джан.
Больше ты не вернешься в каменный Бадахшан,
Больше не переплывешь ты бурной речной воды,
Где, опершись на ружья, стояли я и ты.
Мне говрят: в Кабуле ты сторожишь базар.
Мне говорят: стареет Джан-Султан-Азим-Яр.
Двадцать головорезов ходят вслед за тобой—
Двадцать собак, готовых в драку и на разбой.
Слушай, Кабул, и слушай, Яр-Султан-Азим-джан,
Что говорит вам в песне каменный Бадахшан:
«Если вы захотите снова к нам забрести,
Каждый дорожный камень встанет вам на пути,
Каждая ветка хвои вцепится вам в глаза,
Ноги коням стреножит вьющаяся лоза,
Горы подымут плечи, сбросив груды лавин,
Из берегов навстречу выйдут реки равнин.
Жены взвоют от злобы, Яр-Султан-Азим-джан,
Если ты возвратишься в каменный Бадахшан!
Здесь тебя ненавидят — руки твои в крови.
Если ты жив в Кабуле, радуйся и живи».
Старой солдатской пикой бей в базарный порог,
Рыскай вдоль стен, глотая пыль городских дорог.
Жди, когда вестник вскочит на крепостной дувал
С криком: «Волки ислама! Враг побежден и пал!»
Жди... Но ты не дождешься, Яр-Султан-Азим-джан,
Больше ты не вернешься в старый наш Бадахшан.
Больше ты не услышишь крик убитых детей,
Храп лошадей и быстрый взмах свистящих плетей,
С дальних гор не прорвутся зарослями арчи,
Подскакивая на седлах, черные басмачи.

Слушай, Кабул, что говорит каменный Бадахшан в песне... Население Памира — нынешней Автономной Горно-Бадахшанской области — обращается здесь к вождю дарвазских басмачей, отбитых в 1921 г. памирскими добровольцами.

Из всех песен о гражданской войне, которые нам удалось собрать, эта наиболее яркая по силе и классовой ненависти. Против врагов советского Таджикистана здесь мобилизованы хвоя, камни и горы — весь могучий арсенал памирской природы.

Вальтер Шенштедт

Перевод с немецк. М. Живова

МАКС АЛЬТДОРФ

РОМАН ИЗ ЖИЗНИ НЕМЕЦКОЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Глава первая

Перед огромным зданием машиностроительного завода стояли женщины и дети. Продрогшие, они сновали взад и вперед, пряча руки в толстые шерстяные перчатки. Испуганные лица женщин посинели от мороза, а дети прижимали кулачки к ушам, защищая их от холода.

Под навесом будки привратника стояло несколько старых женщин. Одна держала подмышкой зонтик. В изодранных ботинках, они переступали все время с ноги на ногу, изредка медленно и устало поднимали голову и бросали ничего не выражающий взгляд на висевшие над главным входом большие часы, стрелки которых медленно ползли по циферблату.

— Ну и погодка! Собаку на двор выпустить жалко. Февраль уже на исходе, а все еще не становится теплее.

— Что и говорить, тетушка Тиле! Но будет еще хуже, если такая погода затянется. Угля в этом году сколько угодно, но купить-то его не купишь. И куда они денут его? Безработных становится все больше...

— Наша песенка тоже скоро будет спета. Они сокращают и сокращают. Я очень боюсь, что мой старик вернется сегодня домой с расчетом. Восемнадцать лет он работает в этой дыре. Да разве они сжалятся над его старостью? Ведь он, несмотря на свои годы, еще хороший работник, не одному молодому даст сто очков вперед, уверяю я вас. И если они его уволят, это будет неслыханное безобразие...

Стрелка подходила к половине пятого. Ветер нагонял, точно волны, широкие полосы дождя и снега. Грузовики, громыхая, неслись по заводскому двору. Толстый привратник сидел в своей будке, удобно и лениво расположившись за столом, и покуривал большую изогнутую трубку. Он переводил свой настороженный, испытующий взгляд от двора к часам, а затем как будто сочувственно поглядывал на продрогших женщин и детей, стоявших у ворот, в промокшей одежде, дожидаясь своих мужей и отцов.

Загудели сирены. Вначале они как бы нехотя шипели, а затем заревели пронизывающе, изо всей силы. Машины в цехах заходили медленнее, тише, а затем вовсе затихли и остановились. Сперва в одиночку и быстро, затем группами зашагали мужчины и парни по грязному двору, образовав у ворот медленно подвигавшуюся очередь. Привратник медленно, спокойно и строго осматривал карманы и сумки. Только у отдельных рабочих толстяк не производил тщательного обыска, бросал беглый взгляд на их раскрытые карманы, и эти люди затем вежливо проходили вперед, держа в руках свои засаленные шапки. В конце очереди несколько рабочих все время просовывали вперед голову и злобно глядели на привратника.

— Ну, поворачивайся быстрее! Сколько еще нам дожидаться тебя на этом собачьем холоде? Ну, пошевеливайся поживее!

— Такая собачья погода, а тут еще надо ждать, пока этот толстяк осмотрит карманы. Господи, чего они только не выдумают! А мы должны терпеть...

Привратник все усерднее шарил в карманах рабочих. Его широкое лицо покраснело от усердия и мороза.

— Тебе это непонятно? По-вашему, надо позволить тащить отсюда все, что угодно? К чему бы это привело? А в

конце концов это моя обязанность, не сидеть же мне все время сложа руки.

— Что ж, приходи к нам в цех, толстяк, вот и не будешь сидеть сложа руки. А так ты еще лопнешь от жира.

За будкой привратника висели табельные часы. Там образовалась еще одна очередь. Рабочие должны были отметить на маленьких карточках время своего ухода с предприятия. Они приподнимали рычаг, и часы со звоном отбивали время. Непрерывно раздавался звон: бим, бим, бим...

За воротами толпа рабочих снова разбилась на группы; рабочие расходились по домам — кто вправо, кто влево. Очередь у привратника и у табельных часов становилась постепенно все меньше, и рабочие все быстрее выходили из ворот.

Скоро на улицу вышел последний. Это был молодой рабочий. Его темные глаза глядели опечаленно, неспокойно. Несмотря на то, что ему можно было дать не больше девятнадцати лет, вокруг его губ легли глубокие складки. Из-под козырька его синей фуражки виден был широкий гладкий лоб. На бледном лице резко выделялись сероватые скулы. Он приподнял воротник своей изношенной зеленоватой куртки и быстро побежал вперед, держась ближе к стенам домов. Низко опустив голову, он старался обходить водосточные трубы, из которых струями текла грязная вода.

Зажгли первые уличные фонари, и свет их тускло вспыхивал, освещая злобно колыхавшиеся тени людей. В парадных приютились газетчики и выкрикивали оттуда свои вечерние газеты. Мчавшиеся по улицам автомобили поднимали огромные струи грязи, разбрызгивая ее во все стороны.

На углу одной из оживленных улиц молодой рабочий встретился со своим приятелем, работавшим поблизости. Тот был несколько моложе, меньше и слабее на вид. Его ясные карие глаза улыбались.

— Э, Макс, у тебя опять невеселое лицо. Видать, погода тебе в печенку въелась.

— Не приставай, Карл. У меня с утра головная боль. И что тут удивительного — все время в этом грохоте и вони.

Они побежали рядышком дальше. Через несколько минут младший сказал:

— А ты вчера вечером даже не пошел погулять с нами.

— Нет. Меня туда больше не тянет. Это только пустая трата времени. Разумные люди этого не делают.

— Но что другое придумать? Дома сидеть? Для того чтобы погулять с ними немного на Марианплаце, эти девушки достаточно хороши. Чего тебе еще надо? Погуляешь с ними — и время убьешь. Эрна и Минна все время гуляют там, и они очень довольны, когда мы гуляем с ними.

— Это чепуха. И то, что ты говоришь насчет девушек. Они знают, чего они хотят. У меня нет никакой охоты шататься по улицам. Мне хотелось бы чего-либо более значительного, чего-нибудь... Да я сам не знаю, как это тебе объяснить. Но во всяком случае это шатание по улицам мне опротивело... Правда, иногда довольно весело, да, но...

— Ты всегда ноешь, Макс. Ты все принимаешь слишком тяжело. Чего более значительного тебе хочется? Жениться, что ли? Пожалуй, из тебя вышел бы недурной отец семейства.

— Замолчи, Карл. И ты, видно, не можешь понять меня. Ты и представления не имеешь, как все это мне противно!

Из большой папиросной фабрики шли навстречу группами или парами работницы, девушки и женщины. Некоторые шли порхающей походкой, в дешевых шубках и шляпках, помятых и полинявших от дождя. Другие—в вязаных жакетках и синих или красных шапочках, из-под которых смотрели равнодушные лица. Четыре или пять девушек отделились и направились через улицу, бросая на прощание своим товаркам какие-то пошлые шуточки.

Две восемнадцатилетние девушки, весело беседуя друг с другом, пробежали мимо Макса и Карла. У одной брови были подбриты так, что оставалась тонкая, едва заметная полоска. У обеих были челки, которые под серебристыми причудливыми шапочками казались приклеенными ко лбу. Их лица были силь-

но напудрены, и они казались жутко бледными.

— Знаешь, Фердинанд тоже говорит, что он больше не пойдет к Муту. Там все так просто. В воскресенье мы все были у Рези. Там гораздо меньше пожилых людей и не так переполнено. Фердинанд вообще так щепетилен. Надиях нас встретил его отец,— болтала младшая.

Карл толкнул Макса в бок.

— Взгляни-ка, неправда ли, недурненькие? Вот такую прижать бы к сердцу, чтобы она запищала: «Ах, что вы, оставьте меня!» А ножки-то у них, господи! С такой не поскучаешь... Но как раз вот такие и знать о нас не хотят, задирают нос и воображают, что их дожидается сам директор фабрики.

— Да оставь в покое их и их ножки. Что тебе до этих размалеванных рож?— злобно и с горечью огрызнулся Макс.— Идем, и нечего тебе оглядываться по сторонам.

Маленькая кругленькая блондинка шла с большой группой девушек и, смеясь, заговорила с Максом и Карлом:

— Да вы что, рехнулись, что ли? Поднимайте ноги, у нас ведь не непромокаемые чулки! Вы шлепаете по грязи, точно ноги у вас деревянные...

— Что ж, неплохо, если вы хоть разок ноги помоете,— смеясь, бросил в ответ Карл.

Макс бежал все быстрее и, недовольный, тащил Карла за рукав.

— Да брось их! Идем же наконец. Каждый день одна и та же болтовня. Разве ты не понимаешь, как это мерзко?

— А почему бы не поболтать? Вот ты всегда жужжишь в уши одну и ту же нудную песенку, а я болтаю. Ты ходишь печальный, а я веселый... Живется мне не лучше, чем тебе, но, несмотря на это, я не распускаю нюни. Если можно немного побалагурить, то мне рот не заткнешь, сколько бы ты ни сердился...

Скоро Карл и Макс завернули в грязную уличку — Наунинштрассе. Они пошли медленнее и остановились возле зеленной лавки, помещавшейся в подвале.

— Что ж, придешь вечером погулять или нет?

— Нет, Карл. Я так устал, что сразу залягу в кровать.

Макс кивнул головой на прощанье и пошел. Карл крикнул ему вслед:

— Смотри, только завтра не опоздай! Если тебя в четверть седьмого не будет на углу, я пойду один.

Снова, как во все предыдущие дни, Макс пошел по узкому холодному коридору, пропахшему гнилым картофелем, сложенным в подвале. На двери, ведшей из коридора во двор, на черной доске висело объявление, написанное на пишущей машинке:

> «Все жильцы, не уплатившие еще квартирной платы за февраль, должны внести причитающуюся с них сумму немедленно. В противном случае я приму соответствующие меры. Точно так же прошу приготовить квартирную плату за март.
> Владелец дома Кулляк».

На черном потрескавшемся потолке медленно раскачивалась взад и вперед газовая лампа. Свет шипел, мерцая и вспыхивая. Сетка была продырявлена, и из лампы струйкой шел газ, делавший воздух сладковатым, но удручающе тяжелым.

Макс вышел на узкий двор, посреди которого стояла огромная лужа. Из окна нижнего этажа неслись хриплые голоса; там ругались, и слова ударялись о стены и разбивались без всякого эхо.

— Ты уже снова пропил все пособие! Что мы теперь делать будем?

— Заткни рот, старая стерва!

Когда Макс поднимался по лестнице, под его ногами со скрипом дрожали прогнившие доски. В первом этаже перила оторвались и едва держались, прикрепленные проволокой. Со стен осыпалась известка, и зияли желто-красные кирпичи. В нескольких местах на стене были нарисованы женские фигуры, а под ними было написано красными буквами: «Барышни и госпожи Зоммерфельд — дряни». Деревянные карнизы окон были покрыты толстым слоем плесени.

Макс шел вверх, шагая через две ступени. На четвертом этаже он остановился и постучал в дверь. Он стоял в ожидании и дышал учащенно и тяжело. На жестяной дощечке было написано: «Вдова Альтдорф». Дверь открыла мать.

— Здравствуй, Макс!

Глаза ее от нескончаемых забот были потухшие и пустые. Лицо было покрыто морщинами, бледное, с маленькими красными пятнами на скулах. Редкие темные волосы были затянуты узелком на затылке. Братья и сестры Макса сидели за большим кухонным столом и хлебали что-то ложками из тарелки. В углу на печи, свернувшись клубочком, лежала черная кошка и сверкала большими глазами, глядя на мать.

Одна стена тянулась от двери до окна. Посредине этой стены, там, где был водопровод, сырость просочила масляную краску, и местами стена набухла. У противоположной стены стояли две высокие кровати.

«Опять эта жидкая похлебка!» подумал Макс, войдя в комнату.

Он ел раздраженно и медленно, каждый раз злобно стуча ложкой о тарелку. Мать шлепала в своих туфлях, вертелась вокруг него, покачивала головой и приговаривала:

— Что, дружок, не по вкусу тебе? Да, опять эта крупа, что поделаешь! Будь доволен, что есть и такая еда. Другие не так бы кривлялись. Вот посмотри внизу, у Виллертов. Девять ртов, а еда одна — что дадут в благотворительной кухне.

Макс еще глубже склонился над своей тарелкой. Он яростно сжал колени и злобно барабанил пальцами по столу.

«К чему она говорит мне все это? Ведь я ем, если даже мне это не нравится. К чему все эти уколы? Я сам понимаю, что она охотно сварила бы что-нибудь повкуснее—мясо, картофель или что-нибудь в этом роде...»

Сегодня все раздражало его.

— Не чавкай так, Эмиль.

Его братишка Эмиль яростно набросился на него:

— А как же мне есть? Может быть, ты и дышать запретишь мне?

Макс уткнулся глазами в тарелку, в набухшую крупу. Теперь он не скажет ни слова, нето через несколько минут не миновать ссоры. Ведь так часто изза совершенных пустяков между ним и братом возникают драки, точно между собакой и кошкой.

Мать поставила перед ним его домашние туфли. Он оттолкнул их и сказал:

— Нет, не хочу!

В то же время он почувствовал некоторое раскаяние. Он понимал, как глубоко он огорчает мать своим поведением. В горле как будто застрял какой-то горячий комок. Противоречивые мысли мучили и удручали. Макс прикусил губу. Мрачным, неуверенным взглядом смотрел он теперь на пол. Эмиль злобно и презрительно сказал, обращаясь к матери:

— Оставь эту обезьяну. Этот ворчун не может обойтись без скандала.

Мать старалась предотвратить ссору:

— Сиди спокойно, Эмиль. Не обращай внимания на Макса. Ты ведь видишь, что он сегодня уже снова не знает, чего хочет.

— Что ж, ты, может быть, еще возьмешь его под свою защиту? Он становится все наглее. Он думает, что если он на два года старше меня, то может себе все позволить.

Макс вскочил. Ярость обуревала его все сильнее. Как хорошо было бы, если бы можно было уничтожить эту проклятую дыру и убежать куда-нибудь...

Он открыл окно, засучил рукава и высунул голову. Дождь почти прекратился. По небу неслись разодранные тучи. По крышам медленно и лениво ползли последние черные струйки. Вода медленно стекала по трубе. Брань и ругань внизу еще не прекратились:

— Да не рычи ты так! Что случилось?..

В какой-то квартире хрипело радио. Воздух был холодный и сырой; он охладил разгоряченный лоб Макса. В лужах, стоявших на дворе, матово-желто отражались освещенные окна. Макс тщетно пытался представить себе двор без этих луж. Нет! С тех пор, как они живут в этой дыре, стоят здесь эти лужи. Зимой островки льда, а летом вонючая вода. Одна и та же извечная грязь. Никакой перемены — все тот же узкий двор, все те же мрачные стены. Всегда и неизменно это проклятое зрелище! Когда наконец можно будет вырваться отсюда? Ты точно привязан к этой дыре и должен оставаться здесь, пока не протянешь ноги.

«Вот снова прошла зима, снова наступает весна. Но что переменилось в моей жизни? Много зим еще пройдет, а я все не смогу выбраться отсюда, не смогу увидеть море и горы... Прекрасные стихи читали нам в школе — о весне, о величественных Альпах, о волнующемся море... Часами сидел я здесь в кухне и учил наизусть эти стихи, пока глаза не слипались от усталости. Как часто видел все это во сне... Это поистине должно быть прекрасно!

Чего только не пришлось пережить за все годы в этой конуре? Но ни одного радостного переживания. Здесь я родился, здесь научился ходить и бегать. Казалось бы, я должен был любить это место, где я родился... О, как я его ненавижу!..

Когда отец в 1917 году погиб во Франции, я рыдал вместе с матерью и залез вот под эту кушетку... В этой кровати, которая теперь еще стоит здесь, я спал вместе с Эмилем и вместе с ним молился, чтобы боженька дал нам увидеть небо, чтобы защитил отца на войне и дал кайзеру победу. Тогда я не понимал ничего. Когда мать стояла, держа в руках письмо с уведомлением о смерти отца, я взобрался к ней на колени и целовал ее мокрые от слез глаза. А когда она с непередаваемой печалью сказала мне: «Макс, ты ведь мой добрый мальчик, ты всегда будешь добр ко мне и останешься со мной», я разревелся. Ее глаза, ее голос — они были полны нескончаемой печали и боли...

Едва я вышел из школы, пришлось пойти на фабрику, чтобы заработать на кусок хлеба. И там я постепенно понял, какая подлая и жалкая наша жизнь. Всегда одно и то же: спать, работать, есть, работать. А в промежутках — ругань, ссоры, брань... И годы тянется это, годы. И с каждым годом все хуже и хуже! Мать конечно хочет, чтобы все было лучше. Ей пришлось так много пережить, она всегда была так унижена и придавлена. И ведь все-таки я люблю ее. В самом деле, что удивительного в том, что она стала такой угрюмой и ворчливой. Она все еще думает об отце... Иногда она рассказывает о нем.

Но почему она всегда ругает именно меня? Разве я, действительно, всегда дерзок, требователен и недоволен? Мои братья и сестры — они всегда равнодушны ко всему, они принимают жизнь гораздо легче. Поэтому мне трудно сойтись с ними, они меня не понимают. И что же остается от братской любви?

И это не только у нас, ведь во всем доме оно так. Разве здесь есть люди, которые ладили бы друг с другом? Конечно лучше всего было бы принять жизнь такой, какой она есть. Просто не думать об этом, не волноваться, не думать, в каких ужасных условиях приходится жить...

Боже мой, столько людей в этом маленьком здании! Удивительно ли, что здесь все наполнено ненавистью, что здесь каждый кажется другому излишней обузой!.. Было бы конечно очень хорошо, если бы я мог снять себе комнату. Но на это нехватает моего заработка. И нельзя же оставить мать, чтобы она жила на то пособие, которое ей выдают. Она просто умерла бы с голоду»...

Эмиль вернулся в комнату и сказал язвительно:

— Закрой, Макс, окно, мы здесь не задыхаемся от жары.

Макс хотел было злобно огрызнуться, но ограничился тем, что сказал громко и резко:

— Ради бога, оставь меня в покое. Что вы все пристали ко мне? Я хочу хоть минуту провести спокойно.

— Провести спокойно? — передразнил его Эмиль.— Можно подумать, что все к нему пристают. Тебе никто ничего не делает. Может быть, у тебя неприятность, может быть, твоя краля перестала глядеть на тебя, поэтому ты так на всех нас кидаешься...

Макс кипел от злости. Он бросился к вешалке, сорвал шапку и яростно хлопнул за собою дверью. Когда он уже пробежал половину лестницы, мать крикнула ему вслед:

— Поспокойнее, сынок! Дверь надо закрывать тихо. И не шляйся сегодня так поздно, как всегда.

Макс не обратил внимания на ее слова и убежал дальше. Вода разлеталась под ногами брызгами до колен. Скорей бы подальше отсюда! Куда бы то ни бы-

ло, но убежать отсюда, забыть обо всей этой грязи, заглушить все эти мысли!

Он, не останавливаясь, бежал все дальше и дальше, через Скалитцерштрассе, вышел к Гальским воротам и повернул на Фридрихштрассе. В шуме улиц постепенно затихало его отчаяние. Мрачные огни газовых фонарей сменились огромными электрическими лампами, спокойно разливавшими яркий свет. Этот яркий свет освещал великолепные витрины. На крышах мелькали дрожащими буквами световые рекламы. Из кафе вырывались наружу резкие звуки джаз-банда. Все дальше бежал Макс, все больше погружаясь в этот шум и свет. Улицы, бесконечные улицы...

Человеческий обрубок без ног лежал в глубине какой-то ниши, точно его с отвращением отшвырнули в сторону. Пара костылей стояла в углу, и к ним была прикреплена надпись:

> «Ранен во Фландрии. Нервный шок. Потерял обе ноги. Должен пропитать жену и трех детей».

На огромных стеклах бесчисленных увеселительных заведений висели большие пестрые плакаты с приманчивыми надписями: «Здесь играет оригинальная русская балалаечная капелла «Остров». Несколькими шагами дальше висели плакаты, на которых были нарисованы голые женщины; они зазывали на конкурс берлинских красавиц.

На сверкающей мостовой длинными рядами стояли автомобили. Один шофер спал в своей машине, другой старательно чистил стекла.

Макс окунулся в этот шум, в эту похотливую волну Фридрихштрассе. Он шел все дальше вперед, изредка останавливаясь и заглядывая через стекла внутрь помещений. Всюду он видел довольные, сытые лица, в глазах мужчин отражалась похоть, когда они смотрели на сидевших рядом с ними женщин в декольтированных, почти прозрачных платьях. Беспрерывно мимо Макса проходили накрашенные женщины с лакированными кожаными сумочками и короткими зонтами подмышкой.

На углу Макс остановился.

Он испытывал сильное напряжение. Руки нервно сжимались. В нем поднималась волна возмущения. Он думал: «Почему все эти люди кругом сидят и ходят довольные и развлекаются? Я целый день работаю, а у меня нет ничего в жизни, нет человека, который понимал бы меня, нет хотя бы девушки, которая хорошо относилась бы ко мне, с которой я чувствовал бы себя легко... Я обречен всегда наблюдать жизнь только издалека, следить за чужим счастьем и радостями. Неужели действительно для таких, как я, нет ничего в жизни? Неужели и дальше будет продолжаться такая же безутешная жизнь?..»

Стройная девушка, слегка наклонив набок голову, покачивая бедрами, приблизилась к нему. Макс заметил ее еще раньше. Она ласково заговорила с ним:

— Тебе, наверно, очень скучно, мой мальчик... Пойдем со мной. У меня уютная комнатка и красивая красная лампа... Если хочешь, я покажу тебе интересные картинки...

В голосе ее слышались похоть и вместе с тем сочувствие и страдание, точно она только что плакала. Но он ответил равнодушно и коротко:

— Нет, не пойду!

Этот короткий разговор настроил его еще более мрачно. Он думал о судьбе этой девушки, которая вынуждена бродить здесь, по этой улице, приставать к отвратительным мужчинам, которые, наевшись досыта, ищут удовлетворения своей животной страсти. Он думал и о том, что эти несчастные девушки не могут помочь ему, не могут рассеять его грусть, так как они должны постоянно ходить здесь в поисках своего тяжелого заработка. Он почувствовал в себе сострадание и нежность к этим несчастным, ему так хотелось нежно погладить ее по волосам... И отсюда другая мысль: как хорошо положить голову на грудь любимой девушки и забыть человеческое горе...

Девушка отвернулась от него и пошла дальше, ничуть не обидевшись. Для нее не было ничего удивительного, что он отказался пойти с ней. Она узнала в нем одного из многих юношей рабочих кварталов, которые иногда приходят сюда, чтобы издали наблюдать шумную ночную жизнь Берлина.

Макс быстрыми шагами пошел даль-

ше. По небу плыли последние тучи. Вот уже два часа, как он ушел из дому и удалялся все больше и больше. Он шел вперед напрямик, и чем дальше, улицы становились все тише и темнее. Слева между высокими домами он увидел большой увеселительный сад. Он никогда еще не был там. Разноцветные лампы ярко горели, освещая большие балаганы. Огромный орган гремел, силясь заглушить шум, стоявший кругом. Все вертелось здесь: электрические огни карусели, колеса счастья и вместе с ними, казалось, и люди.

Кишащая толпа шла густой стеной. Молодые девушки смеялись, перебегая от одного балагана к другому. Перед большим зеленым шатром какой-то человек с болезненно хриплым голосом выкрикивал:

— Здесь можно увидеть Кинкерлинг, женщину-обезьяну!.. Питается только опилками, всякую другую пищу отбрасывает...

Орган между тем завывал: «О, донна Клара, я видел тебя, когда ты танцовала».

— Борьба! Бокс! — доносилось с другой стороны.— Кто хочет бороться? Кто хочет состязаться в боксе? Прошу пожаловать. Состязание с медведем... Должен предупредить, что ни за какие последствия не отвечаем...

С какой-то искусственной горы, в которой намеренно были сделаны большие впадины, с необычайной быстротой катились вниз, тесно прижавшись друг к другу, влюбленные парочки. Они то погружались в темноту, то снова выныривали на свет, а затем исчезали в туннеле. Несколько девушек раскачивалось на качелях все выше и выше.

— Барышни, не так высоко. Так высоко у нас запрещено!—кричал владелец качелей. А у барьера стояли старички и сладострастно смотрели на раскачивавшихся девушек.

На возвышении перед спортивным балаганом стояли борцы и боксеры. Некоторые из них были тучные, другие стройные, жилистые. Вокруг них толпился народ, и Макс стоял здесь же, в толпе, возле человека, громко приглашавшего публику принять участие в борьбе.

— Подходите ближе, господа. Сегодня нечто особенное: Тедье, чемпион Кельна, принял вызов чемпиона Бадена. Борьба решительная, на пятьдесят марок.

— Но, — взволнованно возразил Тедье,— я требую, чтобы вы мне дали деньги, если он сегодня снова прекратит борьбу до решительного финала.

Потом публике был представлен индеец, колыбель которого с одинаковым успехом могла находиться и в Индии и в любой уличке Берлина.

— Ахмет Куба берется победить любого в поясной борьбе.

Ахмет Куба сделал шаг вперед и обиженным, жалостливым голосом сказал:

— Но я требую, чтобы не было таких фокусов, как вчера. Я только схватил соперника и положил его на землю, а тут появляется господин Гебхардт и свистит...

Группа его приверженцев начинает шуметь, поддерживая его.

— Это недопустимо! Если это повторится, ты должен отказаться от борьбы!

— Последний розыгрыш! — кричали в другом углу.— Кто хочет принять участие? Три раза покрутить—три раза выиграть.

Жужжа, вертелось колесо счастья, и стоявшие кругом с напряжением следили, где остановится железный гвоздь, который должен попасть на какой-либо номер.

Между каким-то балаганом и другим, в котором происходила борьба, стояли два аппарата с панорамами.

— Опустите десять пфеннигов,— выкрикивал стоявший возле них человек,— и вы увидите необычайные вещи!

Макс медленно приблизился к аппарату и оглянулся по сторонам. Весьма понятно, он не увидел здесь ни одного знакомого. Его товарищи, и Карл в том числе, разгуливали теперь неподалеку от их квартир на Кеппеникерштрассе. Макса давно влекло заглянуть в эти панорамы. Сверху были приклеены фотографии полуголых женщин, и это его манило. Он опустил монету в отверстие и медленно повертел ручку... Разочарованный, отошел он назад — как собака, которую ни за что высекли.

Он побежал дальше за толпой моло-

дых парней и девушек, которые здесь, из вечера в вечер, стараются забыть свое горе.

Возле одного из балаганов он увидел полную девушку, которая улыбалась ему большими блестящими глазами. Макс раздумывал, как бы ему заговорить с ней. Она не была красива. Узкая юбка выделяла ее полные бедра. Вызывающе сидела синяя шапочка на ее задорной головке. Лицо ее было покрыто тонким слоем пудры. Она подошла к Максу и спросила:

— Нет ли у тебя папироски?

— Нет. Но я могу купить.

Она потянула его к папиросному ларьку и крикнула:

— Пять папирос для этого господина!

Макс уплатил. Она дала ему три папиросы.

— Одну я выкурю еще перед сном, а эти возьми себе.

Девушка взяла его под руку и сильно прижала к себе. Он наклонился и наклонил лицо к ее волосам. Смеясь, она отстранила его.

— Какой нетерпеливый! Подождать не может.

— Хочешь, я провожу тебя потом домой? — сказал Макс.

— Пожалуйста, я живу недалеко.

В десять часов сторожа стали очищать парк. Макс вышел, держа девушку под руку. Девушка была мало разговорчива, она все время только улыбалась. Макс чувствовал теплоту ее тела. Время от времени она бросала на него равнодушный взгляд. Через несколько минут она сказала:

— Я хочу пить.

Макс не хотел признаваться, что у него нет денег, и притворился, что не расслышал ее.

— Ты что, работаешь где-нибудь? — спросила девушка.

— Да, на машиностроительном заводе... Но заработок чертовски низкий.

Она отвернула голову, и на лице ее появилась какая-то гримаса.

— Пропиваешь все, что ли?

— Нет, я вообще не пью.

— Ну, тогда ты копишь деньги...

Потом она рассказала ему, что она работает статисткой на кинофабрике, зарабатывает тоже мало, но надеется, что в дальнейшем будет лучше: она рассчитывает на большую роль, режиссер ей обещал, он к ней хорошо относится и находит, что у нее есть талант.

— Стало быть, тогда я уже больше не смогу встретить тебя в парке?—спросил Макс.

— Если ты порядочный парень, ты всегда сможешь встретиться со мной.

Да, Макс очень хотел, чтобы она считала его порядочным парнем. Но что она подразумевает под этим словом? Ведь каждая женщина вкладывает в это слово иное содержание.

В заброшенном переулке, тускло освещенном, девушка остановилась у какого-то дома. Тротуар был взрыт, и вдоль домов валом тянулись груды земли. Они сделали еще несколько шагов и очутились в какой-то нише между двумя зданиями.

— Ты мне очень нравишься,— тихо проговорил Макс.

— Разве?

— Уверяю тебя... Но почему ты молчишь? Почему ты не скажешь мне хотя бы несколько приятных слов?

— Слова—это чепуха,— неохотно возразила девушка.— Что я могу сказать тебе приятного? Ты, очевидно, очень сентиментален...

И после паузы добавила:

— Мне пора уходить.

Макс погладил ее по голове.

— Оставь... Это успеется. Я хочу, чтобы ты относился ко мне иначе. У меня такое тяжелое настроение... Вот хорошо было бы, если бы мы встретились здесь завтра часов в семь—можно было бы пойти в какое-нибудь кино.

— Да, в семь, в кино,—повторил Макс с некоторым отчаянием в голосе.

— А потом мы зашли бы в ресторан...

— И ты снова будешь мне рассказывать о своих успехах на кинофабрике.

— Ну, до свидания!

— До свидания!

На ближайшем углу Макс вскочил в трамвай. Вагон, покачиваясь, побежал вперед. Мысли Макса вертелись вокруг этой девушки, и он пришел к выводу, что она еще хуже, чем та, которая остановила его на Фридрихштрассе. И он

уже раскаивался, что пошел вместе с ней. Конечно, если бы у него были деньги, он мог бы весело провести с ней вечер. Может быть, в корне она уж не такая плохая. Но как тяжело подумать, что надо платить за ласки, за нежность. Это так ужасно, так подло. Почему это так? Но, может быть, она голодна, может быть, деньги нужны ей на хлеб...

У Котбузских ворот он вышел из трамвая. Ноги его совершенно промокли, ему было холодно.

Осторожно, на цыпочках, вошел он в комнату, чтобы не разбудить братьев. Мать, спавшая на кухне, тихо проворчала:

— Наконец явился.

В комнате стоял тяжелый, спертый воздух. Окна были закрыты. Пахло потом. На столе стояла лампа. Из кухни доносилось громкое мурлыканье кошки. Слышно было через стену, как в соседней квартире кто-то кашлял. Кашель был громкий, сухой.

Эмиль вдруг резко и с шумом повернулся на другой бок. Очевидно, он еще не спал..

— Чорт побери! Потуши наконец огонь. Всегда ты должен будить всех, когда приходишь. Мог уже давно лежать в кровати.

Макс стал медленно раздеваться.

— Зоткни рот, дурак!— прошипел он тихо, но злобно.

Усталый улегся он в кровать. Ему было холодно, и он свернулся калачиком. Снова почувствовал головную боль. В горле пересохло. В глазах было темно. Тяжелые, раздражительные мысли долго не давали ему уснуть. Почему жизнь такая темная? Почему он должен жить в этой грязи? Почему он должен знать одни только горести и разочарования? Неужели для таких, как он, не существует радости? Как тяжело не иметь человека, с которым можно было бы поговорить. Говорить обо всем. Нет, дальше так продолжаться не может!

На следующий день Макс проснулся разбитый, вялый, но спокойный в своем отчаянии. Монотонно и усыпляюще громыхали машины на заводе. Их грохот прогонял всякие мысли.

Старик Тиле, отец Карла, работавший с Максом в одном отделении, после обеденного перерыва подошел к нему, хлопнул по плечу и сказал:

— Ну что, Макс, есть и пить—это хорошо, а вот работать, работать... Но не тужи — завтра воскресенье, отдохнем.

«Да, воскресенье,— подумал Макс.— Ну, а дальше?..»

Глава вторая

Карл Тиле принимал жизнь гораздо легче. Он не сердился, даже если кто-либо называл тупицей. Незадолго до того, как он окончил школу, учитель сказал ему:

— Тиле, одно я могу тебе сказать: своей тупой головой ты любого можешь довести до отчаяния, а в жизни с нею ты недалеко уйдешь.

С течением времени Карл пришел к совершенно ясному выводу, что дело не в голове и что не от ее качеств зависят успехи человека. Сам он, благодаря хорошему свидетельству об окончании школы и тому уважению, которым пользовались его родители, стал приказчиком.

Хозяин Карла имел на Варшавской улице магазин и склад красок, обоев, клея, кистей и мела. Когда Карл в первый раз пришел туда, господин Мишель, владелец этого магазина красок, обратился к нему с поучительной речью:

— Итак, мой милый друг, от тебя зависит, сойдемся ли мы или нет. Я могу тебе только сказать, что если ты будешь проявлять усердие, то сумеешь стать самостоятельным человеком и впоследствии открыть собственный магазин красок. Не один до тебя приходил сюда голым и бедным, а уходил хорошо одетым, со знаниями, деловым человеком. Основное условие—честность, аккуратность и прилежание. Без этого ты и на шаг вперед не подвинешься. Твое жалование... гм... на первое время—я говорю на первое время... гм... потому что я вовсе не зарекаюсь от того, чтобы потом прибавить тебе—составит 22 марки в неделю. Работать надо с семи часов утра до половины пятого вечера. Так полагается по закону, и я не хочу держать тебя дольше на работе. Конечно... гм... в свободное время ты можешь оставаться здесь еще несколько часов... Так, по

крайней мере, поступали молодые парни, работавшие здесь до тебя. Если ты утром не застанешь меня здесь, то поднимись ко мне в квартиру. Тебе дадут ключи, и ты сам откроешь магазин... Вот и все.

Изо дня в день Карл должен был таскать отвратительную ручную тележку по улицам. В этой тележке он развозил товары покупателям. Он работал не меньше, чем остальные парни до него, но всегда с нетерпением ждал конца рабочего дня.

Когда Карл проработал три года у господина Мишеля, его жалованье повысилось до двадцати пяти марок. Из этих денег он оставлял себе три марки на карманные расходы, а остальные отдавал матери.

Карл стоял перед бочкой с огромным решетом в руке и беспрестанно растирал большие и мелкие куски мела.

Это была скучная и однообразная работа. Все время приходилось растирать мел в порошок и просеивать его через решето. Эту работу приходилось делать до ужаснейшей боли в пальцах. А кругом сверкало солнце, осушая мокрые от дождя тротуары, и через оконное стекло падал косой солнечный луч, в котором играли бесчисленные пылинки.

Господин Мишель вышел из своей маленькой комнаты в магазин.

— Работа тянется у тебя бесконечно медленно. Мешок все еще не пустой. Нет, надо работать проворнее, мой друг. Представь себе, сколько будет стоить мешок мела, если прибавить к его стоимости жалование, которое ты получаешь. Нет, так мне не свести концы с концами.

Карл хотел возразить, что эту же работу можно производить другими методами гораздо быстрее и проще. Но он знал заранее, каков будет ответ, он знал, что господин Мишель возразит, что он и тридцать лет тому назад работал этими методами, и поэтому Карл предпочел ответить коротко:

— Хотел бы я посмотреть, как бы вы сделали это скорее.

— Что? Ты думаешь, может быть, что я никогда не делал этой работы? Когда я был в твоих летах, я растирал сотни мешков мела.

Господин Мишель взял из рук Карла наполненное решето и стал мять мел своими толстыми пальцами, просеивая его через решето. Когда в решете ничего не осталось, он вернул его Карлу. Тот снова наполнил решето мелом и опять протянул его хозяину.

— Это что такое? Не думаешь ли ты, что я буду работать, а ты будешь стоять и смотреть? Нет, дружок, я показал тебе, как можно работать быстрее, а теперь ты уже постарайся окончить работу попроворнее.

— С первым решетом и у меня дело шло быстро,— возразил Карл,— а вот попробуйте десять решет под ряд, тогда посмотрим, как быстро пойдет у вас работа.

— Ну, ты всегда со своими шутками. Работа простая, не требует никакого напряжения, но ты чорт знает где витаешь со своими мыслями... Ну и времена пошли! Чорт знает, чего только теперь не позволяешь вам. Да, если сравнить ваше положение с тем, что было еще немного лет тому назад, то окажется, что вам гораздо легче живется. И поэтому-то молодежь стала такой расхлябанной. Нас, по крайней мере, здорово вымуштровали на военной службе. У вас и этой муштровки нет. А ты, мой дружок, собираешься еще учить меня, старого специалиста этого дела!

Господин Мишель закурил сигару, которую ему подарил один из покупателей, несколько раз покачал озабоченно головой и отошел. Карл продолжал свою работу, бормоча про себя:

— Старая собака, целый день ничего не делает, дымит, как паровоз, корпит за письменным столом, а когда устанет от сидения, приходит сюда и трет мел, как сумасшедший. Попробовал бы еще одно-другое решето, посмотрел бы я, как сошло бы мясо с его толстых пальцев. А он-то знает, что я работаю быстро, нето он давно выгнал бы меня. Но ему мало, этому старому дураку, он хочет, чтобы я работал еще быстрее...

На больших заводах и фабриках среди рабочих шло сильное брожение. Перед каждой получкой увольняли новые группы рабочих. Рабочие распространяли летучки и расклеивали примитивные стен-

ные газеты. В этих газетах говорилось об общем хозяйственном кризисе, о снижении заработной платы, о сокращении производства.

На заводских собраниях шла борьба мнений. Некоторые говорили об учете хозяйственного кризиса, о необходимости принести свои интересы в жертву. Другие выступали с призывами к решительной борьбе, к забастовке под лозунгом семичасового рабочего дня.

Забастовка! Это слово раздавалось повсюду, перелетало от станка к станку и доносилось даже в кабинеты директоров. Они хладнокровно и уверенно мобилизовали своих шпионов и провокаторов.

— В первую очередь вы должны установить имена зачинщиков и организаторов. Вы должны пробраться в гущу забастовщиков. Горланьте там вместе с ними сколько душе вашей угодно, но глядите в оба и держите ухо востро.

Рабочая масса огромного машиностроительного завода начала борьбу. После окончания работ рабочие стояли у железных ворот завода и обсуждали положение. Забастовка была назначена на следующий день. Более трусливые, преимущественно из старых рабочих, уже в течение многих лет работавших здесь, покачивали головой и украдкой поглядывали на огромные стены цехов, как бы ища за ними свой станок, свое место. Но они молчали и не решались высказать свое мнение.

Толстый привратник бегал взад и вперед, и лицо у него было более озабоченно, нежели обычно. У окна кабинета правления стоял главный директор.

— Ты, толстяк, тоже можешь отправиться домой! — крикнул привратнику один из рабочих.—Отдохни немного дома да поболтай со своей старухой...

— А я думаю, что мне следует остаться здесь. Должен же кто-нибудь сторожить. Не даром я получаю месячное жалованье, несмотря на то, что не состою в правлении.

— Ясное дело—должен же кто-нибудь открывать ворота штрейкбрехерам и жандармам. Почему бы тебе этого не делать?

Конечно, никто не видел опасности в том, что привратник на время забастовки останется в своей будке, но каждый давал сейчас волю своему гневу и ненависти к этому толстяку.

Погруженный в мысли, стоял привратник на своем месте, когда рабочие разошлись. Его взгляд упал на окно, в котором стоял главный директор. Он отдал честь по-военному, вытянувшись в струнку и подобрав живот.

На углу Макс встретился с Карлом. Макс подошел к приятелю медленно. Вид у него был глубоко опечаленный, а голова еще больше, чем обычно, опущена вниз. Карл был, как всегда, возбужден и улыбался, точно пережил только что какую-то радость.

— Вчера было очень весело,— начал Карл. — Пришел Густав со своей девушкой...

Макс прервал его:

— Мы бастуем!

— Неужели это правда?—воскликнул Карл.— Забастовка—можно будет стоять в пикетах, прогонять штрейкбрехеров, распространять летучки, ходить на собрания, произносить речи о том, как эксплоатируют нашу молодежь... О, как это интересно!.. Как жаль, что я не могу бастовать у своего старика, а то бы я заклеил всю его лавку плакатами.

— Тебе легко говорить. У тебя дело совсем другое. А у меня...

— Почему же это у тебя другое дело?

— Ну, дома и все остальное.

— Что дома? Семья, хочешь ты сказать? Но именно поэтому ты должен первым принять участие в забастовке. А если ты имеешь в виду, что твоя мать будет возражать, то ты должен убедить ее, что поступаешь правильно. Не можешь же ты быть штрейкбрехером! Или ты, может быть, вообще доволен своей судьбой — зарабатываешь достаточно, имеешь все, что тебе нужно? Нет, дружок... Ведь ты всегда брюжжишь, всегда недоволен, всегда жалуешься на тяжелую и нудную жизнь. Вот поэтому ты и должен был первым уйти с завода.

Макс думал о своей матери. О, она поднимет вой! Она устроит спектакль! Она ничего не поймет, она будет ворчать и ругаться... О, как это ужасно!..

Не спеша и не говоря ни слова, оба приятеля пошли по направлению к Наунинштрассе.

Поднимаясь по лестнице, Макс думал:

«Забастовка должна состояться — это ясно. Но как убедить ее в этом? И отчего у меня такой страх, такой отвратительный страх?»

— Сегодня можешь завтрак мне не готовить—я завтра не иду на работу...

— Что?!

— Да, мы бастуем. Они хотят сократить наш заработок еще на пятнадцать процентов. И вот общее собрание против двенадцати голосов решило начать забастовку...

— А ты как голосовал?

Макс смущенно глядел на мать. Он в мыслях ругал себя за то, что заговорил о голосовании.

— Конечно,— ответил он,— я голосовал за забастовку.

— «Конечно я голосовал за забастовку!» — передразнила его мать.— Знаешь ли ты, что сделал бы с тобой за это отец? Уши отодрал бы он тебе, мерзавец! Вся семья сидит без куска хлеба, у него самого нет ничего за душой—как же ему не бастовать! Твой отец до войны тоже служил на заводе, но он никогда не бастовал, и у нас всегда было что кушать. Паршивый мальчишка, которому нет еще двадцати одного года, говорит, как взрослый... Разве старик Тиле тоже бастует?

— Да, все. Перед заводскими воротами будут стоять забастовочные пикеты, и они не пропустят на завод ни одного человека.

— Ну, понятно—его заставили бастовать. Он не из таких, которые дают уговаривать себя, он достаточно благоразумен для этого... А вот что ты думаешь делать? За чей счет ты собираешься питаться? Пособия они тебе, наверно, не дадут. Может быть, ты рассчитываешь на свою мать? Так одно я должна тебе сказать с самого начала: через неделю ты должен найти себе другую работу! Все равно какую, но шататься без дела я тебе не позволю! Боже мой, сколько хлопот с вами! Раньше я думала: вот подрастут дети, мне станет легче жить, а выходит иначе, час от часу не легче...

Макс забрался в самый темный угол комнаты, точно опасался, что его высекут. Настроение его становилось все отчаяннее. Мать стояла у плиты и возилась с горшками. Он глядел на нее умоляющими глазами, но она не обращала внимания. Усталый и убитый, он сел на стул. Он хорошо понимал ее и думал о том, как бы объяснить ей, что она не права. Вот просто подойти бы к ней, погладить ее по лицу и сказать:

— Пойми, мать, что забастовка неизбежна. Ребята решили правильно. Мы не можем позволить им бесконечно снижать нашу заработную плату. Разве ты не понимаешь, что означает слово штрейкбрехер? Не могу же я стать предателем по отношению к товарищам, с которыми я работаю вместе изо дня в день. Мы должны поддерживать друг друга. Отцы семейств—и те бастуют... Мать, я знаю, тебе трудно сразу понять все это. Но не смотри так зло на меня. Я люблю тебя. Настанет время, когда все будет иначе. Не можем же мы всю жизнь торчать в этой грязной конуре и ругаться друг с другом... Не я виноват, наша проклятая жизнь виновата в том, что между нами образовалась такая глубокая пропасть. Здесь слишком тесно, здесь все пропахло сыростью и вонью. Сюда к нам ведь никогда не заглядывает солнце. Все это делает нас такими озлобленными, а в душе мы совсем не такие уж злые. Мы погрязли в эту бесконечную нужду, каждый день приносит нам новые заботы, и нам не остается ничего другого, как винить друг друга в наших несчастьях. Но это так глупо и безрассудно... Не злись на меня, мать. Я попытаюсь найти другую работу. Но быть штрейкбрехером—этого я, мать, не могу!

Старик Тиле на собрании ни слова не сказал против забастовки. Он говорил только, что надо учесть положение старых рабочих, которые первыми будут выброшены на улицу. Но дома он разошелся во-всю:

— Мне пятьдесят три года, у меня всегда был кусок хлеба. А вот теперь я должен бастовать—теперь, когда меня никто ни о чем не спрашивает, когда мое мнение никого не интересует. Чорт побери, эти безусые мальчишки не понимают, что все мы должны страдать из-за того, что мы проиграли войну. Для них все это просто: «Надо бастовать, и вы должны бастовать вместе с нами!» А что будет с нами, когда нас вышвырнут

на улицу? Об этом никто не думает. Нас, стариков, по крайней мере, должны были освободить от этого дела. Конечно очень хорошо получить больше заработка, но что нам от этого, если мы не получим и того, что получали раньше? И они еще требуют, чтобы я стоял в пикете! Это будет выглядеть недурно. Я стою в пикете, а тут подходит ко мне директор и говорит: «Добрый день, Тиле... Стало быть, вы тоже? И это за то, что я щадил вас при каждом сокращении?..» Нет, ребята, так оно не годится!

Жена пыталась успокоить его:

— И разве никак невозможно все-таки пойти на работу? Скажешь просто, что ты должен забрать свои инструменты... Или пойди с черного хода... Я думаю, если хочешь работать...

— Ну, что ты говоришь... Пойти с черного хода—так они тебя и пропустили... Забрать инструменты — это, пожалуй, можно было бы сказать... Первый раз этот номер, может, и пройдет, но что я скажу на второй день, когда меня остановят у ворот? А? Что ты скажешь на это, старуха?

Карл в это время умывался, и его охватывала злоба, когда он вслушивался в слова отца. «Да, старик всегда был покорен и безропотен, как собака. С его точки зрения все те, которые получают больше жалованья, достойны большего уважения. Когда приходит владелец дома, его встречают с низким поклоном: «Добрый день, господин Моорштейн!» Старик перенес много ударов в своей жизни, и он привык терпеть все безропотно. От него и слова жалобы не услышишь, если даже жизнь станет еще хуже... И он хотел бы, чтобы я был таким, как он...»

Старик между тем продолжал еще с большей злобой и яростью:

— Безумие все это, сплошное безумие! Если бы, по крайней мере, союз поддерживал нас. Но они в союзе совершенно правы, когда говорят, что все это только коммунистическая пропаганда. И кто в забастовочном комитете? Одни мальчишки, у которых молоко на губах не обсохло: Шнейдер, Матов, Бенш и этот сопляк Кольман. Только один из стариков — Деммер, но и тот неуч и невежда.

Карл не вмешивался в разговор. Он знал заранее, к чему это приведет. Он предоставил отцу изливать свою злобу и поспешил из дому на соседний двор, чтобы вызвать Макса.

Он свистнул, и в окне появилась старуха Альтдорф.

— Что, Макс сойдет вниз?

— Спроси у него, я почем знаю. Теперь уже с утра начнете шляться по улицам!

С быстротою кошки Карл поднялся по лестнице наверх, сотрясая сгнившие перила. В кухне сидел Эмиль и решал какой-то ребус из семейного журнала «Наш мир». Две сестры его впились глазами в последний номер «Веселой жизни». Мать сидела на стуле, уткнувшись головой в ладони. Глаза ее глядели безразлично на тусклый огонек газового рожка. Она была взволнована и рассеяна. Когда Карл вошел, она, не говоря ни слова, указала ему рукой на соседнюю комнату. Эмиль приветствовал его язвительными словами:

— У твоего друга приступ меланхолии... Пойди, попробуй его утешить.

Старуха, едва приподнявшая голову при появлении Карла, снова спрятала лицо в ладони.

Макс лежал на диване, уткнувшись головой в подушку. Он медленно поднялся при появлении Карла и взглянул на него покрасневшими глазами.

— Ну, молодой человек, что с тобой? Был, наверно, скандальчик? Плюнь на это—ты ведь уже не маленький... Зажечь свет, что ли?

— Нет, не надо света, не надо! Боже мой, я не вынесу всего этого! — Эти слова были произнесены тихо и испуганно, но прозвучали, как крик.— Все здесь против меня... Если у нас забастовка, должен же я бастовать вместе со всеми, не могу же я один итти на завод! А тут мне говорят, что я должен искать другую работу. Где я ее теперь найду? Ох, эта проклятая жизнь!

Карл уселся на диване рядом с Максом и участливо похлопал его по плечу.

— Ну, ладно, скажи им, что ты будешь искать работу. Попробуй поискать ее. Возьми какую-нибудь работу, пока даже за более низкую плату. Какая тебе разница, если они этого требуют! Но ответ-

ственность перед товарищами, перед собой ты должен всегда чувствовать. И затем—нельзя быть таким безропотным, нельзя давать другим все время понукать собой и киснуть от этого. У нас у всех жизнь не сладкая. Разве всем нам живется лучше, чем тебе? Взять хотя бы наших друзей: Густава, Фрица и других. Нет! И все же никто из нас не хнычет так, как ты, распустив нюни. Если сидеть сложа руки, то ничего не изменится. Хуже не будет, надо бороться! Ну, ладно, я улетучиваюсь, а то еще скажут, что я натравливаю тебя... Ты не пойдешь со мной?

— Нет, сегодня я никуда не пойду. Но как-нибудь в другой раз нам следовало бы с тобой поговорить поподробнее. Будь здоров, Карл!

Макс слышал тяжелые шаги Карла, спускавшегося по лестнице. Снова зарылся головой в подушку и погрузился в свои мысли.

«Конечно Карл прав. Хорошо было бы поговорить обо всем этом поподробнее. Но Карл недостаточно серьезен для этого. В конце концов он все сводит к шуткам».

На следующий день Макс с горечью в сердце отправился искать работу. Мать очень рано подняла его с постели. Оказалось однако, что и на самых крупных стройках не нуждались в рабочих. Всюду он слышал один ответ:

— К сожалению, все места заняты!

В конторах нескольких мелких фабрик его просили оставить адрес:

— Если освободится какое-нибудь местечко, мы вам напишем.

На Риттерштрассе, в юго-восточной части города, были расклеены небольшие плакатики: «Молодой здоровый парень нужен в качестве рассыльного».

На арматурной фабрике «Баутцке и сыновья» нужны были интеллигентные молодые рабочие. Швейцар сидел в своей деревянной будке и попивал кофе из большого эмалированного кофейника. Он был уже стар. У него была длинная седая фельдфебельская борода, его маленькие бегающие глазки выражали покорность и услужливость. Когда он заметил Макса, он громко окликнул его:

— Эй, куда?

— Я ищу работы... Там у вас висит объявление...

— Ступай в контору, первый этаж налево. Тебе повезло. Сегодня утром нескольких уволили. Этим парням живется, видно, слишком хорошо. Когда они сюда приходят, кажется, что они и рта раскрыть не могут. А работать не хотят. Казалось бы, должны быть рады, что их подобрали с улицы... А выходит иначе... Ну, ладно, ступай, старик там, наверху, он тебя примет.

За столом, в глубоком кресле, сидел пожилой господин со сверкающей лысиной и носом, похожим на луковицу. На стене висел портрет Гинденбурга. За пишущей машиной сидела у окна молодая девушка. Лысый старик не ответил на приветствие Макса и сухо проговорил:

— Да, работу вы получить можете. Ваше последнее место службы?

— Машиностроительный завод Кнарра.

— Но там ведь идет забастовка?

— Да, но я хочу работать, и забастовка меня не касается.

— Это похвально. Ведь это в самом деле неслыханно: германская промышленность находится в таком тяжелом положении, а они выступают с такими бесстыдными требованиями. Где ваши документы?

— Они на заводе, но я могу в любую минуту забрать их оттуда.

— Тогда завтра в семь часов утра явитесь к мастеру Мюллеру и передайте ему бумаги. Захватите с собой пару старых брюк.

Макс стоял в нерешительности, сделав полповорота по направлению к двери.

— Ну, что еще?

— Я хотел осведомиться об условиях.

— Ах, так... Рабочий день с семи утра до половины пятого. Жалование — семнадцать марок в неделю. Когда вы освоитесь с работой, сумеете зарабатывать больше.

Макс стоял, как окаменелый. Этого он не ожидал. Семнадцать марок в неделю! Как он проживет на эти деньги?

Портрет Гинденбурга улыбался со стены. Молодая машинистка обернулась к нему и бросила на него серьез-

ный взгляд, как бы предостерегая от завода и от этого лысого старика.

Лысый старик нервно барабанил перочинным ножом по столу.

— Ну, как? — спросил он.

— Хорошо. Я приду завтра утром, захвачу старые брюки и обращусь сразу к мастеру Мюллеру.

Швейцар стоял возле своей деревянной будки. Казалось, он поджидал Макса. Но тот и не заметил его и опечаленный прошел мимо.

— Что, дружище, и тебе, видно, эта работа пришлась не по вкусу? — бросил ему вдогонку старик.

Перейдя улицу, Макс остановился и бросил взгляд на зияющие ворота.

«Семнадцать марок!.. Семнадцать марок!.. Нет, этого я не ожидал... Работать за семнадцать марок и быть довольным, что тебя вообще взяли на работу... Ничего удивительного в том, что парни уходят отсюда... Но когда мать узнает об этом, она сразу скажет, что надо стать на работу... Лучше иметь семнадцать марок, чем не иметь ничего—так будет рассуждать она. А этот лысый старик—каким снисходительным тоном он разговаривает...»

Макс зашел еще в несколько фирм, искавших «молодых здоровых парней». Но там дело обстояло еще хуже.

— Есть ли у вас собственный велосипед?—спрашивали его.— Согласны ли вы работать сверхурочно? Умеете ли вы обращаться с ручной тележкой?

И при этом нигде ему не предложили больше жалования, чем у «Баутцке и сыновья». На одной фабрике люстр ему предложили даже пятнадцать марок в неделю. Но всюду его встречали толстые пожилые люди с румяными лицами и снисходительными жестами и тоном:

— Конечно, быть рассыльным — это не карьера... Никаких успехов вы сделать не сможете... Эту работу должен, собственно, исполнять какой-нибудь школьник в послеобеденные часы.

Ежедневно рано утром Макс уходил из дому. Он бродил по заводским конторам в поисках работы, но с каждым днем им все больше и больше овладевало отчаяние. Мать встречала его каждый раз, когда он возвращался домой, вопрошающим взглядом.

В один прекрасный день он получил с машиностроительного завода свои документы с сообщением, что, так как он без всякого повода прекратил работу, он считается уволенным.

Старик Тиле также получил свои бумаги.

Полиция заняла завод и охраняла штрейкбрехеров, которые посылались на работу предательским желтым профсоюзом. Волнение и ярость рабочих росли. Забастовка была проиграна, только незначительная часть рабочих снова получила работу на этом заводе.

— Ну, что я тебе говорила? Чего вы достигли? Теперь ты должен пойти туда и начать все сначала. Ты должен просто сказать, что тебя заставили бросить работу.

— Нет, матушка, это неверно. Меня никто не заставлял, я ведь сам голосовал за забастовку. И я не пойду выпрашивать, как нищий, я не могу этого сделать... Потерпим, скоро, наверно, найду другую работу.

На следующий день Макс получил письмо:

«Если вы согласны работать за 24 марки в неделю, явитесь завтра в 7 часов утра в отделение Б и обратитесь к мастеру Раупаху.

Художественная типография Пелле и Крейслер».

Макс пошел туда. Мастер Раупах взял у него документы и прочел: «Макс Альтдорф, родился в 1910 г., в Берлине...»

— Так вот, Альтдорф, — сказал он, — я надеюсь, вы сразу освоитесь с работой. Но вы знайте, у меня дело поставлено туго — работать и быть благоразумным. Того, кто работал раньше на этом месте, я выбросил за то, что он делал глупости. В часы моего отсутствия вы сами должны находить себе работу, иначе хозяин будет валить вину на меня, если заметит вас шатающимся без дела. В крайнем случае всегда можно найти работу: почистить помещение, прибрать что-нибудь... Ну, ступайте приведите в порядок бумагу, сложенную наверху... Но смотрите, чтобы она была сложена как следует!

Типография занимала два этажа. В верхнем этаже стояли печатные машины и наборные кассы, а в нижнем—резаль-

ные и брошировочные машины. Если внизу было мало дела, Макс должен был помогать рабочему, смывавшему краску с валов машины.

— Что, ты работаешь за двадцать четыре марки? Ведь это ниже тарифа, мой друг. За обмывание валов платят больше. Иди в заводской комитет—там сидит рыжеволосый печатник—и расскажи ему об этом, он поможет тебе.

С этими словами в первый день работы обратился к Максу рабочий, которому он помогал мыть валы. Макс отправился в заводской комитет. Рыжеволосый печатник обещал ему переговорить с хозяином. На следующее утро тот вызвал Макса к себе:

— Ты, паренек, очевидно, заблуждаешься насчет своей роли. Ты работаешь здесь только в качестве уборщика, так сказать, девушка за все. Эта категория не нормируется никаким тарифом, а в категорию подсобных рабочих ты не входишь. И если ты моешь валы, то ты только помогаешь другим рабочим. Только потому, что ты новичок здесь, я говорю тебе открыто: с кляузами к этому рыжему ты больше не обращайся, этим ты себе не поможешь, а только напортишь.

В первом этаже работали женщины и молодые девушки. Мастер Раупах и Макс были единственными мужчинами в этом отделении. Девушки в первые дни много говорили о Максе и смеялись над его робостью и нерешительностью.

— Знаешь, Альвина, этот новый паренек все-таки растяпа: он все вертится вокруг нас и не знает, как и за что взяться.

Альвина, плотная и коренастая женщина лет тридцати, бросила в ответ:

— А ты попробуй подцепить его, Кэта, он, кажется, еще невинен и как будто не глуп. Да мне кажется, он на тебя часто поглядывает.

— Дарю его тебе, ты в этих делах опытнее меня.

Кэта Иордан уже несколько лет работала здесь в типографии, уже несколько лет сидела все за одной и той же брошировочной машиной. Она была стройная девушка, у нее были сверкающие светлые глазки, и она постоянно улыбалась. Одевалась она со вкусом и всегда носила очень короткие юбки. Ее товарки смотрели на нее как на бедняжку, мечтающую о графе и корчащую из себя великосветскую барышню. Несмотря на это, к ней относились хорошо и всегда охотно слушали ее, так как она не была лишена остроумия.

В первую получку, когда Макс после работы выходил из ворот, там стояли Альвина и Кэта. Альвина подошла к нему и грубым, почти мужским голосом сказала:

— А надо бы вспрыснуть, Макс... Всухую номер не пройдет, если ты хочешь, чтобы мы были друзьями.

И, не ожидая ответа, обе они взяли его под руки и потащили за угол в ближайший трактир. Альвина шла слева, а стройная Кэта справа.

Макс в душе был рад этому приглашению, тем более что Кэта действительно в первый же день обратила на себя его внимание.

В трактире у стойки стояло несколько рабочих из ближайших предприятий. Другие сидели со своими девушками на деревянных табуретах. После получки здесь всегда было полно и шумно. Столик у окна был свободен, и они трое заняли его. Макс был в хорошем настроении. Однако он все время шарил в кармане, стараясь отделить крупные кредитки от мелких. Несколько огорчало его присутствие Альвины.

— Ну, что же вы будете пить?—спросил он.

Альвина рассердилась на него за этот вопрос.

— Не думаешь ли ты, что мы спасуем перед тобой? Мы будем пить то же, что и ты—настолько мы тоже мужчины.

Теперь в свою очередь рассердился Макс:

«Чорт возьми, все время говорит эта старая сорока, не дает Кэте и слово сказать...»

— Три кружки пива! — крикнул он хозяину.

— Что? Три кружки пива? Вот кукла... Пива я бы тебе сама поставила... Вот хитрец!

Все-таки Альвина выпила пиво—двумя глотками всю кружку. Потом встала и сказала:

— Ну, прощайте, мой старик не дож-

дется меня... Да и мешать вам не хочу.

Разговор с Кэтой никак не ладился. Она медленно тянула пиво и, улыбаясь, смотрела через край кружки на него. Макс торжествовал. Ее улыбка приводила его в восторг. Его смущала только его собственная робость, и в душе он завидовал Карлу, который безусловно в таких случаях знал, как держать себя.

Трактир все больше наполнялся людьми. Электрическое пианино непрерывно играло, и подвыпившие гости подхватывали незнакомые мелодии.

— Ты знаешь этот мотив?— спросила Кэта.

— Какой мотив?

— Разве ты не слышишь?

— Нет... Я ничего не слышу... Ведь я люблю тебя...

И вот он взял ее руку и крепко пожал ее. Кэта движением, которому она, очевидно, научилась в кино, оттянула руку и сказал:

— Пойдем, ты можешь немного проводить меня...

Девушке все это было очень странно. У нее было другое представление об объяснении в любви. Она начиталась великосветских романов; ей казалось, что это должно происходить иначе. А тут молодой рабочий говорит так просто: «Я люблю тебя...»

На улице Макс прижал девушку к себе. Уже давно не блестели так радостно его глаза. Они оба шли почти молча по тихим улицам, вопрошающе глядя друг на друга. Кэта вдруг остановилась и сказала серьезно:

— Ты мне тоже нравишься. Ты не такой, как другие. Если ты действительно хорошо относишься ко мне, мы можем встречаться.

Макс ответил медленно, с некоторой грустью в голосе:

— Да. Кэта, да... Ты не будешь раскаиваться. Я... я... я буду хорошо относиться к тебе.

Когда они очутились в темном безлюдном переулке, он горячо поцеловал ее. Он никогда в своей жизни не целовал так и не испытывал такого наслаждения от поцелуя. Когда они пошли дальше, кто-то, шутя крикнул им вслед:

— Да, медленно, но верно...

В этот вечер Макс не обращал внимания ни на какие колкости и придирки домашних, и обстановка не казалась ему такой мрачной. Мать радовалась в душе перемене в его настроении, приписывая ее тому, что у него теперь более легкая работа.

Почти через день Макс гулял с Кэтой. Они шли, взявшись под руку, по улицам и садам. Возле дома Кэты был небольшой сквер, на котором они облюбовали расположенную в тени скамейку. Несмотря на то, что было еще холодно, здесь сидели молодые рабочие со своими девушками, стараясь забыть с ними все тяжелые жизненные заботы. Где-то вблизи играла гармоника; мелодия была грустная и навевала печаль.

Кэта сегодня выглядела очень красивой. На ней были телесного цвета чулки, короткое платье, плотно облегавшее ее тело, и модная вязаная жакетка.

— Кэта, если бы ты знала, какую радость ты принесла мне! Ты совершенно изменила меня. Раньше я был совсем другим. Я так люблю тебя... Будь же ласкова со мной, Кэта.

Кэта сидела, тесно прижавшись к нему. В ее глазах таилась грусть. Она сказала тихо:

— Да, Макс. Я тоже люблю тебя... Но посмотри, здесь на скамейке так холодно. Любовь требует уюта, другой обстановки. Сможем ли мы когда-нибудь любить друг друга, как все?

Макс вместо ответа обнял и теснее прижал ее к себе.

— Оставь, Макс... Не мучь меня... Будь благоразумен...

Макс почувствовал, что по телу его пробежал холодок. Он выпустил Кэту и сжал руками виски.

— Боже мой, отчего такая проклятая жизнь, даже любить друг друга нам нельзя, как всем!

Кэта нежно погладила его по голове.

— Успокойся, Макс. Нечего из-за этого опускать голову. Ведь мы можем быть добрыми друзьями.

Медленно шли по аллеям одна за другой влюбленные парочки, направляясь к выходу. Холодный ветер свистел в голых ветвях и кустах. Макс и Кэта встали. Он шел шатаясь, точно человек, перенесший сильный удар, и она вела его вперед. Ночью он беспокойно метался

на постели, думая о своей тяжелой доле, о безрадостности своей жизни.

Через несколько дней — это было в понедельник — Макс приводил в порядок подвальное помещение, где стояли старые машины и были набросаны пустые ящики. Он складывал эти ящики один на другой. Сюда не заглядывал ни один человек. Здесь на всем лежал толстый слой пыли, а стены были покрыты паутиной. В одной стене была дверь — запасной выход на случай пожара.

В перерыв для завтрака он уселся на ящик и стал грызть свой сухой хлеб. Вдруг он увидел фигуру, легко приближавшуюся к нему, лавируя между ящиками. Это была Кэта. Она села возле него. Он положил голову ей на колени, глаза его блестели тихой и глубокой радостью.

Вдруг он вскочил и крепко обнял ее. Тело его дрожало, когда он молил ее о поцелуе, о ласке.

И по ее телу пробежала дрожь. Она почувствовала слабость во всех мускулах. Она не сопротивлялась и не кричала.

К концу рабочего дня Макса вызвали в контору. Ему выдали обратно документы — он был уволен за неприличное поведение на предприятии. Очевидно, кто-то видел его внизу с Кэтой.

Бруно, которому Макс помогал обмывать валы, поднял скандал, встретившись с рыжеволосым печатником из заводского комитета.

— Это чорт знает что такое! Повода для увольнения нет. Хозяина ничуть не касается, что делает рабочий во время перерыва. Ступай сейчас же к старику и постарайся уговорить его снова принять Альтдорфа на работу. На другом предприятии это вызвало бы забастовку. Мы должны сделать все, чтобы парень остался здесь работать. Вот это будет солидарность, о которой вы так много болтаете.

Рыжеволосый печатник был другого мнения.

— Не рассказывай мне басни. Выходит, что я ничего не понимаю, а ты самый умный здесь. Я ничего не могу сделать. Он правильно уволен. И ему ничего не добиться, куда бы он ни обращался: в суд или в союз. И тебе незачем вмешиваться в это дело. Следи лучше за собою — старик и на тебя зуб точит.

— Я ничего другого от тебя и не ожидал. Но скажи, пожалуйста, к чему ты сидишь тогда в заводском комитете? Только громкая вывеска и никакого дела. Красивые слова говорить на собраниях — вот все, что вы умеете. Что вы знаете о том, как живут наши парни? Вы представления об этом не имеете. Ну, подожди, так не всегда будет. Дадут и вам по шапке.

Этот разговор происходил в раздевальне. Бруно был сильно взволнован и ушел, проникнутый злобой и яростью к рыжему. Тот кричал ему вслед:

— Ты всегда что-нибудь выдумаешь, к чему-нибудь придерешься. Меня ты ни в чем упрекнуть не можешь. Я тридцать лет работаю на предприятиях, тридцать лет...

В трактире за углом Бруно встретился с Максом. На этот раз никого, кроме хозяина, в трактире не было. Стулья стояли пустые.

Макс никак не мог притти в себя. Он опустился на стул и вопрошающе смотрел на Бруно. Он весь съежился, точно под ударом хлыста.

— Что же мне делать теперь? Боже мой, что со мною произошло? Как я мог так поступить?.. И теперь возвращаться домой! Теперь снова домой! О, как это мерзко! Что мне делать?..

Медленно блуждали глаза его по трактирному залу.

— Почему ты не привел с собою Кэту? Что с ней? — обратился он снова к Бруно.

Бруно молча сидел за столиком и озабоченно смотрел на Макса. Несколько раз он ударял кулаком по столу.

— Мерзавцы! Собачий сброд!

Долго сидели они молча в трактире. Макс цедил кружку пива. Вместе с документами он получил расчет. Бруно положил ему руку на плечо.

— Не надо пить. Не надо туманить голову, надо иметь ясный разум. Ступай домой и подумай хорошенько о происшедшем. Это событие должно быть тебе уроком. Ты должен задуматься над тем, что является причиной такого нашего положения. Подумай и об этой буржуазной морали, которая предпочитает

обречь молодого парня на голод и нужду, вместо того, чтобы поддержать его в тяжелую минуту. И если ты подумаешь, то ты поймешь, что мы не имеем права сидеть сложа руки, что мы должны быть сильны, чтобы быть в состоянии оказать сопротивление, мощное сопротивление. Мы должны проникнуться ненавистью, глубочайшей ненавистью к тем, кто нас, молодых пролетарских юношей, дурачит лживыми фразами, к тем, кто изо дня в день толкает нас все глубже и глубже в пропасть нужды и горя.

Жизнь — это борьба. Мы должны бороться за все, за каждую маленькую радость, за то, чтобы кое-как утолить свой голод. И даже за то, чтобы иметь право остаться вдвоем с любимой девушкой...

Я говорил с этим рыжим. Старый дурак ничего не может сделать. И он даже не хочет сделать что-нибудь. И, пожалуй, это ни к чему не привело бы. Если они хотят кого-нибудь уволить, то они так или иначе это сделают. Как только ты раскрываешь рот, чтобы требовать увеличения заработка, как только ты выражаешь свое недовольство чем-нибудь, кто-то уже берет тебя на заметку и при первом удобном случае тебя вышвыривают вон. Это так со всеми. Некоторым живется еще хуже, чем тебе. Сколько людей не имеют угла, где они могли бы провести ночь. Поэтому миллионы пролетариев должны объединиться. Ты должен это понять, Макс. И ты должен понять, что ты должен делать. Нечего распускать нюни, надо бороться!

Макс слушал его. Несколько раз он кивал головой, соглашаясь с его словами. Когда Бруно замолчал, Макс залпом допил свою кружку пива.

— Но пойми, Бруно, как мне сейчас забивать еще себе голову политикой. Ведь я совершенно потерял рассудок... Оставим это теперь. Мы еще увидимся. Твой адрес у меня записан, я зайду к тебе. Ну, прощай.

— Будь здоров, Макс. И все-таки подумай о том, что я тебе говорил.

Шатаясь, вышел Макс из трактира и направился домой.

(Продолжение следует)

«Разве не естественно, что в революционной партии много молодежи? Мы — партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы — партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь».

Н. Ленин

Б. Глебов

ПОЕЗД ОТХОДИТ ЧЕРЕЗ МИНУТУ

Платформа.
Снежинки, микробы зимы,
Кружат, заражая весну.
Явились с военною точностью мы
Бойца провожать на войну.
Товарищ! Давно не воюют кругом.
Дружище! Бетон колоссальным бинтом
На старые раны навит.
Боец этот с виду другим не чета.
Здесь девушка, девочка даже на вид,
С билетом Москва—Чита.
Читальня медвуза — ее лагеря,
Врачи же угрюмы и косны,
Фронты же — трахомные веки бурят
И контрреволюция оспы.
За ними, используя дикость и мрак,
Зубы оскалил классовый враг.
И враг высылает шамана и вошь,
На них он привык опираться,
Пытаясь у партии выхватить нож,
Поднятый для операций.
Я вижу сраженья без танков и пуль,
Тебя командиром средь боя,
Ты сабли ланцетов и бомбы пилюль
В атаку ведешь за собою.
Я знаю: ланцетом каким-нибудь,
В ряду с агрономом, с пилотом,
Ты в коммунизм прорезаешь путь
Через тайгу и болота.
Нас трое...
Настроены сумрачно лица.
Минута — и поезд, грустя, застучит...
Подруга твоя остается в столице
«В виду объективных причин».
А я бы двинул с тобою на пару
Сейчас же, без всяких прелюдий,
Туда, где из всех дефицитных товаров
Всего дефицитнее люди.
Но рядом с твоей не ступить без помехи
Моей беспокойной ноге:
Я нужен республике в тракторном цехе,
Но вовсе не нужен в тайге.
Колеса стучат, и сердце стучит.
Назойливый снег летуч,
Но впрыснуло солнце свои лучи
Сквозь толстую кожу туч.

УЧЕБА

Ты сменщице юной оставил
Станок и улыбку свою,
Трамвай отплывает к заставе.
Цеха за плечами встают.
Мы катим дорогою дальней
А после, как станет темно,
Нам двери откроют читальни,
Рабфаки, кружки и кино.
И многим из наших безусых,
Заводских задорных ребят
Сегодня вечерние вузы
Прибоем тетрадей рябят.
Ты с давкой трамвайною свыкся,
Зрачками к странице прирос,
И хитрые мордочки иксов
С усмешкою тычутся в нос.
А только что шагом тяжелым
Ты шел, утомившись от дел.
Гудел коллектив комсомола,
Гремел паровозный отдел.
Но, впрочем, усталость на полку —
Задорна, крепка и сильна,
Учиться идет комсомолка,
Моя молодая страна.
И опыт Европ и Америк
Путиловской хваткой беря,

В ученых, в спецов,
в инженеров
Растут по цехам токаря.
Твой отдых дорожный недолог.
С тревожных газетных страниц
Враждебного мира осколок
Сметаешь ты щеткой ресниц.
Дорогою к вузу —
нелепость
В газете прочтем мы с тобой,
Как в Гамбурге молит о хлебе
Ученый с седой головой.
И, может, на Зигес-аллее
Недавно, вчера, например,
Височною раной алея,
Лежал молодой инженер.
Враждебного мира осколки!
Ваш мир нам ответит сполна:
Учиться идет комсомолка,
Моя молодая страна!

ПУБЛИЦИСТИКА

А. Косарев

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ХВАТКУ [1]

Дальнейшее улучшение комсомольского руководства — это не только вопрос внутрисоюзного значения. Ленинский комсомол является важнейшей, составной частью диктатуры пролетариата и поднялся на такой уровень, при котором не может жить только внутрисоюзными вопросами. **ВЛКСМ является проверенным и ближайшим помощником большевистской партии. Это означает, что ВЛКСМ должен жить теми злободневными вопросами, над которыми работает партия и которые она ставит перед всем рабочим классом и трудящимися нашей страны, а также и перед комсомолом.** Живя той же политической жизнью, которой живет наша партия, проводя ту же политическую линию, которую выдвигает и проводит партия, ВЛКСМ является организацией, **помогающей** партии руководить массами в социалистическом строительстве, помогающей партии руководить и самим ходом строительства социализма.

Повысить темпы и улучшить качество работы, установить проверку исполнения — в этом смысл перестройки

Трудящиеся массы, в том числе и рабоче-крестьянская молодежь, политически и культурно растут, а это означает, что мы больше, чем когда-либо, должны большевистское воспитание подрастающего поколения проводить через организацию самого широкого участие молодежи в разнообразнейших вопросах классовой борьбы, сочетая это с повседневным изучением марксистско-ленинской теории молодежью. В переводе на простой язык это означает — организовать еще шире фронт участия ВЛКСМ в различных отраслях хозяйственно-культурного строительства и в первую голову на основных, труднейших его участках. Всем этим мы и будем помогать партии строить социализм и воспитывать молодежь в коммунистическом духе. Участие в разнообразнейших отраслях социалистического строительства, активная борьба за линию партии, борьба с классовым врагом, его агентами плюс изучение Маркса, Ленина, Сталина — вот что нужно для большевистского воспитания молодежи.

Наше руководство в основном правильно перестраивается. Мы уже накопили колоссальный опыт большевистской перестройки наших рядов. Мы в основном научились правильно перестраивать свою работу в зависимости от тех требований, которые ставит перед нами партия. Руководство комсомолом правильно понимает линию партии, умеет ее проводить. Но речь идет о дальнейшем настоятельно необходимом его улучшении, которое обеспечило бы ближайший переход к овладеванию качественно более высокими задачами, вставшими перед ленинским комсомолом в связи с вступлением нашей страны в период социализма. **К руководству сейчас предъявляются требования: обеспечить доподлинно большевистские темпы работы и во всей проделываемой работе показывать высокое качество, уметь доводить дело до конца, установить проверку исполнения. И вот с этой точки зрения наше руководство должно систематически, изо дня в день, перестраиваться. Имен-**

[1] Переделанная и сокращенная стенограмма речи на декабрьском пленуме ЦК.

но обеспечить большевистские темпы плюс высокое качество работы — в этом смысл перестройки. Именно в этом заложены идеи конкретного руководства, и с этой точки зрения мы обязаны систематически перестраиваться. Задача конкретного руководства действенна не только на сегодняшний день. Наоборот, эта задача на протяжении всей нашей работы будет видоизменяться, по-иному будет ставиться по отношению к различного рода новым задачам, встающим перед нами. О качестве руководства мы должны судить по результатам нашей работы. А о результатах мы судим не только по количеству затраченного времени и энергии. Ведь сколько ты ни работай, но если промфинплан не выполняется, значит, партия и страна не укрепляются, если массы в процессе работы не так успешно перевоспитываются, если от твоей работы не получается должного политического и практического результата, то (грубо выражаясь) грош цена такой работе.

Общность и неконкретность — наше главное зло

К числу недостатков союзного руководства следует в первую очередь отнести **общность.** У нас часто наблюдается **общность подхода** к различным явлениям: **общность** подхватывания вопросов, **общность** их анализа, **общность** решения и выполнения вопросов, **общность** проверки и контроля. И как следствие всего этого в отдельных звеньях нашего руководства налицо **общность ответственности, то есть такого положения, когда отвечают за порученную работу все,** а по существу — никто. Получается своеобразная обезличка. В нашей повседневной работе мы недостаточно боремся с этим злом, с этой общностью. Масса молодежи неоднородна, в ней есть **ведущие** и относительно отстающие группы. И если мы обнаружим общий подход ко всей массе молодежи, то не исключена опасность, когда ведущая группа, на которую мы должны опереться, ускользнет из нашего внимания. Каждый активист союза должен понять, что в общей массе молодежи есть различные группы и прослойки, в том числе ведущие инициаторы, с большим политическим опытом. И вот их-то при общем подходе можно не заметить, потерять.

Что значит — найти правильный подход к массам рабоче-крестьянской молодежи? Это значит — найти ведущие группы молодежи, ухватиться за них, объединить их и к ним подтягивать всех остальных. Мы уже зачастую инициативу отдельных групп подхватываем вообще, забывая о том, что существо той или иной инициативы различно и не всегда может итти нам на пользу. Посмотрите решения наших комитетов, в которых мы часто пишем «подхватить инициативу такой-то организации, такого-то района, такой-то ячейки». Ведь нередко мы это вносим в резолюцию лишь только потому, что кем-то проявлена инициатива, а поэтому нельзя же, дескать, о ней умолчать. А то, что одна инициатива нас усилит, а другая может ослабить, вот это у нас зачастую забывают. Мы живем в условиях обостренной классовой борьбы, поэтому в каждой инициативе нужно разбираться с точки зрения целесообразности ее применения. На ряду с этим не исключены явления и обратного порядка, когда в силу общего подхода к инициативе масс руководство проходит мимо весьма ценных мероприятий, выдвинутых молодежью и нашедших формы своего конкретного применения. Нельзя же все валить в одну кучу, а при общности это так часто и бывает. Наша действительность богата разносторонней практикой. Мы иногда не делаем конкретного анализа, конкретной практики, не изучаем конкретной природы того или иного отдельного явления. А ведь они требуют своего повседневного анализа на основе четкого представления дальнейших путей развития этого явления, этого вопроса. **Там, где вопросы, как правило, ставятся и решаются «вообще», не может быть речи о конкретном руководстве массами.**

Надо исключить общий подход к решению данного, конкретного вопроса, ибо такой подход не **обеспечивает подлинной** боевой мобилизации масс молодежи на выполнение конкретных дел, вытекающих из линии партии, из задач социалистического строительства. **Надо научиться цепко хвататься за конкретное дело и уметь его увязывать с общими перспективами нашего развития.** Чрезвычайно трудно найти такого активного работника, который точно, конкретно может сказать, за что он отвечает, над каким заданием он сегодня работает, что он должен конкретно делать завтра. Не можем мы так дальше работать. Там, где налицо ничем не объяснимая общность, при чем в излишних пропорциях, такая общность, за которой люди пытаются скрыть свое неумение, свою беспомощность решать конкретное дело, там не может быть

конкретного руководства. Если мы хотим улучшить существующее руководство, конкретизировать его, мы должны объявить суровую борьбу общности.

Знать кадры и правильно их расставлять

Нельзя пройти мимо вопроса о знании людей, о знании своих кадров. Многие товарищи не понимают этого вопроса, в то время как он является одним из **решающих.** К примеру возьмите фронтовую обстановку. Знать боевые качества части, ее вооружение, знать слабые и сильные места этой части и уметь правильно этим пользоваться, уметь маневрировать этой частью — это значит на данном участке фронта одержать почти что безошибочную победу. Так и в нашей общественно-политической деятельности. Мы должны всесторонне знать каждого активного работника нашего союза. Этого у нас в достаточной мере пока еще нет. У нас есть чисто формальное знание: он является членом такого-то комитета или секретарем данного райкома или ячейки, носит такую-то фамилию и все. Часто только в таком виде мы знаем наш актив. Это как будто бы на первый взгляд мелочь, но за этой мелочью кроется успех большевистских побед на каждом отдельном участке нашего строительства. **Правильная расстановка сил, большевистское маневрирование кадрами** — это самая необходимая, неотъемлемая часть большевистского руководства. А для этого требуется знание наличных кадров. Нельзя путанику поручать сложные вопросы, он их запутает — значит, дело провалит, вред принесет. Точно так же нельзя серьезному работнику поручать простой вопрос, ибо этот вопрос не будет его удовлетворять, будет сдерживать его дальнейший рост. Нельзя конечно этот тезис понимать в абсолютной форме: дескать, если ты еще недостаточно вырос, то занимайся мелкими вопросами, а ты вот настолько силен, что решай только крупные дела. Речь идет о том, чтобы каждый данный вопрос поручать тому работнику, который с ним справится. У нас же зачастую простой вопрос поручается самым лучшим, квалифицированным работникам, а самый сложный вопрос поручается неопытному, недостаточно квалифицированному активисту. Часто нельзя безвольного человека сажать в руководство — в трудностях растеряется, сдрейфит. Но и сильного человека, с волей, нельзя на руководящей работе оставлять без коллектива, ибо он зарвется, командовать начнет. Есть ли у нас достаточное понимание этого или нет? Надо сказать, что пока еще в малой степени. У нас часто не понимают того, что бозвольный человек, находясь на крупной руководящей работе, при крутых переходах растеряется, не сможет обеспечить проведения линии партии и будет выглядеть, как медуза, жидкая, прозрачная. Точно так же нельзя людей с волей, с настойчивостью сажать в руководство, оставляя их без коллектива, ибо они зарвутся, а отсюда-то и начинается вождизм, неумение слышать то, что тебе говорят другие, неуважение к справедливой критике и нелюбовь к конкретным мелочам, к будничной, черновой работе.

Какие же выводы? **Надо не формально знать людей, кадры, а знать их существо, их положительные и отрицательные стороны. Надо знать не вообще всех, а персонально каждого.** Если мы добьемся этого, можно быть спокойным за поручаемую работу, так как исполнителей для поручаемой работы мы будем намечать безошибочно, зная все их качества, как положительные, так и отрицательные.

Бичевать формализм и казенное отношение к поручениям

У нас много еще формального отношения к работе, т. е. такого отношения, при котором **руководящим началом является форма, а не содержание дела:** выполнение работы без чувства ответственности, без интереса, без внесения в дело элементов творчества. Такое механическое выполнение работы, где главное — показать вид, что это дело выполняется, а если у вас появится желание заглянуть в существо, в глубину этого дела, то глубины-то этой, существа вопроса, его изюминки и не окажется. Возьмите пример из производственной жизни. Поручают токарю обточить деталь. Выполнить эту работу можно двояко. Если деталь обточить с чувством ответственности, не формально, то она не только примет **свою форму, но и будет точной,** т. е. годной для производства. А может быть и другой подход, когда обработанная деталь примет **свою форму, но не будет иметь точности, т. е. своей качественной стороны.** (Голос с места: «Второй разряд».) В том-то и дело, что у нас нередко так рабо-

тают и руководители самого высокого «разряда». Проследите свое повседневное поведение и вы увидите. **(Смех.)**

Можно вынести большое **решение** и назвать его именно так, т. е. **решение, но оно не будет решать дела,** не имея достаточного качественного содержания. Можно созвать сотню совещаний по ликвидации прорыва, прикрепить для **урегулирования** этого дела десяток комиссий, нагнать полсотни бригад и сотню уполномоченных, но, если все это проделать формально, не вложить в дело глубокого содержания чувства ответственности, прорыв будет попрежнему существовать. Правда, зачастую это объясняется и тем, что люди не находят умения и воли преодолеть препятствие. Но в большинстве случаев это объясняется формальным подходом. Ведь почему, к примеру, грязь в заводской столовке все видят, о ней говорят, пишут в резолюциях, а она попрежнему существует? Может быть, люди не умеют мыть полы? Нет, не в этом дело. Это объясняется формальным подходом. Можно быть хорошим музыкантом, уметь хорошо играть, но так сыграть вещь, что из нее получатся звуки, но не музыка. **Большевик не может быть формалистом,** т. е. не может быть человеком, который выполняет работу без чувства ответственности, без внесения в это дело своих творческих начал, **большевик не может руководствоваться формой, а должен руководствоваться содержанием,** преследовать качество этого содержания. У нас формализма много, начиная от ЦК и кончая ячейкой. Это зло мы недостаточно вскрываем. Мы забываем, что **конкретное руководство и формализм друг друга исключают.** Нам надо добится такого положения, когда к разрешению вопроса подходили бы, образно говоря, «взяв быка за рога». А у нас часто берут вопрос не «за рога», а «за хвост», ходят вокруг него, топчутся, потом **поставят** его, он и **стоит,** в итоге повиснет в воздухе.

Учитесь работать у старых большевиков

Во всяком деле главное — суметь поймать вопрос, не выпускать его из рук и довести до конца. Вот качество, которое характеризует старых большевиков. Я в этом убедился из опыта своей работы с товарищами из ЦК партии. Уж если что попало к ним в руки, не беспокойтесь, у них не сорвется и будет доведено до конца. Мы, например, **поставили** вопрос о борьбе за лук вообще (как будто бы вопрос мелочный), а в ЦК ВКП(б) на ряду с постановкой этого вопроса проследят, какова его цена, как, куда и кем он завозится, как распределяется и насколько удовлетворяет потребителя. Или, например, в Донбассе нет махорки; мы этот вопрос **ставим,** кричим: «Снабдите донбасских шахтеров махоркой». Шумим, кричим, а вопрос-то попрежнему **«стоит».** А вот товарищи с Украины подтвердят, что большевики Украины сделали так: проследили, где махорка погружалась, как она везлась, когда пришла, в какие склады поступила, когда поступила в магазины, за сколько была продана. Вскрыли конкретных виновников и наказали, как говорят, под сердце залезли. К сожалению, вот этих большевистских образцов работы у нас в комсомоле все еще мало, нам их нехватает. Ведь на доведении дела до конца мы сами себя воспитываем, находим ленинский стиль в работе, приобретаем волю и напор, непоколебимость и решительность.

С этой точки зрения разрешите остановиться на вопросе о самокритике. Часто доподлинному развертыванию самокритики, в нашем ее понимании, мешает своеобразное наше комсомольское дипломатничание. Человеку поручили работу, а он ее не выполнил. Что требуется в данном случае? Надо этого конкретного виновника подвергнуть большевистской критике, персонально его покритиковать. Принесет ли это ему вред? Конечно нет. Наоборот, это его будет воспитывать. А у нас почему-то часто считают бестактным сказать прямолинейно человеку о его недостатках и промахах, требуют вежливого отношения, ходят вокруг да около этого конкретного носителя зла: «Иван Иванович, дескать, как же ты, миляга, этого дела не выполнил? Что это с тобой, сокол мой ясный, случилось?» Эту терминологию надо бросить. Это медвежья услуга нам, а не большевистская самокритика. Тот, кто так «дипломатически» относится к критике недостатков наших активных работников комсомола, тот является их худшим товарищем, ибо он не способствует росту, а, наоборот, этот рост сдерживает. Мы должны друг к другу относиться тепло, потоварищески, но как большевики, критикуя отрицательные, поощряя положительные стороны друг друга. **Нам лицемерие не нужно, так как оно рождает гнилой либерализм, примиренчество к болезненным явлениям, к недо-**

статкам, и именно от него и рождаются элементы круговой поруки.

Использовать опыт применения инициативных форм

Конкретное руководство — это не организация дела вообще ради его выполнения, а организация лучшего выполнения группы мероприятий или одного мероприятия, вытекающего из задач нашей партии, из ее генеральной линии на данном этапе нашей борьбы. **У нас не может быть практики без классового целеустремленного содержания.** Мы не признаем такой практики. **Нам нужна конкретная практика, исходящая из линии партии, практика классовой целеустремленности, укрепляющая нас, а не расслабляющая.** Нам нужна практика, укрепляющая диктатуру пролетариата, нашу партию, нашу страну. Следовательно, каждый элемент нашей практики, будь он маленьким или большим, должен исходить из нашей политики. При этом **надо уметь малое дело увязывать с большим и, наоборот, большое дело с малым.** В этой связи в качестве основного требования ко всей нашей работе должно быть **единство политической линии — линии партии — и самое разностороннее разнообразие форм и методов выполнения этой политической линии.** С этой точки зрения нельзя говорит о конкретном руководстве, не ставя вопроса о дальнейшем росте инициативы масс. Нужно уметь сочетать наличие конкретного руководства, выполнение конкретных дел со все повышающимся ростом политической активности масс молодежи. В наших ячейках и в комитетах нелишним и невредным будет использовать опыт в области организации внутри союза инициативных групп и ядер. Надо предоставить право и оказывать всяческую помощь и поощрение комсомольцам, которые при ячейках комсомола по своему желанию, в добровольном порядке, начинают организовывать различные добровольные группы и кружки, преследующие цель изучать отдельные вопросы нашего строительства, математику, химию, физику, технику, технические процессы производства и т. д. Мы должны в ячейке создать добровольное инициативное движение и подчинить это движение в первую голову задачам хозяйственного строительства. Сейчас вопрос о конкретном руководстве ставится несколько иначе, чем он стоял, скажем, в 1926—1927 гг. **Тогда в постановке вопросов мы исходили из факта преобладания директив сверху на ряду со слабым выдвижением вопросов снизу.** Сейчас как раз наоборот. Мы наблюдаем напор инициативы снизу и недостаточное ее подхватывание, недостаточную помощь сверху в проведении этой инициативы. Вот как положение изменилось. Это объясняется тем, что задачи хозяйственного строительства стали стержнем нашей работы. Раньше конкретное руководство было направлено на службу устранения существовавшего тогда несоответствия между содержанием, формами и методами работы комсомола, с одной стороны, и здоровыми запросами масс молодежи — с другой. Сейчас иначе. Сейчас конкретное руководство должно быть направлено на овладение качественно более высокими и сложными задачами, вытекающими из факта вступления нашей страны в период социализма. И тот будет делать ошибку, кто будет понятие конкретного руководства вкладывать в рамки только внутрисоюзных вопросов. Основным стержнем конкретного руководства являются вопросы хозяйственного строительства, а отсюда наша основная задача — организовать шире фронт участия ленинского комсомола под руководством партии в разрешении хозяйственных задач, стоящих перед нашей страной. Это участие должно быть организовано не вообще, его нужно подчинить освоению основных, ведущих отраслей нашей промышленности: уголь, металл, домны, мартен, транспорт, электричество, хозрасчет и т. д. **Быть активным участником социалистического строительства — это значит хорошо знать тот вопрос, над которым ты работаешь, и уметь увязывать свою работу по этому вопросу с общими перспективами нашего развития.**

Стать школой разносторонней государственной деятельности

В этой связи иначе ставится вопрос о специализации в комсомоле. Не можем мы организовать конкретное руководство, если не будем специализировать себя по основным, хотя бы важнейшим отраслям хозяйственного строительства. Раньше актив специализировался главным образом по вопросам комсомольской работы. Сейчас опять-таки наоборот. Время другое, массы другие, задачи другие. Сейчас специализация в комсомоле в главнейшей своей массе и в первую очередь специализация комсомольского актива, начиная от областных, краевых руководящих работников и кончая ячейковыми, должна пой-

ти по линии более глубокого изучения хозяйственно-производственных, культурных вопросов. Надо так поставить вопрос, что профиль специализации по хозяйственно-производственным и культурным вопросам, который я намечаю, работая в комсомоле, должен затем перерасти в мою основную квалификацию, в специальность, которую я избираю на своем жизненном пути. Если мы хотим овладеть более сложными задачами, хотим подняться на более высокий уровень, то надо специализировать себя по конкретным вопросам социалистического строительства, и профиль твоей специализации по этим вопросам в комсомоле в основном должен явиться прообразом твоей будущей квалификации, будущей специальности. А это более трудное дело, чем специализироваться по отдельным или по всем вопросам внутрикомсомольской работы. Достигнуть вот этакой специальности — это и означает превратить комсомол в школу разносторонней государственной деятельности. Без специализации мы не овладеем качественно более сложными задачами. Нам нужна эта специализация в сочетании со всем ходом и общими перспективами нашего развития. Работая в комсомоле, надлежит специализироваться по конкретным хозяйственно-производственным и культурным вопросам на технических и специальных учебниках, плюс на осмысленной практике в отдельной отрасли хозяйственно-производственного строительства или научной деятельности. Так, и только так, мы будем помогать партии готовить кадры научной и технической интеллигенции из числа пролетариата. **Дальнейшая успешная работа актива немыслима без сочетания его партийно-комсомольской работы с энергичным усвоением общеобразовательных наук (математика, основы физики, химии, естественных наук, экономической географии), с изучением художественной литературы.** Культурный уровень масс колоссально растет. С каждым новым шагом завоевания успехов на фронте социалистического строительства этот культурный уровень масс будет закономерно возрастать, политическая зрелость рабочего класса и трудящихся будет неизмеримо повышаться. Ясно, что наши руководители, наш актив по своему культурному уровню не только не должен отставать от общего культурного уровня масс, а, наоборот, должен стоять не на одну, а на несколько ступенек выше. К сожалению, такого положения мы пока еще не добились. Такие активисты, общекультурный уровень которых ниже уровня масс, — нередкое явление нашей действительности. Все это обязывает нас организовать и поставить на соответствующий уровень образовательно-культурную работу с активом. Образовательно-культурные вопросы должны найти развернутое большевистское разрешение в работе нашего комсомола. Это обязывает каждого из нас стать пропагандистом культуры, пропагандистом науки и техники. Если мы хотим правильно руководить молодежью, оправдать доверие партии, поручившей нам руководство многомиллионным комсомолом, надо самим подковаться, изучая политику, культуру, науку и технику. Какой ты пропагандист техники, науки, культуры, если ты неграмотный юноша? У нас зачастую «ультрарабочие» элементы кичатся своей неграмотностью, хвалятся тем, что они не знают математики. Они считают, что незнание науки, культуры есть добродетель. А на самом деле это величайший порок.

Помножить молодую энергию на точные знания

Поднятие общекультурного уровня руководящих комсомольских кадров, освоение этими кадрами политики, культуры, науки и техники и на этой основе специализация нашего актива по отдельным хозяйственно-производственным вопросам — вот что нам надо. Без преувеличения говорю: это дело классовой чести ленинского комсомола. Нас партия к этому обязывает. Партия поставила задачу овладевания высотами техники. Можем ли мы плестись в этом деле в хвосте? Нет, мы не хотим такими быть. Значит, надо специализироваться по отдельным конкретным вопросам производства, науки, техники и пр. **Задача заключается в том, чтобы помножить нашу молодую энергию, наш энтузиазм на точные знания, научные формулы.**

Ведь для того чтобы быть грамотным, культурным человеком, не обязательно нужно проходить тот или иной курс высшего учебного заведения. Формы этого образования могут быть разнообразны, при чем эти формы проверены целым рядом поколений. Разве мало у нас старых большевиков, которые приобретали высшее образование, не обучаясь в высшей школе? Почему мы, комсомольцы, не можем это делать? Ведь про комсомол говорят, что это молодые способные творцы, энтузиасты. Ну, а если так, то ведь нам и «карты в руки».

У нас много кустарщины в деле овладевания знаниями, при этом такой кустарщины, которая не дает ни опыта, ни знаний, ни интереса к теоретической работе над собой. Зачастую наш пропагандист в силах прочесть только бессодержательный доклад и в лучшем случае, не меняя по сути содержания, назовет этот доклад лекцией, чтобы погромче звучало. С явлениями кустарщины нам нужно бесповоротно покончить. Надо взять курс на стационарные формы подготовки актива, ввести в эту работу четкую плановость. Нужно подготовлять актив не от случая к случаю, как это нередко у нас делается, а в плановом порядке, подготовлять фундаментально и через стационарные формы.

Видеть не только количественную, но и качественную сторону роста союза

Комсомол стал почти что шестимиллионной организацией. За последний год мы действительно выросли здорово. Бесспорно, что этот рост ленинского комсомола в своей основной массе является здоровым, свидетельствует о растущем авторитете нашей партии и ее руководящей роли в миллионных массах подрастающего поколения. Этот колоссальный рост рядов ленинского комсомола является не чем иным, как выражением успехов строительства социализма в нашей стране, является наглядным примером побед генеральной линии нашей партии и свидетельствует о все возрастающем доверии и преданности масс рабоче-крестьянской молодежи, да и не только молодежи, но и взрослых пролетариев и трудящихся по отношению к нашей партии.

Многие из активных работников союза видят цифры и количественную сторону наших успехов и недостаточно отдают себе отчет в том, что приток чрезвычайно большого количества новичков в комсомол вместе с тем чреват и целым рядом отрицательных сторон. К числу таких отрицательных сторон следует отнести элементы самой простейшей, бросающейся в глаза недисциплинированности, нарушения самых элементарных правил большевистского поведения. К числу таких вопросов относится, скажем, хотя бы вопрос о членских взносах в союз. Своевременная уплата членских взносов в комсомол, в организацию, членом которой ты являешься, есть самый элементарный признак, характеризующий принадлежность к организации. И это не вопрос денежного порядка, а вопрос политический. И если у нас дело с членскими взносами обстоит плохо, а это действительно так, то уже по одному этому «показателю» нам в части дисциплинированности в организации приходится пожелать значительного улучшения.

Изжить извращения в практике роста рядов комсомола

Мне кажется, что в росте комсомола, несмотря на предупреждение Центрального комитета ВЛКСМ от 23 июля текущего года о борьбе с извращениями в практике роста, эти извращения в практике работы отдельных наших организаций все еще продолжают иметь место. Даже в настоящее время не единичны случаи, когда в вопросах роста комсомола над нашими отдельными работниками довлеет погоня за голыми цифрами.

Недостатки в нашем росте есть, и они не так незначительны, чтобы мы имели право о них умалчивать. Во-первых, в росте мы наблюдаем общий подход, во-вторых, еще не изжита погоня за голой цифрой и, в-третьих, мы еще недостаточно диференцированно подходили к росту союза.

Мы недостаточно делаем ударение на том, где расти, как расти. Мы к росту подходим вообще, сплошным потоком. Нет достаточно сильного удара на том, **в какой отрасли промышленности, группе колхозов, совхозов или машинно-тракторных станций расти.** Расчлененного подхода в росте у нас недостаточно, и это особенно вредно при отдельных настроениях в погоне за голой цифрой. Конечно никто не спорит, что погоня за голой цифрой и высокопарное размахивание этими голыми цифрами перед носом окружающих— весьма красивый жест. Но ведь мы под руководством партии творим политику, а там, где политика, не должно быть места личным желаниям и красивым жестам. **Надо расчленить вопрос о том, как и в каких отраслях промышлености и сельского хозяйства наш союз должен расти. В первую голову нам надо расти в основных, ведущих отраслях нашего хозяйства** — металлургия, транспорт, в частности, машиностроение и прочие отрасли промышленности.

Как быть с ростом в колхозе? Здесь нужно к каждому колхозу подойти в отдельности, посмотреть, что собой данный колхоз представляет с точки зрения его политической действенности, крепости и преданности линии партии, а отсюда неверной будет став-

ка на то, чтобы расти одинаково в любом колхозе, в каждом колхозе.

Вопрос о росте сегодня становится по-новому. Думаю, что не будет являться ошибочным заявление о том, что в целом ряде отраслей нашей промышленности и сельского хозяйства пора отказаться от форсированного роста. Мы не должны допускать такого положения, при котором процесс вовлечения в ряды ленинского комсомола, образно выражаясь, является стандартным.

В этом свете надо также остановиться и на лозунге о стопроцентном вовлечении рабочей молодежи в ряды ленинского комсомола. В среде наших активных руководящих кадров есть много товарищей с молодым комсомольским стажем, и они, а зачастую не только они, а и отдельные старые активисты, лозунг о стопроцентном вовлечении в комсомол рабочей молодежи начинают понимать как задачу, окончательное разрешение которой должно произойти сегодня. Отсюда нередок такой подход: «Если ты окомсомолил завод, то заслуживаешь всяческого поощрения и поддержки, а если ты этого не добился, ты недостаточно растешь, делаешь ошибки в вопросах роста» и т. д. С такими настроениями нужно бороться. **Лозунг о стопроцентном вовлечении в комсомол рабочей молодежи есть политическое направление нашей деятельности.** Но в вопросах практических этот лозунг разрешается длительным сроком и кропотливой повседневной политической и практической работой, и не каждого рабочего парня мы должны принимать в союз. Наша партия, а в силу этого и мы — ленинский комсомол — в отличие от целого ряда других партий никого не идеализируем. Тем более, не забывайте о том, что состав пролетариата не однороден и тем более неоднороден состав рабочей молодежи. Нельзя перегибать палку в вопросах выполнения лозунга о стопроцентном вовлечении в комсомол рабочей молодежи. А ведь эти перегибы налицо, в практике работы союза они существуют. Зачастую на местах руководствуются формальными соображениями, если ты считаешься рабочим — принимают в комсомол, а кто ты, из какой семьи вышел, сколько на производстве работаешь, как работаешь — этого не учитывают. При огульном подходе к лозунгу о стопроцентном вовлечении в комсомол рабочей молодежи не исключены, а наоборот, вполне законны такие факты, когда в комсомол будет попадать лжеударник, т. е. худший элемент в среде рабочей молодежи. Нужно руководствоваться не формальным признаком, а влезть в «душу» человека, посмотреть, что он за рабочий и достоин ли он пребывания в рядах ленинского комсомола. Не каждый молодой рабочий и крестьянин достойны быть в рядах союза.

Нужна не декламация, а конкретная работа по воспитанию новичка

У нас слабо организована работа по закреплению новичков. Многие наши организации пытались, и это им удалось, кое-что проделать в отношении закрепления новичка. Относительно неплохо мы закрепляем новичков в борьбе за промфинплан, в ударничестве, в хозяйственной работе. Но по части постановки марксистско-ленинской учебы вновь вступивших у нас дело обстоит весьма плохо. Мало проявлялось творчества и инициативы со стороны нашего руководства в деле привлечения партийных организаций к постановке в комсомоле марксистско-ленинской учебы. Мы в этой части больше всего занимаемся декламацией, произносим общие фразы, а конкретно договориться с партийным комитетом о том, сколько и каких пропагандистов, куда, на какие участки нам надо — вот этого подхода нам нехватает. Как будто бы каждый раз нужно обязательно кого-то все время подталкивать, напоминать. Как известно, общность постановки вопроса его существа не решает. Вот именно эту-то общность подхода к работе с новичком, к работе по закреплению новичка и нужно вырвать с корнем из практики нашей работы, ибо отдельные беспомощные, не умеющие работать элементы прикрываются этой общностью и, плавая в фразе многоречивого бестолочья, пытаются выглядеть довольно прилично и нередко достигают этого.

Что практически новое нам нужно внести в вопрос об активе в связи с ростом нашей организации? Нужно провести глубокую работу по расстановке наших активных сил. Для того чтобы разрешить проблему закрепления новичков за комсомолом, нужно пересмотреть расстановку наших активных кадров. Опытных союзных работников, обстрелянных, умеющих проводить генеральную линию партии, надо поставить на такие участки работы, где большое наличие новичков, где постановка работы с новичками является слабой и где требуется ее улучшение. Мы же вопрос о правильной расстановке активных сил в связи

с массовым притоком в наши ряды новых членов не поднимали на достаточно высокий теоретический и политический уровень и недостаточно практически его решаем. И я еще раз подчеркиваю, что **ставить работу по закреплению новичков в комсомоле — это значит пересмотреть с точки зрения разрешения этой проблемы расстановку наших сил.**

Включить энергию новичка в разносторонние виды нашей богатой практики

Дальнейшей мерой по закреплению в комсомоле вновь вступивших является **вовлечение новичков в повседневную практическую работу нашей организации.** Вопрос о том, каким должен быть активный комсомолец, для всех является вопросом ясным, и различных толкований здесь быть не может. Каждый член союза, с любовью, с чувством преданности нашей партии, а не как чиновник, выполняющий любую частицу общественной работы, является активным нашим работником, т. е. надежной опорой нашей партии. Это, повторяю, для всех ясно. Но от нашего актива требуется сейчас не только понимание этого вопроса, а умение конкретно помочь новичку включиться в повседневную практическую общественно-политическую и хозяйственную работу. Мне думается, что наш союз, начиная от комитета и кончая ячейкой, должен пересмотреть и перестроить все планы работы, увязав новые планы с конкретной задачей вовлечения новичков в разностороннюю активную повседневную работу.

Все внимание в повседневной работе—ячейке

Несколько слов о задачах перестройки работы обкомов, крайкомов и республиканских комитетов. Мне кажется, что в работе этих комитетов недостаточно отражены ячейки. В лучшем случае ячейка находит общее отражение. А это не гарантирует конкретной помощи ячейке со стороны указанных комитетов. **Ячейка должна быть для нас той осью, вокруг которой должна вертеться вся работа.** Не только райком или горком должен заниматься вопросами повседневной практической работы. Этой работой занимается ЦК, и тем паче обязаны ею заниматься областные, краевые и республиканские комитеты. Вокруг ячейки мы должны сосредоточивать всю политику и практику сегодняшнего и завтрашнего дня. И я еще раз подчеркиваю, что это относится не только к районному руководству, но в значительно большей мере к областному и краевому руководству, так как тут люди больше подвержены опасности «дальних плаваний» в море общих вопросов. Овладеть высотами науки, техники и культуры, овладеть умением организовывать свой труд, свое время, дать массам конкретное руководство, научиться правильно применять опыт старого поколения большевиков и смело смотреть вперед.

«Взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был у нас чем-то таким, что научено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного общества».

(Н. Ленин)

ЗА РУБЕЖОМ

Ю. Корольков

ЗВЕНЬЯ ВЕЛИКОЙ НЕНАВИСТИ

Пусть говорят свидетели

Среди грузчиков ты был, повидимому, самым старшим. Тебе минуло восемнадцать лет. С вами были и дети. Ты не забыл того мальчика, упавшего в трюм? Он упал от утомления. Избитый, окровавленный, выбравшись из ямы, он продолжал работать. Вместе с вами он работал всю ночь на грузовом «итальянце», а к утру без отдыха, так же как и вы, перешел на наш пароход.

Пятнадцать часов каторжного ночного труда для ребенка! Ведь только это должно вызвать бешеную ненависть!..

Для тебя такой труд был обычен. Тебя даже не возмущала позорная пломба на руке, которую ты рассеянно раскачивал из стороны в сторону и называл своим браслетом. В «свободном» Египте еще до сих пор находчивые англичане пломбируют своих рабов, чтобы предупредить их побеги на иностранных судах.

На спардеке, в шлюпке под брезентом был сложен хлеб для команды. Угрюмый эстонец-боцман, окатывая палубу, залил шлюпку забортной водой. Хлеб размок, заплесневел, превратился в кучу навоза.

Буфетчик выбрасывает эти гнилые зеленые буханки. На миг замирает конвейер. Десятки жадных глаз следят за кусками, летящими за борт. Страх или голод? Голод. Летят в стороны корзины, с грохотом рассыпается по палубе уголь. У двери камбуза вырастает толпа арабов. Множество рук тянется к буфетчику, выхватывает гнилые куски, набивает ими рот, прячет за пазуху, тянется еще и еще, словно в этих кусках скрыта их судьба, их победа, их избавление.

Из свалки вырывается грузчик. Лицо сияет — он победитель. В руках большая буханка, густо поросшая зеленой плесенью. Он весело смеется, бежит к шаланде, не замечая приближающегося надсмотрщика.

Берегись! Нужно отбежать, еще есть время шарахнуться в сторону... Уже поздно. Тяжелая рука сжимает араба, тянется к хлебу. Грузчик напрягает все силы, прижимает к груди свою ношу. Надсмотрщик без труда отнимает буханку, разламывает пополам, видит в середине плесень, небрежно выбрасывает сухие куски за борт.

Все это длится несколько секунд. Лицо араба перекошено злобой. На лице сквозь бронзу загара выступают пепельносерые пятна. По щекам, смешиваясь с угольной пылью, ползут слезы.

Взгляните в лицо плачущему арабу — вы поймете, что такое ненависть, что такое всепоглощающая человеческая злоба. Придет время, он вспомнит гнилые, зеленые буханки, вспомнит размазанные по щекам слезы, соленые, как морские волны. Вспомнит и отомстит!

Мои пальцы впились в планшир. Я рванулся вниз, сам не зная зачем.

Ты усмехнулся, Мамед, охлаждая мой гнев.

— Нэ нада, — коверкая русские слова, сказал ты, — мала паможешь! Лучше расскажи после о нашей жизни.

Я поклялся тогда это сделать. Но подумай: как мог я передать чувства людей, которые проникли сквозь полицейский заслон, рисковали по меньшей мере многолетней колониальной каторгой только для того, чтобы в красном уголке советского судна взглянуть на портрет Ленина.

Ты не знаешь их. Это было значительно позже, на другом конце мира, за много миль от Порт-Саида. Мы миновали огненную Аравию, пересекли океан и там, близ Суматры, у островка, который отмечен даже на крупных картах маленькой точкой, в далеком Сабанге, в душную тропическую ночь встретили их — Али и Мохамеда.

Голландцы только что потопили в крови очередное восстание. Настороженные, они боялись, словно чумы, советского судна. Пароход стоял у зеленого острова, окруженный двойной цепью полиции. Арабы прошли мимо патруля с корзинами угля и, сбросив их в трюм, пришли к нам.

— Лени, Лени, — улыбаясь, шепчут они, водя грязными заскорузлыми пальцами по гизовскому плакату.

Через час они тем же путем вернулись обратно. Их силуэты мелькнули в кокосовой роще и потонули во мраке.

Мамед, повидимому, мало только видеть вашу ненависть, нужно ее знать, чувствовать. Я, сын Советской страны, я, так же как миллионы моих сверстников, вырос в годы революции. Мы — молодежь, которая не знает капитализма. В этом наше счастье. Но мы не знаем и вашей ненависти. А мы должны ее знать. Мы люди одного класса. Единый порыв руководит нами. Вашей жгучей ненавистью должны быть полны наши сердца, она должна вдохновить нас в борьбе и строительстве на лесах нашей великой стройки.

Я не решился сам передать даже части этого чувства. Я нашел другой выход. Пусть о своей жизни, борьбе, победах и поражениях расскажут они — живые свидетели и участники событий.

Герои без имени

Я не открою тебе своего имени. Я буду говорить о событиях и людях, не называя участников. Над многими из нас наши имена тяготеют проклятьем. Мы не можем открыто произнести имени лучшего друга, не рискуя предать его в руки палачей. Мы укрываемся под десятками вымышленных фамилий и кличек. Этого требуют суровые условия подполья. И ты не будешь знать наших имен, исключение составляют только мертвые, расстрелянные и замученные в застенках польской сигуранцы.

Сигуранца в Румынии, в царской России — охранка, в Польше — дифензива, Скотланд-Ярд — в Англии. В сигуранцу можно попасть даже не имея обвинения. Накануне революционных праздников туда сгоняют сотни рабочих, которые чем-либо показались подозрительными жандармам. После праздника большинство выпускают без допроса, предварительно избив прикладами и палками.

В сигуранце установился определенный стандарт таких избиений. Арестованных выстраивают во дворе, выкликают по фамилиям.

— Ты свободен!

И в тот же момент на арестованного сыплется град ударов, до тех пор пока он не выбежит за ворота.

Точно так же можно получить годы тюрьмы без предъявления обвинения в революционной деятельности. Сам факт пребывания в партии и комсомоле уже грозит десятилетним заключением. Я знаю человека, который впервые вышел на демонстрацию. У него нашли листовку и приговорили к четырем годам.

В наших тюрьмах сидят дети. При мне в тюрьму попал шестилетний мальчик. Его вызвали в суд свидетелем. Он не явился. Жандармы силой притащили этого «преступника», и судья приговорил его к нескольким дням тюрьмы за неявку на суд.

Сам я сидел недолго — года четыре. Ты видишь проблески седины в моих волосах — это все, что удалось добиться сигуранце избиениями, пытками, одиночками секции Хаж, голодовками, которые мы проводили в борьбе за крохотные права обитателей тюрьмы.

Нас взяли ночью, взяли по подлому доносу провокатора, который проник в наши ряды. Дорого бы я дал, чтобы встретить этого человека с ясными, честными глазами и продажной, грязной душой. При воспоминании о нем кровь закипает ненавистью, жгучая злоба прорывается наружу.

Избитых, окровавленных, сопровождаемых насмешками и издевательствами, бросили нас в сырые, затхлые подвалы сигуранцы. Наутро начался допрос. Первый из нас, вернувшись с «фабрики»[1], еле передвигал ноги. Без слов он указал на голову. От затылка к виску плешинами были вырваны клочья волос. Связанного по рукам и ногам, с заткнутым грязной тряпкой ртом его избивали в течение всего «допроса».

Любой допрос начинался с избиений. Если человек вымолвит хоть слово, истязания продолжаются с новой силой. Логика проста — арестованный «не держит гайку»: чем больше его бить, тем больше он скажет.

[1] „Фабрика"—место пыток румынской сигуранцы.

Че шты, че нушты — говори, что знаешь, что не знаешь, охранка выберет из бессвязных слов все ей необходимое.

Пытка длится до тех пор, пока жандармы не удостоверятся, что от арестованного ничего не добьешься. Иногда они удостоверяются в этом после смерти жертвы. Так недавно погиб комсомолец Оника. Последний раз я видел его на демонстрации первого августа. Он был знаменосцем. Банда жандармов ринулась к нему, чтобы вырвать знамя. Оника геройски сопротивлялся, он выпустил древко только после того, как простреленная рука отказалась работать.

Пытка Александра Гурова, руководителя крестьянской революционной организации, продолжалась два месяца. Многие из членов его организации, не выдержав истязания, покончили самоубийством. Сам Гуров в результате пыток навсегда потерял способность ходить. Мускулы его ног были размочалены до самой кости. Обнаженные раны посыпались солью...

К Александру и его товарищам применили наиболее утонченные и жуткие пытки. Их пытали страхом. Арестованным объявляют, что они будут расстреляны при попытке к бегству. Ночью их ведут в поле, по дороге нескольких отделяют для расстрела, расстреливают одного, остальных возвращают обратно, чтобы вскоре начать пытку снова.

Три года без суда и следствия держали Гурова. Через восемь лет, когда дни Александра были сочтены, его, умирающего, выпустили на волю. Совсем недавно он приехал в Советский союз и здесь в припадке психического расстройства покончил самоубийством.

А вот наши первые дни в неволе, дни, которые еще до сих пор тянутся для многих моих товарищей. Мы были безусыми юнцами, и нас после приговора направили в Клужь — тюрьму для несовершеннолетних.

Нас посадили вместе с уголовными. В этой тюрьме для молодежи был введен обязательный труд. На целый день нас запирали в мастерские. Каждый заключенный должен почитать священника, слушать его наставления и беседы. Нас заставляли снимать шапку при встрече с гордиеном (тюремный надзиратель), заставляли изъявлять таким образом уважение перед тюремной администрацией.

Мы, комсомольцы тюрьмы Клужь, с первых же дней решили объявить борьбу тюремному режиму, добиться более сносных условий. Мы отказались от принудительного труда, ни одного из нас невозможно было заставить слушать бредни священника, не говоря уже о том, чтобы раскланиваться с начальником тюрьмы. Когда он проходил, мы просто отворачивались в сторону. Мы потребовали права читать газеты, потребовали предоставления более длительных прогулок, отделения политических заключенных от уголовных.

Администрация отказалась выполнить наши требования. Усилились репрессии в отношении комсомольцев. Однажды один из нас был жестоко избит начальником за то, что не снял перед ним шапку. Это переполнило наше терпение. Возбужденные, с горящими глазами мы заявили, что не допустим побоев. Гордиен, усмехнувшись, показал нам тогда потрепанный тюремный устав. Там в примечании к какому-то пункту говорилось, что несовершеннолетних преступников начальник имеет право избивать по своему усмотрению.

Истязания находились под защитой закона. В ответ на существующий режим мы объявили первую голодовку. Она длилась несколько дней и завершилась почти полной победой. Стойкость нашего коллектива постепенно завоевала уважение к себе со стороны уголовных. С приходом комсомольцев в тюрьму начались волнения среди всех заключенных. В их ряды мы заронили искру протеста, которая грозила разгореться в открытое выступление. Чтобы не разлагать клужской тюрьмы, нас вскоре перевели в Дофтан — мрачное подковообразное здание каторжной тюрьмы. Там палачи надеялись быстрее сломить нашу строптивость.

В первый же день нас жестоко избили, нарядили в казенные лохмотья арестантской одежды. Мы стали каторжниками. За малейший проступок нас бросали в сырые, темные каменные мешки, секции Хаж.

Борьба политических в этой тюрьме началась еще с 1920 г. Шаг за шагом отвоевывали свои права заключенные. С большим трудом удалось добиться передачи литературы. С тех пор по вечерам в каждой камере можно было видеть людей, склонившихся над книгой.

Незадолго перед нашим приходом в Дофтанской тюрьме была проведена длительная голодовка. По утрам заключенных Дофтана выводили из камер, и камеры запирались на весь день. Тот, кто не хотел выходить, должен был оставаться запертым до вечера. В знак протеста началась голодовка. Она длилась сорок дней и закончилась почти полным по-

ражением заключенных. Для двух голодовка закончилась смертью. Тогда погиб Шматок и Лисовой, осужденный на 15 лет за участие в татарбунарском восстании.

Ты удивлен, что человек может так долго прожить без пищи? Но бывают голодовки, когда заключенные отказываются и от воды. Несколько лет назад в Вакарештской тюрьме во время голодовки погиб Макс Гольдштейн. Его обвинили в организации взрыва в парламенте. Он отбывал заключение в кандалах, в одиночной камере. Для него не было иного выхода: либо погибнуть, либо добиться облегчения режима. Через несколько недель голодовки, когда выяснилось, что палачи не облегчат его участь, Макс решил покончить самоубийством. Отступать уже было поздно. Гольдштейн продолжал голодовку. На 56-й день он потерял сознание, но и тогда инстинктивно отказывался от пищи. Он погиб на 63-й день.

Вскоре после неудачной 40-дневной голодовки началось наступление на права заключенных, которое в свою очередь явилось отголоском всеобщего наступления реакции на воле.

Как-то под вечер, когда мы возвращались уже в свои камеры, администрация вызвала в тюремную канцелярию одного из заключенных и без всякого основания посадила его в карцер.

Утром на наши вопросы гордиев вызывающе ответил:

— Он вел себя нахально, и мы посадили его в Хаж.

Для нас ясно было, что это значит. Холодные, совершенно темные, сырые камеры корпуса Хаж, хлеб и вода, которые через день чередуются с «теплой тюремной пищей» — мамалыгой — и вонючей мутной жижей вместо супа, были знакомы многим.

В тюрьме на наше содержание тратили ежедневно по 6½ лей (7 копеек) на человека. Добрая половина этих средств растекалась по карманам чиновников и главного тюремного управления. Воровали надзиратели тюрьмы, и наконец из кухни растаскивали продовольствие уголовные. Ясно, как можно кормить человека, затрачивая для этого 3-4 леи в день. В тюрьме, когда нам разрешалась передача, мы отказывались обычно от казенного пайка. В секции же Хаж это была единственная пища.

Мы потребовали немедленного освобождения нашего товарища, отказавшись в противном случае войти в камеры. Начальник тюрьмы обещал выполнить требования политических. А на следующий день нас, как в ловушке, оставили в запертых камерах и в то же время послали тюремных провокаторов из уголовных сбивать замки наших камер.

Власти инсценировали тюремный «бунт», вызвали для усмирения войска. Прибывшие жандармы открыли стрельбу по камерам, по заключенным, подчас совершенно не подозревавшим, в чем дело.

Стоны раненых, негодующие крики возмущенных провокацией заключенных слились с раскатами выстрелов под сводами тюремных коридоров. «Бунт» был ликвидирован. Администрация получила повод уничтожить все льготы. Все то, что было завоевано десятилетней борьбой заключенных, что стоило стольких жертв, тюремщики Дофтанской тюрьмы упразднили одной провокацией.

Баррикады в Рубэ

Ты просишь меня написать о последней борьбе текстильщиков в северной Франции. Не знаю, смогу ли я это сделать. За долгие годы работы мои пальцы больше привыкли к веретенам, чем к перу. Нить моих мыслей обрывается гораздо быстрее, чем пряжа на моих станках.

Я напишу тебе только то, что видела сама своими глазами, расскажу о тех событиях, в которых принимала непосредственное участие.

Я передам тебе только отдельные эпизоды. Более полное представление ты, может быть, получишь из ваших газет. Говорят, что слух о героической борьбе наших ткачей дошел и до Советского союза. Так слушай.

Нас было 125 тысяч. Все мы работали на стыке трех городов северной Франции — Рубэ, Туркуэн и Галлюэн, работали в тесных коробках многочисленных корпусов огромных фабрик. Невольно самые условия работы вызывают пролетариат на борьбу. С 1928 г. мы трижды организовывали всеобщие забастовки.

В прошлом году поводом к забастовке послужил грабительский закон о социальном страховании, на основе которого решили страховые взносы удержать из зарплаты рабочих. Тогда мы проиграли стачку благодаря предательству реформистов. Но поражение не сломило нашей воли к победе.

В течение всего года хозяева проводили решительное наступление на заработную плату

рабочих. Минутные опоздания, разговор с соседом — уже достаточный повод для штрафа. Если администрация узнает, что рабочий является членом революционного профсоюза, она увольняет его с фабрики. Рабочая неделя сокращается до пяти, четырех и наконец трех дней. Конечно соответственно снижается и заработная плата, которая у многих текстильщиков едва достигает 50-60 франков (4-5 руб.). И все же даже эту нищенскую плату хозяева решили снизить на 10%.

Потерявшие терпение рабочие объявили забастовку. Она началась 19 мая. В течение десяти недель мы стойко боролись за наше дело, мы завоевали улицы. Казалось, победа была близка. Но в самый последний, решительный момент стачка получила предательский удар реформистов. Единый фронт был прорван. 40 тысяч рабочих вернулись на фабрики по приказу реформистского профсоюза. Мы снова потерпели поражение.

Сдерживая глухую злобу, стиснув кулаки, шли мы обратно к станкам. Но текстильщики Рубэ не отказались от борьбы. Стачка научила рабочих отличать врагов от друзей, показала путь, по которому мы должны итти к победе.

Все три забастовки закончились изменой и поражением, однако последняя забастовка превзошла все прежние по своей организованности и боевым выступлениям.

Мне врезалась в память картина демонстрации на одной из улиц, захваченных забастовщиками. С революционными песнями шли мы по Лонге. Старик Дюран, которому в прошлом году оторвало на фабрике ногу, ковылял за нами на своем костыле и, захлебываясь от восторга, кричал через всю улицу:

— Ого-го-го! Вот это мне нравится! Давно я не смеялся так весело. Такой забастовки не было тридцать лет. Я отлично помню, как мы ходили тогда громить хозяйские квартиры!

Я не знаю, помнят ли такую забастовку старики, но для нас, молодых текстильщиков, это была первая, из которой выросли баррикады.

До сих пор мы не видели ничего подобного. Вспоминаются отдельные картины. Мы были счастливы сознанием нашей силы. Можешь ли ты представить наше чувство, чувство пьянящей победы? И долго молодой рабочий или текстильщица, склонившись над станком, будет вспоминать баррикады Рубэ, будет мечтать о тех днях, когда снова представится возможность выбросить знамя борьбы.

В этот день, 12 июня, революционный профсоюз организовал большую демонстрацию всех трех бастующих городов.

В самый последний момент полиция запретила демонстрацию. Когда тысячи рабочих, не знавших о запрете, пришли в двум часам на вокзальную площадь, там их ждали усиленные наряды конной полиции.

Со всех сторон стекались на площадь все новые и новые группы рабочих. Повсюду видны задорные молодые лица. Молодежь в этой стачке играла решающую роль. Молодежь была впереди — на собраниях, в забастовочных пикетах, на баррикадах, в борьбе с полицией.

Полиция оттесняет демонстрантов на соседние улицы, но мы не отказываемся от борьбы. Единая мысль воодушевляет нас всех:

«Демонстрировать во что бы то ни стало! Отправляйтесь поодиночке на улицу Лонге!»

Во главе комсомольцев группами как бы прогуливаемся по тротуарам; обманывая бдительность полиции, пробираемся к заветной улице.

Скоро несколько тысяч человек скопляется на этой улице. Минут двадцать длится демонстрация, длится до тех пор, пока еще не опомнилась полиция. Кто-то затягивает «Молодую гвардию», ее подхватывают тысячи молодых голосов.

Вдруг из-за угла вырвался первый отряд конной полиции. Мы называем их «казаками», передав им позорную кличку палачей русской революции. Цокот копыт о мостовую на миг заглушает песню...

Построившись в каре, казаки врезаются в толпу. Демонстранты рассыпаются в стороны. Отовсюду — из окон, из ворот дворов — несутся насмешливые крики. Словно цепных собак, натравливают казаков на демонстрантов.

— Возьми их!... Куси!

Толпа снова смыкается, снова несется по улице боевая песня. Мы не расходимся до самого вечера. Когда кончается полицейская атака, мы снова соединяемся, выходим на середину улицы. Впереди всех идут девушки. Проходя мимо полицейских, мы кричим им:

— Бандиты!..

— Убийцы!..

— Хозяйские холуи!..

Мы изобретаем десятки позорных кличек, мы стараемся выразить все свое презрение.

Казаки молча сносят наши насмешки, ожидая подкрепления.

Прибывает новый отряд. Он яростно бросается на нас, избивая всех чем попало — дубинкой, плетью, прикладом... Мы также не остаемся в долгу. Завязывается самый настоящий бой. Градом летят в полицейских камни из развороченной мостовой, бутылки, битая посуда. Казаки безумеют от ярости, бросаются с револьверами в руках во дворы, куда укрылись демонстранты.

Несколько полицейских, потрясая револьверами, хотят проникнуть во двор, куда забежали мы с товарищами. Они ожесточенно колотят в железные ворота, приказывают открыть, грозят. Но никакого результата.

На улице продолжается борьба. Происходят дикие схватки. Мужчины, женщины, молодежь падают, окровавленные, под ударами. Их увозят на грузовиках в больницы. В шесть часов полиция покидает улицу.

Идем по мостовой. Повсюду группы рабочих. Негодование достигает высшего предела. Ненавистью горят глаза бастующих текстильщиков. Возбужденно рассказывают друг другу о событиях минувшего дня, о зверствах полиции. Здесь снова хромой Дюран. Он вспоминает о былой стачке.

— А тогда мы громили господ. Пора бы и сейчас этим заняться...

Вечером, часов в девять, борьба загорается с новой силой. Снова стихийно организуется демонстрация, и, пока полиция не пришла в себя, рабочие вооружаются чем попало. Снова на улицах появляется полиция. Ее встречают не так уж мирно, как днем. Кто-то взбирается на крышу, разбирает черепицу. Куски кровли летят в головы казаков. Неизвестно, откуда, словно сами собой, на улице появляются бревна, мешки цемента, старые бочки, доски соседнего забора.

Посреди улицы вырастают баррикады. Еще и сейчас при воспоминании у меня бурлит кровь в жилах. Что было тогда, невозможно передать! Мы открыто выступили против вооруженной силы. Теперь рабочие более организованы в борьбе с полицией. На ходу создается штаб баррикады. Короткое совещание — и работа распределена.

С кирками, с заступами приходит партия забастовщиков. В несколько минут они разворачивают всю мостовую. Их работу защищают градом кирпичей, летящих в полицию. На стене кто-то известью выводит большими белыми буквами:

«Убийцам-полицейским прохода нет. Здесь народная крепость».

Однако полицейские находятся здесь же, всего в нескольких метрах от баррикады. Они мозолят нам глаза. Быстро созревает решение — прогнать полицию с улицы. Улица должна быть в руках забастовщиков.

Группа ребят ползком, крадучись, покидает баррикады, нападает на полицию. В горячей схватке арестовывают четырех товарищей. Вылазка оказалась неудачной, тогда мы организуем новую экспедицию.

Снова налет на полицию, и, пока казаки обороняются, новый отряд молодежи нападает на них сзади. Несколько полицейских ранены, одного из них уносят в госпиталь. Полиция отступает.

Мы — хозяева улицы! Красное знамя свободно реет над баррикадой.

Пьяное чувство победы выливается в революционную песню. Сегодня наша первая победа. Пусть мы недолго продержались на баррикадах, но эти два дня баррикадных боев дали нам 350 новых комсомольцев. Нас предали в самый разгар борьбы, но мы показали своей стойкостью, своими боевыми выступлениями, на что способны революционные текстильщики северной Франции. Я надеюсь, что мне удастся в ближайшее время написать тебе о более победоносной борьбе.

Прощай, Люсьена.

Рубэ, август, 1931 г.

Мамед, я постарался передать события так, как слышал их сам из уст участников. Я обещал тебе рассказать всем о вас — колониальных рабочих капитала. Но ведь те, кто говорил сейчас, — жители рабочих окраин, жители жалких, дымных лачуг. Это те же колонии центральных кварталов больших городов. Их слова, так же как и твои там, в Порт-Саиде, полны ненависти. Их рассказы — звенья единой цепи, единой всепоглощающей великой классовой злобы, которая привела нас к победе.

ПОКАЗЫВАЕМ ЛУЧШИХ

С. Фиксин

НИКОЛАЙ РУМЯНЦЕВ

ОЧЕРК

1. У господина Буховцева

Николай Николаевич в 1908 году был Колькой Румянцевым. Кольке только одиннадцать лет, а на завод принимают с пятнадцати. И вот смудрили. В одной из волостей Костромской губернии (на родине отца) за бутылку водки сделали Кольку на четыре года старше.

Причесав Колькины волосы на взрослый лад, Николай Иванович Румянцев повел сына к господину инженеру Буховцеву.

Буховцев встретил посетителей с улыбкой.

— Ну, покажи, покажи своего петуха, каков он у тебя. Да что-то ты, Румянцев, не особенно румян. Ишь, что мой лимон выжатый, — добавил он, помолчав и указывая на дымящийся стакан. — Что же ты это, брат, а?

Колька, покорно опустив подбородок на грудь, настойчиво отковыривал остатки лака на козырьке своего «парадного» картуза. Тогда вмешался отец.

— Вы не смотрите, Натолий Петрович, на худобу, — он в работе шустер.

— Сколько лет-то? — барабаня пальцами по столу, спросил Кольку Анатолий Петрович.

Колька испуганно взглянул на отца.

— Пятнадцать стукнуло, — ответил тот за сына.

Тогда Колька расхрабрился и уже уверенно произнес:

— Ну да, пятнадцать, давно уже...

— Стало быть, работать хочешь?

— Хочу.

Буховцев наклонил набок голову, небрежно взглядывая в какие-то бумаги, и как бы машинально, нажал кнопку. Появился табельщик. Инженер указал пальцем на Кольку:

— Мальчиком-посыльным при цехе, восемь рублей в месяц.

2. С места в карьер

Восемь рублей в месяц Кольке доставались потом и болью. Работал в сутки двенадцать часов. Подносил к станкам детали, подметал и убирал цех, бегал с поручениями для всех, начиная с инженера Буховцева и кончая табельщиком.

Буховцев говорил ему:

— Будешь послушным мальчиком, Николай, дам повышение, а там и прибавку. Стараться надо. Понял?

Колька ничего обыкновенно не говорил, только махал головой. Не стараться ему было просто нельзя, хотя бы он и хотел этого: чуть застоишься, ленивой сволочью называют. А если допустишь какую шалость с ребятами, — за ухо. Прямо, без всякого предупреждения и паники, спокойно подходит мастер и сосредоточенно берет Кольку за ухо и вертит, да так, что у Кольки на глазах выступают слезы.

Однажды утром Анатолий Петрович вызвал Кольку к себе в кабинет.

— Слушай-ка, пистолет: с двадцатого будешь сидеть в телефонной будке. Понял?

Кольке почудилось, что его крутят за ухо. Ни за что, ни про что в какую-то телефонную будку. «Что же это я такого наделал?» подумал про себя Румянцев. Инженер, видя растерянность парнишки, встал с кресла и поощрительно добавил:

— Будешь телефоном заправлять. Понял?

Колька понял, успокоился и с двадцатого начал работать в телефонной будке. Здесь работа была немного легче и платили первый год десять, а второй — двенадцать рублей.

3. К литью, к стали

Не по нутру стало молодому Румянцеву выполнять «бабскую» работу — включать и выключать штепсель, бегать глазами по скучным, молчаливым номеркам. Потянуло к батькиной профессии — в литейную, да и к тому же года пошли в гору. Перешел учеником на шишки, в сталелитейный цех.

Так же, как и в электрическом, по двенадцати часов в сутки, Колька простаивал за длинным верстаком, набивая серым песком деревянные модели, волтузил их молотком и тщательно промасливал гладилкой. Затем вкладывал в одну половину модели железный стержень, скреплял второй половиной, кругом обивая молотком, и откладывал в сторону. И так изо дня в день ровно год.

Время и опытность в работе продвигают Румянцева дальше. Вот он подручный формовщик по литью. Работа — куда труднее, куда ответственнее. Чуть подгуляло качество песка, опока получает заварку, значит, брак, а за этот брак открамвают 75 коп. штрафа. Ни твоя нуждаемость, ни твоя, может быть, невиновность во внимание не принимаются. После отливки подойдет мастер, нагнется над деталью, и, ковыряя ноздрю, просопит:

— Н-да... Позови-ка Румянцева, поздравим с заработком мерзавца!

Кольку бросало в дрожь, и он был готов вцепиться в пепельную бороденку этого ехидного, неподвижного мастера. Тогда подходил табельщик. Он осторожно, придерживаясь за пенсне, щурил свои «полтинники», разглядывая злополучную деталь.

— Заработал три четверти, голубчик, заработал...

В длинной табельной книге появлялась новая цифра и «птичка», а с этой «птичкой» улетал почти двухдневный заработок.

Жаловаться некому — закон.

4. „После чая“

Май 1916 года. Война в разгаре. Литейный цех работает попрежнему, но...

Ночами под видом «попить чайку» двигались сутулые тени на квартиру рабочего Левочкина. Окно загораживалось четырьмя картонными папками и сверху прикрывалось газетой.

Вокруг столика сидели водители революционной молодежи; Левочкин, Гончаров, Кузнецов, Кореневкин, Протасов, Анишкин, Иванов.

Обсуждался план забастовки всего завода.

Неурочный продолжительный гудок всполошил весь завод. Высыпали из цехов черные замасленные люди. В трех местах заводского двора открылись летучие митинги.

Николай Румянцев с другими молодыми ребятами шнырял по цехам, подбивал оставшихся рабочих на «гуртовую вылазку». В литейном цехе Николай задержался, беседуя «по секрету» со старым, глухим литейщиком. Слышит: кто-то сзади дружески хлопает по спине. Оглянулся — рожа незнакомая.

Литейщик моргнул Николаю глазами. Румянцев нагнулся и припал ухом к серым губам старика.

— Сними, сынок, пиджачишко-то, сука дотронулась...

Николай быстро сбросил пиджак. От правого плеча во всю спину лежал жирный меловой шрам.

— Ишь, разметил, Малюта Скуратов, жандармская твоя харя, — прохрипел старикашка и, плюнув в руку, начал было оттирать мел от Колькина пиджака.

— Брось, папаш, не до этого сейчас, — и Николай, выбрав из пиджака документы, зарыл его в углу в железный хлам. Потом он взял старика за руку и, как ребенка, повел из цеха.

На дворе гудели тысячи голосов. На конторском крыльце стоял Анатолий Петрович Буховцев (к этому времени выслужился в директора) и рьяно призывал рабочих к порядку. Слов его не было слышно. Видно было только то, что он широко размахивает руками.

Заработную плату конечно не увеличили, рабочего дня не сократили, но месяц не дымили заводские трубы. Месяц пустовали холодные печи.

И вот, как бы в ответ на забастовку, 25 мая по стенам города расклеивается розовый приказ о мобилизации всей молодежи на фронт. Николаю Румянцеву девятнадцать лет; угнали его и брата.

После империалистической бойни Николай Румянцев бьется под Сызранью с Колчаком за власть советов, за землю, за свой «Красный Профинтерн». Бьется — и побеждает.

1923 год. Мирное строительство. «Красный Профинтерн» гремит железом, электричеством.

В конце года снова Николай Румянцев на заводе назначается мастером вагонно-колесно-

го цеха, а затем в 1925 г. — старшим мастером цеха большегрузных вагонов.

5. В партию большевиков

— Третьим вопросом у нас — прием в партию,— медленно, точно по слогам, произнес секретарь цеховой ячейки Акульшин.

— Румянцев в партию подал.

— Коля, братишка! — встрепенулись соседи-большегрузники.

— Давно пора, браток, давно!

Николай мог бы ответить товарищам встречной улыбкой, но здесь сдержал себя и только серьезно произнес:

— Да, ребята, подал. Осознал — и подал...

Он был несколько взволнован, часто вытаскивал из кармана носовой платок и без особой нужды поглаживал лоб.

— Зачитывается заявление.

Большевики цеха приветливо повернули головы в сторону Румянцева. Николай мастерил «козью ножку».

— Ну, товарищи, у кого вопросы к Румянцеву?

— Дай-ка, — всплыл сиплый голос сзади.

— Говори, Карпыч.

Встал монтер Карпов, сухонький старичок с грязной седой бородкой.

— Скажи, Коль, водку не пьешь?

— Иногда случается по большим праздникам, да и то чуть-чуть.

— А в партии, брат, насчет этого стро-о-го!

— За себя не боюсь, Карпыч, вот уж не боюсь...

— Да пустое,— вспыхнули голоса,— тоже пьяницу нашел! Кто водку пьет, у того голова не работает, а Николаева башка изобретательная.

— Ну, уж действительно изобретательная,— скромно отпихнулся Николай. — А насчет водки, ребята, бросьте, не питок я.

— Вот у меня есть один вопрос, — авторитетно заявил сам секретарь.

— Скажи, товарищ Румянцев, почему ты до сих пор не подался в партию?

— Видишь ты, товарищ Акульшин, откровенно признаться, в партийных вопросах разбирался я, как баран в азбуке. А теперь дело другое. Долго с вами пожил, крепко сработались, узнали и друг друга и общую цель. Теперь я иду в партию сознательно.

— Это конечно верно... Высказываться против никто не будет?

— Нет! — гулко отрезало собрание...

6. Вагон Румянцева

Заводоуправление вручило Румянцеву ряд письменных благодарностей и восемь крупных премий.

— Не премии меня толкают на изобретательство,— говорит Румянцев,— нет. В наше время каждый должен быть изобретателем. Говорить о построении социализма в нашей стране без активного участия в этом деле — это же преступление. А премии — что? Мы общую премию получим, да такую премию, которую еще не видело человечество. А эта премия — так... Не в премии дело...

Вот главные изобретения товарища Румянцева.

Штемпеля для проколки дыр на прессах и штемпеля для проколки фасонных дыр. Наименьшая затрата стали на эти штемпеля дает заводу две тысячи восемьсот пятьдесят рублей экономии в год.

Затем штамп с кондуктором, которым раньше прокалывали пятьсот дыр, а теперь — три тысячи.

И наконец самое основное, патентованное изобретение т. Румянцева—это полная переконструкция кузова большегрузного вагона. Раньше клепали вагон фасонными планками, на которые требовалось очень много дорогих деталей, а без них можно свободно обойтись.

Румянцев добился того, что вагон можно клепать с неменьшей крепостью, но с экономией в сто пятьдесят килограммов железа и заклепок на один вагон. Такая перереконструкция вагона дает заводу около миллиона рублей экономии в год, освобождает много станков и инструментов от излишней работы, освобождает около ста человек рабочей силы в день.

Рабочие говорят:

— Вот возьмем Румянцева. Ну, ей-богу ж, такой, как и все, а вот поди ты, от одного только его завод имеет тысячные экономии. А што, если б каждому, да по такому изобретению, а? Ну, скажи, не так я говорю, а?

— Так-то так, Митрофан, а вот башка не у каждого так варить способна.

— А я бы тебе возразил, Петрович. Башка тут конечно роль большую играет, но не самую главную. Самое главное — охота, понимаешь, охо-та!

7. Зарытый миллион

У Румянцева не было даже чертежей, даже самого, можно сказать, необходимого для любой перереконструкции.

Изобретатель-самоучка здесь же, в цеху, подгонял части вагона. Приходилось по нескольку раз подпиливать каждый винтик, подгонять каждую планку.

Партийная ячейка положилась на упорство самого Румянцева.

— Взялся — добьется. — А бризовцев не копнула, не заставила технические силы пойти на помощь изобретателю. Румянцев, парень скромный, добивается сам.

В бризе, по соседству с другими рационализаторскими предложениями, в общей свалке бумажной, скромно покоился и проект Румянцева — тощий небольшой листок, от которого зависит миллионная экономия «Красному Профинтерну». А он, этот самый листок, лежит не в силах протестовать, не в силах выползти из общей груды рабочих предложений. Терпение лопнуло. Запротестовал сам Румянцев.

Строгий кабинет прокурора повеял надеждой. Прокурор выслушал Румянцева, позвонил бризу.

— Сейчас же отыщем, товарищ Сыщиков, — сухо прохрипел голос в трубку прокурора.— Знаете ли, предложений куча, а штат — кот наплакал. Это мы сейчас устроим. Будьте покойны.

Прокурор резко повесил трубку, крепко пожал руку Румянцева и провел его до своей двери со словами:

— Если что, Румянцев, приходи опять: мы им штат покажем!

Но второй раз приходить к прокурору не пришлось. Отыскали проект в тот же день. Местные инженерно-технические силы утвердили этот проект и отослали в Москву для окончательного оформления.

Николай Румянцев добился своей цели.

Рабочие «Красного Профинтерна» теперь говорят:

— Тормоз — Казанцева, вагон — Румянцева.

8. Цистерностроение

Уже в 1931 году Николай Николаевич Румянцев назначен помощником начальника цеха большегрузных вагонов.

Сейчас перед большегрузниками «Красного Профинтерна» новая большая задача — цистерностроение.

Ударники-нефтяники Баку и Грозного пришли к финишу пятилетки.

Тяжелая индустрия требует новых миллионов тонн нефти. Имеющееся в стране количество вагонов-цистерн уже далеко недостаточно для перевозки горючего.

И вот Парвагдиз дает заказ бежицкому заводу «Красный Профинтерн» за второй квартал третьего, решающего года пятилетки изготовить стране пятьсот вагонов-цистерн.

Для «Красного Профинтерна» цистерны — дело новое. Цистерны выпускаются только в Николаеве.

В обеденные перерывы ударники цеха большегрузных вагонов обсуждали, как быть, с чего начать.

— Вот на николаевский бы завод смотаться!

— На первых порах позаимствовать не мешает, — заявлял клепальщик Криволасов.

Инициатива рабочих немедленно была подхвачена дирекцией завода и парторганизацией. Вскоре десять человек лучших рабочих-ударников, во главе с начальником цеха большегрузных вагонов инженером Лапидусом, отчаливали в Николаев поучиться делать цистерны.

9. Один—за, другой—против

Прикатили ребята из Николаева. Бежицкие профинтерновцы научились сваривать цистерны, научились клепать рамы, устанавливать диафрагмы, прилаживать колпаки. Не научились только организовывать труд.

Инженер Лапидус противится потоку на цистерностроении.

Огромные мостовые краны медленно плавают над железом, тяжело громыхая цепями. Пятипудовые крюки поднимают цистерны, рамы, оси и сосредоточенно переносят их с места на место. Железом командуют люди. В цеху три нитки — три потока, с которых ежедневно должно сходить по две готовых цистерны. Но этого пока нет. Поток не налажен.

— Не выйдет ничего с этого потока! — похлопывая по дну цистерны, кричит на ухо Румянцеву инженер Лапидус.

Ответа Румянцева не слышно, пневматические молотки делают людей немыми и глухими. Видно только, как Румянцев усиленно трясет головой, значит, возражает. Но вот он взялся за полу инженерского пиджака и потянул Лапидуса из цеха.

— Товарищ Лапидус, хватит панику наводить, поток должен быть и будет!

Лапидус, нервно покручивая усики, начал было возражать, но Румянцев неумолимо продолжал:

— Вот, например, Карташев, Бондырев и Трубин сегодня работают на приварке колпака, а Лужин, Кочетков и Ефимов устанавливают диафрагмы. Бригады эти уже хорошо сработались друг с другом, дружно идут вперед, обгоняя и перегоняя одна другую. Вот и соревнуются ребята.

10. А все-таки—поток

Инженера Лапидуса с работы сняли. Стремление к поточной системе охватило всех рабочих цеха; каждому стало ясно, что дальше так работать нельзя. В цех прибыла бригада областной газеты «Рабочий путь». В обеденные перерывы у столика дежурного бригадира толпятся рабочие-большегрузники. В газету поступают измазанные в копоти и масле клочки бумаги с предложениями, как лучше организовать поток, как наладить соцсоревнование.

Румянцев до ночи в цеху.

Сегодня объявлен ночной рейд по цеху. Объявлено об этом только пятнадцати рабочим, свободным от ночной смены. Сегодня «ночных» ребят контролируют «дневные» товарищи.

Двенадцать часов ночи. Люди копошатся у огромных цистерн. Цех ярко освещен; как и днем, громыхают краны.

Участники рейда разбились по бригадам.

Вот у одной рамы бригада из трех человек быстро записывает в блокноты обнаруженные дефекты: клепальщик Шустеров вздрогнул под рамой, уткнувшись носом в свой вымасленный картуз.

Из другой бригады вызвали фотографа. Он с привычной ловкостью поставил аппарат на треножник и прошептал:

— Спокойно, снимаю!

Одну из налетных бригад возглавляет Румянцев. Он тихо подходит к одному сварщику, спокойно посасывающему цыгарку, облокотившись на вагонную раму.

— Браток, а ведь у нас поток!

Румянцев, довольный тем, что у него замечание получилось складным, сдержанно улыбнулся и хлопнул сварщика по плечу. Тогда тот, немного смутившись, плюнул на папироску и быстро засуетился над электродержателем. Зашипели и западали синие звезды, доваривался последний рубец на теле цистерны.

— Ру-мян-цев! При-ни-май цис-терну-уу!

«Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

Н. Ленин

НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ

И. Александров

ГЕГЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДСТВО И МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ

Столетняя годовщина со дня смерти Гегеля совпадает с периодом загнивания всего капиталистического строя, певцом и провозвестником которого он был.

Роль буржуазии в общественном развитии за это время резко изменилась. Тогда «менее чем в сто лет своего господства буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производственные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые» («Коммунистический манифест»). Теперь капитализм не может даже просто использовать имеющийся налицо аппарат производства и наличную рабочую силу. На смену буржуазии, классу — носителю реакционной идеологии, носителю хищнического и расточительного способа хозяйствования, выступает созданный ею ее могильщик — революционный пролетариат.

На одной шестой части мира он уже показывает образцы нового, социалистического способа хозяйствования, преимущества которого признаются даже и его наиболее дальновидными врагами.

Противоположная роль буржуазии и пролетариата в развитии общества обусловливает различное миросозерцание этих классов. Это относится не только к настоящему и будущему, но и к прошлому. Прошлое выступает перед классами преломленным через призму настоящего и будущего. Контрреволюционная, мистически настроенная буржуазия в прошлом ищет оправдания и подтверждения своим сегодняшним взглядам. Поэтому для нее прошлое выступает окрашенным в цвета мистики и ханжества. Наоборот, пролетариат берет из истории все, что в ней было научного и прогрессивного, и развивает все это дальше. Так под покрывалом того, как относиться к тому или иному мыслителю, к Дарвину или Гегелю безразлично, скрывается происходящая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией в области идеологии. Именно это обстоятельство обязывает пролетариат бороться против происходящей сейчас на Западе мистификации учения Гегеля, подчеркнуть его действительную роль в области развития научного мышления и науки в целом, вскрыть действительные противоречия, свойственные гегелевской философии.

Гегель был выразителем стремлений и надежд своей эпохи. Он — порождение соотношения классовых сил всех передовых стран его времени, а не только одной немецкой буржуазии. Общественная жизнь Германии конца XVIII и начала XIX века определялась, во-первых, известной всем ее экономической отсталостью, во-вторых, тем, что под господством Наполеона немецкая буржуазия развивала «свои мелкие дела и большие иллюзии», и, в-третьих, тем, что ее политические взгляды складывались под влиянием английских учреждений и носили отпечаток их реставрационных идей.

Весь этот сложный комплекс переплетающихся общественных условий наложил свой отпечаток на все творения Гегеля. В его учении, как в фокусе, отображаются революционная сила и натиск буржуазии передовых стран (особенно Франции) на феодализм, слабость и трусость перед феодалами и в особенности перед оформляющимся рабочим классом немецкой буржуазии, страх английской и французской буржуазии перед революционным движением рабочих и городской мелкой буржуазии. Он выра-

жал не только революционные, но и компромиссные и реакционные тенденции буржуазии. Именно поэтому философия Гегеля была одновременно и «алгеброй революции» и «евангелием реакции». Противоречивая сущность буржуазии порождает противоречивое учение своего идеолога. Гегель был идеалистом и метафизиком, но вместе с тем он был величайшим диалектиком, завершителем немецкого классического идеализма, дальнейший путь развития которого вел только к материализму, к диалектическому материализму. «Абсолютная идея» Гегеля, говорит Ленин, собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства. Фейербаху оставался только один серьезный шаг, чтобы повернуть снова к материализму, именно: универсально «выкинуть вон, абсолютно удалить прочь абсолютную идею»[1]. Но Фейербах, преодолев гегелевский идеализм, решительно отбросив его спекуляции и защиту религии, отбросил и диалектику. В отбрасывании диалектики была его слабость и бледность перед Гегелем.

Грандиозная философия Гегеля исходит из существования абсолютной идеи, из которой путем простого логического вывода развивается учение о природе и обществе. В этом коренится основной порок учения Гегеля. Но Гегель был диалектиком. Пытаясь из абсолютной идеи вывести существование природы, государства, семьи и общества, он считал, что и науки о них на протяжении всей истории были лишь ступенями в развитии самопознания абсолютной идеи. Несмотря на явно идеалистический характер его системы, она требовала **исторического и диалектического** подхода к изучаемым явлениям. Гегель угадал существующую связь всех отраслей знания между собой, их связь с действительностью и исторически преходящий характер знания самих предметов и явлений. «В его феноменологии, в эстетике, в истории, в философии — повсюду, — говорит Энгельс, — красной нитью проходит это величественное понимание, везде вопросы рассматриваются исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной связи с исторической действительностью».

Такой внутреннепротиворечивый подход к действительности не давал Гегелю возможности правильно нарисовать картину развития мира, но он все же обеспечил ему возможность правильно поставить, а в некоторых случаях сделать гениальные догадки и решения по всем этим вопросам.

[1] Ленин, собр. соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 390.

Так, в области истории развития и исследования форм человеческого мышления Гегель до сих пор остается одним из величайших умов человечества; он открыл диалектические законы мышления человека. Заслуга Гегеля в том, что он, хотя и на извращенной основе, взглянул на мир как на вечно изменяющийся и подвижный, на вечно развивающийся через борьбу противоречий и путем саморазвития, самодвижения. А в этом отношении большинство даже и современных естествоиспытателей стоит позади идеалиста Гегеля, предполагая, что в мире ничего нового не возникает, но существует, так как оно существовало изначально. Поэтому, «кто желает совершить кое-что в области теоретического общего естествознания, тот должен,—говорит Энгельс,—рассматривать явления природы не как неизменные величины, что делает большинство, а как изменчивые, текущие. А этому и поныне легче всего научиться у Гегеля»[1].

Говоря о том, что Гегель своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большое дело, Энгельс в то же время указывает, что диалектика развития у самого Гегеля мистична, «ибо категория является у него чем-то предшествующим, а диалектика реального мира — ее простым отблеском».

Приписывая только духу историческое развитие, его диалектика не признавала за природой развития во времени. У него природа развивается только в пространстве. Отмечая историческое чутье Гегеля в области понимания всех отраслей знания, Энгельс вскрыл его антиисторизм и метафизичность в понимании развития природы. Здесь идеалистическая диалектика превращается в идеалистическую метафизику в понимании развития природы. Поэтому Энгельс призывает естественников учиться у Гегеля не его философии природы, а его принципам изучения природы, как они изложены в «Логике», в учении о сущности, где естественники найдут для себя много ценного и действительно научного.

2.

Идеализм и метафизика Гегеля больше всего выражены в его учении об обществе, так как здесь идеализм более всего оказывается выражением реакции старого мира. Это обстоятельство обусловливало непоследовательность, половинчатость, а иногда даже и реакционность общественных взглядов Гегеля. Подчеркивая зависимость Гегеля от реакционных течений

[1] Маркс и Энгельс, Архив, кн. 2-я, стр. 383.

его времени, Энгельс говорит, что именно поэтому он неизбежно скатывается к псевдоисторизму: «Принципы всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же — этого никто не отрицает — нередко умеренны, даже консервативны».

Печать двойственности и противоречивости между консервативной системой Гегеля и его революционным методом вскрыта Энгельсом с глубочайшей ясностью. Как приходит Гегель к такому противоречию между методом и системой, лучше всего видно на его общественных взглядах. Гегель утверждает, что всемирная история является лишь рядом ступеней, по которым дух грядет к самопознанию. К такому взгляду он приходит потому, что считает мир беспрестанно изменяющимся и эволюционирующим. Высшая стадия этой эволюции — история человечества; в ней дух приходит к самосознанию. Из этой общей постановки вопроса вытекают две характерные черты его философии истории: историческая эволюция для него не общественно-материальный процесс, а духовный; во-вторых, дух, который «раскрывается» в истории, есть творческий дух; он субъект и вместе с тем объект; он проявляет себя в пространстве и во времени; он сам создает ту конкретную основу, которая ему необходима для выражения и выявления своих моментов. Поэтому философия истории у Гегеля начинается лишь там, где «разумность вступает в свое конкретное существование», там, где она проявляется в сознательной воле и в действиях, т. е., по Гегелю, в государстве. Период возникновения человечества, образования народностей, выработка и распространение языка и т. д. лежат вне пределов истории и философии истории, так как там нет проявления самосознающего духа. Люди, не организованные в государство, по Гегелю, живут по тем же законам, по которым живет растительный и животный мир природы.

Гегелевское государство — не порождение общества, расколовшегося на непримиримые классы, а «соединение личной, субъективной и общей разумной воли, и в этом отношении оно то нравственное целое, в котором примиряются право и мораль» (Гегель). Вместе с тем государство у Гегеля есть средство осуществления свободы и реализации свободы, а она — его назначение и цель.

Таким образом государство Гегеля есть основание гражданского общества. Не общество порождает государство, как это есть в действительности, а государство порождает общество. У Гегеля государство есть основа собственности и т. д. Как известно, в действительности, наоборот, все это определяется имущественными отношениями, борьбой классов. Но в учении о государстве у Гегеля также есть рациональное зерно. Это зерно находится в его понимании и подчеркивании огромной роли государства, его силы в жизни общества.

Государство Гегеля — историческая категория лишь постольку, поскольку оно возникает на определенной ступени развития человечества, но оно надисторично, поскольку Гегель утверждает, что оно, в лице прусской конституционной монархии, должно быть вечно существующим. С одной стороны, Гегель утверждает необходимость и неизбежность исторических смен одних народов другими, а с другой — считает, что в лице прусско-юнкерской государственности народы нашли идеал своего политического существования. Здесь гегелевская диалектика пришла в противоречие с метафизикой. Он не сделал надлежащих выводов, вытекающих из его диалектического метода, потому что «Гегель строит систему, а философская система по исстари установившемуся обычаю должна была вести к абсолютной истине того или иного рода. И тот же Гегель, который в своей «Логике» указывал, что вечная истина есть не что иное, как именно логический (т. е., значит, и исторический) процесс, тот же самый Гегель увидел себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же ему было закончить свою систему» (Энгельс). История Гегеля служила лишь «для проверки его логической задачи». Идеалистическая система не давала ему возможности взглянуть на общество как на борьбу классов. Правда, нельзя сказать, чтобы Гегель не замечал классовой борьбы, но у него классовые противоречия есть такие противоречия, которые попеременно и как бы полюбовно играют то роль крайности, то роль середины. В своей «Теории понимания роли противоречий в обществе», несмотря на отдельные правильные формулировки, Гегель допускает ошибку, так как не посвящает «достаточного внимания преодолению противоречий, подчиняет субъект предикату, целое — части и этим опрокидывает все вниз головой» (Маркс).

Политически здесь Гегель выступает явным реакционером, так как сословия у него — лишь элементы, примиряющие государство, правительственную власть, народ и т. д.

Но дело не только в этом, но и в том, что вопреки единству, провозглашаемому Гегелем

высшим принципом, действительность у него как бы удваивается. Отражение предмета становится самостоятельным предметом, а предмет — тенью своей собственной тени. «Действительность становится феноменом, но идея не имеет никакого другого содержания, кроме этого феномена» (Маркс). Следовательно, и по форме и по содержанию учение Гегеля не могло быть воспринято Марксом—Энгельсом. Для них предстояла огромная работа материалистической переработки его учения и в особенности в области обществознания. Абсолютно неверно утверждение Карева, что Маркс у Гегеля «находит целый ряд элементов своего мировоззрения: теорию классов и гражданского общества, теорию концентрации и обнищания».

Там, где Гегель как раз наименее ценен, иногда даже консервативен, там Карев видит преемственность марксизма от Гегеля. В чем Ленин видит зачатки исторического материализма у Гегеля? В XII сборнике он говорит это по поводу понимания Гегелем отношения человека к природе, по поводу того, что люди сами делают историю, которая является результатом их действия, обусловленного различными причинами. Взгляды Карева никак не могут быть совместимы с положением Ленина о том, что в философии истории Гегель «дает очень и очень мало. Это понятно, ибо именно здесь, именно в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед».

Диалектика помогает Гегелю вскрыть ненаучный, метафизический характер предшествующих ему учений. Он поднялся на целую голову выше их. Но его идеалистическая диалектика совершенно теряет из поля зрения объективный реальный мир. Его философия имеет дело не с природой и конкретно-историческим человеком, а с некими отвлеченными, абстрактными сущностями. Конкретностью у него обладает лишь только дух. Диалектический идеализм Гегеля, вместо того чтобы помочь изучению конкретного движения, конкретных реально-исторических предметов, превращается в универсальную схематику, механически накладывающую свою схему на самые различные предметы. Диалектика Гегеля не была еще вполне научным методом, она его только подготовляла. Только апологетическим отношением к Гегелю, попыткой во что бы то ни стало реставрировать его можно объяснить заявление Деборина, Карева и других меньшевиствующих идеалистов, что диалектика Гегеля есть диалектика марксизма.

Несомненно, что основное противоречие в гегелевской философии — это противоречие между методом и системой, но это не нужно понимать упрощенно, как это делают меньшевиствующие идеалисты. Дело в том, что противоречие между методом и системой у него покоится в идеалистическом единстве.

Этим и обусловливается то обстоятельство, что Гегель принес метод в жертву системе, что он пошел на то, чтобы «раздавить революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны». Этим объясняется и то, почему «крайне революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу» (Энгельс). Именно это противоречие явилось основанием того, что учение Гегеля оставляло много места для практических взглядов самых различных партий. «Человек, дороживший преимущественно системой Гегеля, мог быть довольно консервативен. Тот же, кто придавал больше значения гегелевскому методу, мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней опозиции» (Энгельс, «Людовиг Фейербах»). Этим Гегель и подготовил раскол в среде своих собственных учеников и последователей.

Правые гегельянцы, отражавшие интересы компромиссно настроенной буржуазной аристократии и феодалов, цеплялись главным образом за систему Гегеля, а левые, в особенности Маркс и Энгельс, развивали его диалектику. Именно они были единственными учениками Гегеля, решившими перенести из немецкой классической философии, в частности философии Гегеля, сознательную диалектику из царства теней в изучение материального мира. Это отнюдь конечно не следует толковать в духе деборинцев, что диалектику Гегеля можно было взять из его системы и механически перенести в область материальных явлений. Требовалась такая переделка метода Гегеля, которая была бы равна выработке нового диалектико-материалистического метода. Не даром Маркс говорит, что его метод прямо противоположен методу Гегеля. Но тем не менее продолжателями научных и революционных тенденций философии Гегеля были Маркс и Энгельс. Они выделяли революционные моменты учения Гегеля из его консервативной системы и ставили их на службу пролетариату. Правые гегельянцы, хватаясь за систему Гегеля, выбрасывая ее революционную диалектику, разрывали его учение на части, не могли охватить его в целом и тем самым умерщвляли его учение.

Тем менее мог быть понят Гегель в так называемых образованных кругах общества, которые третировали Гегеля как «дохлую собаку» именно за его революционную диалектику. Нашим механистам невдомек, что Гегель был неприемлем для буржуазии после ее прихода к власти именно потому, что в учении Гегеля в мистической оболочке содержалось революционное рациональное ядро. Поэтому официальное общество Германии отказалось от учения Гегеля на второй же день после его смерти. Если пролетариат в лице своих лучших идеологов развивал дальше учение Канта—Гегеля, то официальные заправилы «науки» германской буржуазии проделывали обратный путь развития в области философии: от Гегеля, через Шеллинга и Фихте, «назад к Канту». Поэтому Энгельс был вполне прав, когда в предисловии к «От утопии к науке» 21 сентября 1882 года заявил, что «мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля». Этим было еще раз подчеркнуто, что в среде казенной буржуазной философии нет и не может быть людей, развивающих революционые тенденции классической немецкой философии, и что продолжателем их учения, а не буквы, может быть только партия революционного пролетариата.

Гегель был на время забыт именно потому, что он казался буржуазии слишком революционным мыслителем. Мы видели, что еще при жизни Маркса и Энгельса и их руками марксизм сделал решительно все возражения гегелевской философии как со стороны логической непоследовательности Гегеля, так и в особенности со стороны политической недоделанности и неправильности его учения. Ими была вскрыта партийно-классовая сущность учения Гегеля в том виде, как он сам представлял его, а также и те революционно-практические тенденции, которые были заложены в этой системе диалектического идеализма. Благодаря этим тенденциям буржуазия, придя к власти и упрочившись у кормила общественного правления, почувствовала отвращение к учению своего идеолога. Его могучий призыв к пониманию мира как вечно изменяющегося процесса не мог удовлетворить буржуазию, которая теперь хотела вместо революционной диалектики жизни видеть ее в спокойных, эволюционных изменениях, был не по нутру господствующим классам, мечтавшим о бесконечном и «естественном» продолжении их господства. Продолжателями Маркса и Энгельса, а через них и Гегеля была только революционная социал-демократия. Так, Шуберт-Зольдерн в 1896 году утверждал, что «социал-демократы охотно примыкают к Гегелю, с большим или меньшим (обыкновенно меньшим) правом, но только Гегелеву философию они материализируют» (цитирую по Ленину. — И. А.). Конечно этот почтенный муж думает, что социал-демократы имеют меньшее право примыкать к учению Гегеля, чем они сами это думают. Но дело не в этом, а в том, что массовое распространение учения Гегеля он констатирует только в рядах социал-демократии. Официальная же, казенно-государственная философия пробавлялась повторением старых, догегелевских ошибок кантианства и юмизма. Она ушла от буржуазного, в общем революционного мыслителя под крылышко буржуазно-феодального, насквозь компромиссного учения Канта и феодально-буржуазного идеолога реставрации — Юма.

Но это увлечение Кантом и Юмом не ограничилось только самой буржуазией. Все мелкобуржуазные течения в общественной жизни, не исключая реформизма и ревизионизма в рабочем движении, находились под сильным влиянием этой модной буржуазной философии. Это и понятно. Будучи по существу агентурой буржуазии в рядах рабочего класса, реформисты и ревизионисты, чтобы выполнить свою роль лакеев буржуазии до конца, должны были и заимствовали и некритически воспринимали взгляды буржуазии в политике, экономике, философии и т. д. Они также из кожи лезли в третировании диалектики Гегеля и призывали рабочих «назад к Канту». Все эти Бернштейны, Конрады Шмидты и другие честно выполняли социальный заказ своего хозяина — реакционной буржуазии. «В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту» — и ревизионизм тащился за неокантианцами; профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма—и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему (Handbuch'у) что материализм давно «опровергнуть»; профессора третировали Гегеля как «мертвую собаку» и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спо-

койной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии) — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному (буржуазному. — И. А.) государству, а по отношению к партии передового класса»[1]. Но этим поток ревизионизма вождями II Интернационала отнюдь не исчерпывался. Ревизионизм выступал не только в такой откровенной и грубой форме. Некоторые из вождей выступали официально в защиту марксизма и против третирования диалектики Гегеля, но и марксизм и диалектику понимали софистически и догматически, выхолащивая из них живую, революционную сторону. Для идеологов II Интернационала гегелевская «Логика» оставалась книгой за семью печатями, чуждой современности. Даже Плеханов, чьи писания в области философии были в этот период лучшими в международной литературе марксизма, зачастую понимал диалектику Гегеля неправильно, не разрабатывал ее, а подменял софистикой. В особенности это остро бросается в глаза в высказываниях Плеханова в периоды резких общественных поворотов по отдельным конкретным вопросам. Не владея марксистской диалектикой, Плеханов не понял и не мог понять революции 1905 года и скатился окончательно на позиции меньшевизма. Он не понял, как и все вожди II Интернационала, сущности империализма и грабительского характера империалистической войны. И наконец он не понял правильно и обеих революций, в особенности Октябрьскую революцию 1917 года. Во всех этих исторических поворотах Плеханов не оказался на достаточной высоте и всю свою блестящую и огромную эрудицию мобилизовал на подмену диалектики софистикой и метафизикой. «Этот тактический оппортунизм Плеханова есть сплошное отрицание основ марксистского метода», говорит Ленин. А в другом месте, ставя вопрос шире, т. е. о меньшевизме в целом, а не только о Плеханове, он говорит: «Меньшевики... берут первую половину знаменитого положения Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Дума действительна — значит, дума разумна, говорят они и удовлетворяются этим. Борьба вне думы «разумна», отвечаем мы. Она вытекает с объективной неизбежностью из всего современного положения. Значит, она «действительна», хотя и придавлена в настоящий момент. Не рабски следовать моменту должны мы, — это будет оппортунизм. Мы должны обдумывать более глубокие причины событий и более далекие последствия нашей тактики»[2]. Или: «в благодарном деле подмены диалектики софистикой Плеханов побил рекорд». Здесь Ленин в кратких словах дает характеристику меньшевизма как страдающего слепотой в области понимания общественной жизни. Эта слепота ревизионизма питается слепотой самой буржуазии как класса господствующего, чьи интересы и обслуживает ревизионизм. Кроме того Ленин подчеркивает, что меньшевики, как и правые гегельянцы, скорее могут воспринять консервативные элементы системы Гегеля, чем его революционные тенденции, чем диалектику. По существу мы имеем такое положение, что меньшевики, во главе с Плехановым, потешаясь над Лениным и большевиками, над их «беззаботностью» в области теории, на деле сами рабски шли путями буржуазной метафизики и спекуляции. Они не разрабатывали теории марксизма и не развивали диалектики Гегеля. Не даром в обширных философских работах Плеханова ни слова не с[illegible]но о науке «Логика» Гегеля.

Эту огромнейшую работу дальнейшего развития революционной теории марксизма и дальнейшей материалистической [illegible]ереработки диалектики Гегеля взял на себя [illegible] Ленин. [illegible] ботах Гегеля он виде[illegible]й исто[illegible] из которого пролет[illegible] ходимые указания для теорет[illegible] ния и освоения современного [illegible] ного знания и общественно-и[illegible] териала.

[1] Ленин, собр. соч., т. XII, взд. 3-е, стр. 184 — 185.

[2] Ленин, собр. соч., т. IX, стр. 201 — 202; т. XVIII, стр. 247.

(Продолжение следует)

ИСКУССТВО

Л. Варшавский

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА

В том поступательном движении нашего революционного искусства, какое мы имеем на сегодняшний день, плакат занимает наиболее ответственный, но и наиболее отсталый участок его.

Постановление ЦК партии во-время пресекло поток вредных по идеологической установке плакатов, которые в большом количестве появлялись на свет.

Плакат после постановления ЦК ВКП(б) попал в орбиту общественного и научного искусствоведческого внимания.

Сейчас мы находимся на путях к реконструкции плаката.

До настоящего момента искусство плаката прошло определенную эволюцию, требующую к себе самого пристального внимания. Необходимо выяснить те методы, которыми создавалось искусство плаката у нас в СССР.

В сущности методологии плакатного искусства у нас не существовало. Та слишком скудная литература о плакате, которая и существует, в большой мере является плодом буржуазных воззре[illegible] искусство.

[illegible] плакате нашли у нас [illegible] отражение, но и некоторую [illegible] наши плакатоведы, переняв эти [illegible] отнеслись к ним. Буржуазные теории о плакате, основанные на лабораторных изысканиях, исходят раньше всего из практической целесообразности в отношении рекламы, помогающей продвинуть в условиях конкуренции определенный товар на капиталистическом рынке. Отсюда и методы изучения плаката построены на экспериментально-психологических исследованиях действия рекламы, исследованиях факторов, возбуждающих внимание зрителя, потребителя товара. К тому же эти исследования производились на основе изучения зрителя определенной социальной группировки.

Буржуазные теории предусматривали и гармонию красок, и декоративную обстановку, и оптическое чувство формы, характер рисунка, типаж, ориентируя плакатистов на наилучшее выполнение плаката-рекламы.

В построении нашего политического плаката эти буржуазные теории играли не последнюю роль. Механическое перенесение методов буржуазного плаката на нашу почву оказалась сугубо вредным для нашего политического плаката.

Рекламный торговый плакат на Западе родился в условиях промышленных кризисов, которыми были охвачены капиталистические страны во второй половине прошлого столетия. С развитием крупного производства, с образованием и расширением мирового рынка все затруднительнее становились условия сбыта; по мере затруднения роста потребления все более катастрофичными становились для капиталистической промышленности перманентные кризисы. Капиталистическая торговля использовывала решительно все для того, чтобы избежать банкротства, восстановить нарушенное равновесие между предложением и спросом. И не случайным является то обстоятельство, что возникшее в эту же эпоху боевое для своего времени течение импрессионистов, основанное на работах Шеврейля в области спектрального анализа и законов окраски Гельмгольца в области физиологической оптики, течение, основанное на исканиях новой техники живописи, первым обратилось к плакату. От живописных театральных, «иллюстративных объявлений плакат быстро перешел к

обслуживанию торговли. Плакатист таким образом все свое искусство ставил на обслуживание капиталистической торговли и промышленности. С точки зрения буржуазных теоретиков рекламы и плаката это и есть то «искусство полезности», которое необходимо всячески культивировать, так как оно внушает зрителю приобрести предлагаемый товар. И это внушение приобретает еще большую силу,— говорит один из буржуазных теоретиков, Флейшгак,— если оно проведено обдуманно, целесообразно, в том случае, если художник сумел проникнуть в психологию покупателя. И уже совершенную апологию буржуазного плаката дает другой теоретик, Мюнстенберг, который заявляет, что тот, «кто хочет служить экономическим интересам, должен подчинить этой задаче каждый штрих и форму, чтобы объявление и изображение привели к практическому решению и действию». Объявление должно быть приятно, изящно, гармонично и притягательно, но не должно быть действительно красиво, если оно хочет выполнить в широком масштабе свою задачу. «Искусство в рекламе не должно быть чем-то самостоятельным, а только средством для известной цели. Художественные интересы не только не должны быть решающими, но даже не должны равняться с коммерческими, а подчиняться им». Кениг устанавливает в своей книге о плакате «ясность», высшую ступень которой дает, по его мнению, «хлесткость, меткость, известная шикарность доказательства-свойства». Это достаточно ясно подчеркивает тенденции буржуазного плаката — подчинение требованиям капиталистической торговли. Эта тенденция служит и основой для буржуазного научного исследования плаката, давая определенные выводы, апробированные идеологией определенного класса.

Что же мы противопоставили этой теории? «Плакат — дитя современного города с кипучей жизнью, с телефоном и радио, кинотеатрами, поездами-экспресс. Он порожден конкуренцией, борьбой за существование, бешеной гонкой за торопливым прохожим... Он кричит с забора, со стены, с витрины. Он нагло прыгает прохожему в зрачки. Хочет прохожий того или не хочет, занят он или нет, спешит или убивает время, плакат замечен, обратил на себя внимание прежде всего яркостью красок, необычайностью композиции... Он вылезает, выдирается из афиш, покрывающих заборы. Надпись его коротка, рисунок элементарен».— Так определяет плакат В. Полонский в своей книге «Русский революционный плакат», по существу интерпретируя суждения буржуазных теоретиков.

Приводимый Полонским пример идеального по своей лаконичности плаката фирмы Штиллер, изображающего лакированный башмак и слово «Штиллер» на ярком фоне, есть рекламный плакат, пропагандирующий товар, и считать его идеальным, как это делает Полонский, раскрывает, обнаруживая истинные его установки и полное непонимание существа политического плаката.

По существу все суждения т. Полонского сводятся к тому, что методы буржуазного плаката — методы, без которых нельзя построить и социалистического плаката. Такая же формалистическая установка дана в определении плаката и Тарабукиным в его книге «Искусство дня». Плакат, по мнению Тарабукина, «удивительно беспокойный объект на фоне общественности. Он врывается чаще всего именно туда, куда его не просят, где его не ждут, и начинает кричать страшно горласто. Гоните его в дверь, он влетит к вам в окно».

Таким образом Тарабукин опять-таки отождествляет торговый, коммерческий плакат с плакатом политическим, плакат капиталистический — с плакатом пролетарским.

Тарабукин пишет: «Когда текст играет исключительно идейную роль и действует только на сознание, когда текстовая сторона теряет сама по себе зрительное воздействие, т. е. живописная функция в плакате прекращается и действует только литературная, такая форма является не плакатной, а рекламной. Такое определение политического плаката есть отрицание идейной роли текста в нем, отрицание, мотивированное выдвижением на первый план живописной функции». Отсюда берут начало формалистические методы, которые мы сейчас встречаем в нашем плакате.

Мюнстенберг подчиняет эстетическую сторону плаката практической. Наши формалисты проповедуют абстрактный эстетизм, требуют, чтобы политический лозунг имел только «зрительное воздействие», был «живописным пятном». Формалистические и эстетические тенденции в теории нашего плаката, надо признать, доведены до крайности.

Октябрьская революция призвала к жизни политический плакат. В период гражданской войны в революционной борьбе закалялся плакат как орудие классовой борьбы. Но, являясь заостренным орудием в руках пролетариата,

плакат создавался стихийно, без определенных формул, без разработанного метода.

Плакат оказывал свое действие, выполнял огромное политическое дело. Основное здесь было в заострении революционной тематики. Плакат был реалистичен, понятен массовому зрителю, политически заострен. Формалистические установки на плакат должны быть биты и разбивались постоянно.

История советского плаката хранит любопытный документ, перекликающийся с мартовским постановлением ЦК о плакате. Это письмо т. Каменевой по поводу выставки плакатов ко «дню красного подарка» («Вечерние известия» от 1 марта 1919 г.), где она пишет, что «среди товарищей царит законное недовольство плакатами, вывешенными на стенах ко «дню красного подарка». Эти плакаты должны были украсить город, вызвать подъем и звать к борьбе трудящиеся массы. На деле же эти плакаты представляли какие-то ученические упражнения под модный футуризм и были издевательством над вкусом и смыслом трудящихся. «Считаю необходимым, — пишет далее т. Каменева, — установить, что Центральный комитет «красного подарка», работающий под моим председательством, никакого отношения к этому «художеству» не имел. Плакаты были заказаны Военной инспекцией, оплачены на средства Агитационного бюро военных комиссаров, и Центральный комитет «красного подарка» заранее снял с себя за эти сепаратные действия всякую ответственность. Мало того, я лично неоднократно предупреждала товарищей из инспекции и бюро военных комиссаров, что подобные плакаты — только лишняя и бессмысленная трата денег».

Московский исполком, на особом заседании установив, что подобные плакаты — это «безобразие, которого советская власть впредь не должна допускать», поручил т. Фриче сделать на ближайшем заседании пленума доклад по этому вопросу. Страница из истории эволюции нашего плаката достаточно убедительная.

В период нэпа образцы капиталистического плаката, облеченные в псевдолубочную или натуралистическую форму, в значительной мере появляются у нас. В этом отношении характерным является киноплакат, рекламирующий ввозную иностранную фильму, плакат, где трактовка темы построена на трюках, а изобразительная форма дана в фотомонтаже. Яркий колорит, хлесткость и выявление наиболее эффектных, «зазывающих» публику кадров из фильмы — вот основное в этом плакате. К этому надо учесть чуждую нам тематику западных фильм. В таком виде киноплакат, занимавший большое в количественном отношении место во всей продукции искусства плаката, не мог быть фактором нужного нам политического воздействия на массу. Не было консолидации художников, специально работающих над плакатом. Некоторые художники случайно пришли к этому виду искусства, потерпев неудачи в станковом искусстве, лишившись своих меценатов в эпоху Октября. Тут были представители натуралистической школы, жанристы, пейзажисты, художники-футуристы и мастера, примыкавшие к группе «Мир искусства», поставщики иллюстраций к «народным» изданиям Сытина, Ступина и др.

Каждый из художников, примыкающий к тому или иному направлению, не был свободен от этого груза воззрений, ничего общего не имеющих с идеологией пролетариата. Отсюда руководящим принципом их работы в области плаката стал принцип «потрафлять» заказам хозяйственных трестов, который вступал в противоречие с действительными запросами пролетариата в этой области изоискусства.

Нет ни одного уголка в нашей политической жизни, культуре и технике, где плакат не занял бы своего служебного места. Плакат для нас — это классовое орудие агитации и пропаганды. Художник, создавая плакат, является агитатором и пропагандистом, несущим огромную ответственность. Своим плакатом он говорит с массой, изобразительными средствами он проводит политические идеи в массу, воспитывает ее. Наш плакат разновиден: здесь и плакаты на социально-политические темы, военные, сельскохозяйственные, индустриальные, культурно-бытовые, лечебно-санитарные, по технике безопасности труда, транспортные, киноплакаты. От художника требуются политические знания, требуется отчетливое понимание политических задач текущего момента. Наши плакатисты не оказались на высоте этих требований. Налицо не только мелкобуржуазное искривление темы, аполитичность плаката, но и грубое нарушение в рисунке машин и отдельных процессов труда.

В среде художников и теоретиков принято думать, что наши плакаты разделяются на политические и неполитические; к последним относятся такие плакаты, как, например, инструктивные: сельскохозяйственные, по техни-

ке безопасности труда, индустриальные. Это глубоко ошибочно и в политическом отношении недопустимо. Наш инструктивный на любую тему плакат должен ответить не только на вопросы «что» и «как», но и указать цель и политические задачи изображенного. Пропагандируя какие-нибудь новые злаки, машину, строительство городов, указывая новые методы обработки поля, художник не должен ограничиваться только констатацией факта, но и указать зрителю, какое значение это имеет для развития нашей социалистической стройки. При изображении отдельных процессов труда, когда это необходимо для показа действия машины или новых принципов агротехники, художник должен не только отобразить нашу промышленность или техническую реконструкцию сельского хозяйства, но и те условия, в которых протекает овладение социалистической индустрией: соцсоревнование, ударничество, метод работы и т. д. Иначе социалистический плакат будет формально инструктивным, но не политически инструктивным. Слова Сталина на XVI партсъезде точно устанавливают это. «Нам нужна не всякая индустриализация, а индустриализация социалистическая». Следовательно, в инструктивно-производственном плакате нам не нужен только инструктивный плакат, но социалистический инструктивно-производственный плакат.

Художником должен быть найден новый метод изображения, разрешены новые задачи социалистического плаката. Но так разрешать политический лозунг в плакате, как это делалось до сего времени, нельзя. Разве не мелкобуржуазной отпиской является ответ художника на такие лозунги, как, например, «Советской индустрии нужен лен», «Обеспечим 100-процентное выполнение плана льносева»? Что, например, изобразил художник в плакате? Красавицу, игриво посматривающую на зрителя на фоне мещанских зеленоватых обоев и цветочков. Вот и все. Любую подпись в любое время можно приставить к этому рисунку. В мелкобуржуазную трактовку плаката вплеталась и псевдонационалистическая тенденция в духе великодержавного шовинизма, которую мы встречаем в плакатах для нацменьшинств. В осоавиахимовском плакате, предназначенном для Закавказья, фигурируют боевой всадник и вооруженная Тамара, и все это подано в слащаво-сусальном виде. Фальшивый классический пафос имеется всегда в арсенале аполитичного плакатиста. В наш обзор не входят те фотомонтажные плакаты (их, к сожалению, очень немного), которые насыщены политическим содержанием и имеют определенную ценность (плакаты Клуциса, Елкина, Сенькина). Киноплакаты преподносили массе пошлейшие сценки из кадров какой-нибудь фильмы. Киноплакат, получивший огромное распространение, не стал подлинно политическим. Между тем киноплакат, посвященный хотя бы буржуазной кинофильме, мог быть произведением, полно выявляющим наше политическое отношение, наше мировоззрение. Вина здесь не только самих художников киноплакатов, а (как выяснилось на одном из диспутов) и тех хозяйственных киноорганизаций, которые настаивали на таком пошлом оформлении плаката в целях рекламы. Тенденция здесь была «кассовая», а не классовая. Более талантливые мастера (бр. Стенберг, Родченко) прибегали к трюкачеству, давая эксцентрический плакат в конструктивно-эстетическом оформлении. Любопытнее всего то, что заказчик, приглашая художника выполнить плакат, давал ему только фотоснимок с кадра, не знакомя художника с фильмой в целом.

Буржуазные влияния отразились на нашем политическом плакате и в отношении самой трактовки темы абстрактно декоративным, условно стилизованным оформлением. Политический лозунг в таком плакате как бы существует сам по себе, не связан с общей композицией рисунка и не реализуется в изобразительной форме. Все эти установки заимствованы у западного капиталистического рекламного плаката. Почти всегда на переднем плане даны зазывающие фигуры с поднятой рукой, дано выпячивание вещи.

Социальный типаж — самое больное место в плакате. Между тем от правильной трактовки социального образа зависит сила воздействия плаката. Тот художник, который колхозника изобразил в виде палача, засучивающего рукава и готовящегося к какому-то ужасному акту в плакате: «Товарищ, готовься по-большевистски к ударному севу», — явно совершил политическую ошибку. Существует вредный трафарет изображать бедняков в виде каких-то пропойц, красноармейцев, трактористов — людьми-автоматами. В отношении изображений женщины плакатисты прибегают к лубочному или вульгарному типажу «народных» изданий или дают в фотомонтаже прорисованное по фотографии лицо киноактрисы.

И немудрено, что на одном из диспутов художник Моор, говоря о плакате к фильме «Наши девушки», где изображены были урод-

ливое лицо и фигура девушки, заявил, что это издевательство над образом нашей девушки, и предложил художникам запретить рисовать женщин или научиться изображать их по-настоящему. Женщину-бойца, нашего соратника на фронте гражданской войны и социалистической стройки, мы прозевали в плакате. Ежегодно в плакатах к 8 марта даем трафаретную фигуру ее с поднятой рукой или со знаменем в руке — и только.

Особое влияние оказали на плакат футуристы и экспрессионисты. Формалистические и эстетические тенденциии явились первостепенным делом. Художники этого лагеря, примкнувшие к плакату, здесь считали свое «я» единственной реальностью. «Мы ищем существенного,— говорят они,— но мы находим его в нашей личности, а не в чем-то вечном, трудолюбиво изготовляемом математиками и философии» (Глез и Мейценже, «О кубизме»). Внешний мир для них не существует: он ирреален, непознаваем. Утверждается возня с своими личными переживаниями, фантастическими вымыслами, недопустимое формалистическое искажение действительности.

Импресанонистические плакаты свет и цветность явились «главным действующим лицом» в плакате. Плакат «Комсомол — шеф электрификации» отвечает этой установке. На фоне голубовато-нежного тона выступает лицо комсомольца; вдали, в мираже, в безвоздушном пространстве, помещены фантастические крюки, изображающие какие-то строения. В ряде плакатов по технике безопасности труда эстетические тенденции затемняют технический и политический смысл плаката. Вот, например, в плакате «Бревно укладывай и скатывай правильно» мы не видим на плакате правильной укладки дров, но зато отчетливо выступает эстетически заостренная фигура ушибленного крестьянина с лицом Иоанна-крестителя.

Такого сорта плакаты ставят зрителя прямо втупик, настолько они непонятны и бесцельны. Плакат «Наш ответ вредителям и интервентам» в лучшем случае может быть назван мистическим. Изображает он какую-то жидкую белую массу, спускающуюся с неба на землю, в облаках изображено что-то в роде гамбургской колбасы с надписью «укрепление обороны». Жидкая масса распространяется по земле, заливая ее. Спасаются от этой массы выскочившие из-под нее меньшевики и кулаки. Все это изображено на грязновато-буром фоне, прорезанном белыми брызгами массы.

Плакат «Транспорт, не отставай» рисует группу больших паровозов и вагонов, битую тару (благодаря экспрессионистическому рисунку) и ставит зрителя втупик, затрудняет понимание, в чем транспорт должен не отставать. Таким же непонятным является и и формалистический плакат, выпущенный под маркой ОДН, «На штурм неграмотности», где за партами спиной к зрителю сидят розоватые оголенные фигуры, напоминающие эмбрионов.

Политически воспитывая массу, выступая в своих плакатах агитатором и пропагандистом, художник раньше всего должен заняться повышением своего политического уровня, освободиться от тех буржуазных и мелкобуржуазных воззрений, которые приводят к вывихам, к искажениям.

На повестке дня действительная перестройка искусства плаката, перестройка, обеспечивающая создание мощного орудия политической пропаганды,— пролетарский плакат.

НАША ТРИБУНА

И. Макарьев

ПУТИ ПЕРЕСТРОЙКИ[1]

Мне кажется, что некоторые товарищи, выступавшие в прениях, все-таки недостаточно поняли всю остроту поставленного перед нами партией вопроса о нашей перестройке.

В самом деле, как сейчас перед РАПП стоит вопрос? Просто и кратко положение можно формулировать так: нам с завтрашнего дня, после пленума, нужно начать в РАПП новую жизнь. Дело упирается во всю систему нашей работы, и эту систему нам надо порядком ломать. И правильное решение вопроса здесь будет только тогда, когда мы правильно нащупаем источники наших ошибок. Тогда мы наметим и правильные пути исправления этих ошибок, правильные пути перестройки всей нашей работы.

Есть ли в РАПП кружковщина? Да, элементы этой кружковщины имеются. Но о какой, о какого рода кружковщине идет речь? Да, в РАПП не изжито еще администрирование, которым нередко подменяется идейно-воспитательная работа. Но о каком администрировании идет речь? Идет ли речь о такой кружковщине и таком администрировании, которое выражается в бюрократических навыках, проявляемых в работе тем или иным товарищем, в его личных недостатках, идет ли речь о такой кружковщине, которая выражается в личных связях отдельных лиц и в их личной неприязни к другим? Конечно в какой-то мере у тех или иных работников РАПП есть и такие недостатки, но не в них суть. Если бы речь шла только о такой кружковщине, о таком администрировании, то перестройка РАПП была бы очень легким делом. Можно было бы просто снять этих товарищей, посадить других, менее бюрократических, и вопрос исчерпан.

Нет, вопрос здесь гораздо сложнее.

Может быть, речь идет о сознательном игнорировании директив партии, например, директив, которые РАПП получил нынешней весной в известной статье «Правды» от 19 апреля? Но тогда руководство РАПП прямо можно бы было обвинить в антипартийности. Нет, речь идет о такой кружковщине, которая связана с нашим прошлым, со всей системой нашей работы, которая мешала перестройке РАПП, несмотря на желание эту перестройку проводить.

В самом деле. Вчера еще мы были кружком, одним из кружков в пролетарском литературном движении. Целый ряд методов в нашей работе, оставшихся от кружкового периода, мешает нам работать. Вчера у нас, у кружка, были методы работы, которые являлись положительными, сегодня, когда мы переросли рамки кружка, эти же методы являются отрицательными. Вчера «Кузница», например, представляла собой в известном смысле враждебную нам организацию, вчера мы с ней боролись, а сейчас «Кузница» является частью нашего движения, и перед нами стоят задачи не борьбы с «кузнецами», а перевоспитания их, товарищеской работы с ними. Задачи другие, а методы работы кое в чем остались старые, кружкового периода.

Вот о какой кружковщине идет речь. Дело вовсе, следовательно, не в персональных качествах того или иного товарища, приводящих его к дружбе с одним, к неприязни к другому. Это конечно бывает, но не в этом существо дела. Речь идет о более глубоких, более серь-

[1] Стенограмма речи на V пленуме РАПП.

езных корнях кружковщины, и это всем нам надо как следует усвоить. Именно отсюда, от кружковых навыков, а вовсе не от личных качеств тех или иных товарищей происходит излишняя подозрительность, излишняя нетерпимость в отношении тех людей, с которыми мы раньше боролись, а сейчас работаем в одной организации. Нам на это правильно указывала партия. Само собой разумеется, что в драках идейного порядка, в драках за чистоту нашей литературно-политической линии, в драках за общерапповскую платформу такая нетерпимость полезна, и мы ее должны еще более усилить, но в пределах общерапповских установок нам эту кружковую нетерпимость надо решительно изжить.

Элементы администрирования, которые у нас есть, вытекают именно из навыков кружковой работы, а вовсе не из того, что тот или иной товарищ — зажимщик по натуре.

Сейчас мы представляем собой массовое движение, особенно выросшее в связи с призывом ударников, но навыки кружкового периода остались до сих пор. А одновременно, переходя от кружка к массовому литературному движению, мы недостаточно поняли характер и тип нашей организации как организации не государственно-административной, а идейно-воспитательной. Если кратко определить сейчас недостатки РАПП, которые нам надо немедленно изжить, то эти **недостатки в основном идут по линии сочетания остатков кружковщины с недостаточным пониманием теперешней роли РАПП как идейно-воспитательной организации.**

Все это отразилось на нашем уставе. У нас есть временный устав, не утвержденный пока ни съездом, ни пленумом РАПП. Выработан он в прошлом году. Кто его персонально вырабатывал, я не знаю. Но устав этот интересен тем, что в нем не нашла себе отражения специфика нашей организации как организации идейно-воспитательной. Устав этот переписан чуть ли не со всех существующих в стране уставов. Ряд пунктов (о членстве и т. д.) напоминает соответствующие пункты устава партии. Нам надо больше партийности во всей нашей работе. Но надо помнить, что мы — разные по характеру организации, и прямого перенесения, копирования методов работы быть не должно.

Идейно-творческий характер организации смазан. Подробно развиты пункты о приеме и исключении членов, о том, по каким инстанциям, вплоть до секретариата РАПП, все это проходит. Существует пункт об уплате членских взносов. Правда, ничего не сказано о членских билетах, но они прямо из этого устава вытекают. И на практике в ряде ассоциаций членские билеты существуют. Недавно, например, в секретариат РАПП заходит товарищ, говорит, что он рапповец из Тамбова, и предъявляет красную книжку, в коей удостоверяется, что он «действительно является пролетарским писателем». Это же курам насмех — удостоверение о том, что человек — писатель! О писателе должно говорить не удостоверение, а произведения, иначе, при теперешней массовости нашего движения, нам придется скоро организовывать специальный отдел единого рапповского билета. Конечно такой устав нам надо немедленно отменить.

Вот о каком администрировании главным образом идет речь, об администрировании, **вытекающем из непонимания самого характера нашей организации.**

Возьмем практику нашей работы. По какой линии идет администрирование? По той ли, что кто-либо из нас — Авербах, Фадеев или Панферов — администраторы по натуре, или оно вытекает из всей системы нашей работы? Да, оно вытекает из этой системы. Мы за последнее время начали превращаться в своего рода Главискусство. Возьмите заседание секретариата РАПП. Это нето заседание коллегии Наркомпроса, нето что-то в этом роде. Если просмотреть повестку любого заседания секретариата РАПП, можно увидеть, что целый ряд вопросов мы могли бы просто не обсуждать, потому что этими вопросами должны заниматься соответствующие советские организации. Какими вопросами мы занимаемся? Я хотел огласить на пленуме запись за один день из своей записной книжки, но слишком долго пришлось бы читать. Достаточно сказать, что этот день складывается в основном из звонков, хождений, из всякого рода представительств и заседаний.

Вот несколько характерных примеров того, чем мы принуждены заниматься.

Литературные вузы присылают нам свои программы по литературе для того, чтобы мы, РАПП, их утвердили. Конечно мы не дошли еще до того, чтобы на заседаниях секретариата РАПП утверждать эти программы. Но любопытно, что люди обижаются: вы, дескать, руководящая литературная организация, это ваше дело, как же мы без вас можем составить программу по литературе? Товарищи, а разве это наше дело? Каждый понимает, что

это дело Наркомпроса, что этим обязан заниматься Наркомпрос. Конечно и для нас небезынтересно, по каким программам будут преподавать литературу в том или другом вузе, но **мы должны заниматься этим вопросом в порядке общественного контроля, сигнализации, общественной проверки.** Иначе мы превратимся во второй Наркомпрос.

Возьмем Государственное издательство художественной литературы. Несем мы ответственность за положение там? Известную ответственность несем. Но вот, когда мы в РАПП бьемся над вопросом о том, как и кем нам заместить такие-то секторы в ГИХЛ, то я спрашиваю: а разве это наша задача?

Здесь опять слышатся недоуменные реплики. Это опять подтверждает, что не все продумали, в чем должна заключаться перестройка РАПП. А я считаю, что это не наша задача. Я считаю, что это задача тех органов, которые ведают распределением кадров в нашей стране. А какова здесь задача РАПП? Наша задача — так поставить дело, чтобы каждый руководитель любым издательством, в том числе ГИХЛ, знал, что для того, чтобы у него правильно пошло дело, он должен подобрать человека, защищающего рапповские установки.

Беда в том, что мы не только приучили к такому взгляду на нас, но и сами понемногу начали привыкать к своей новой роли.

Местные наши организации тоже не всегда правильно представляют, в чем им должен помогать секретариат РАПП. Если бы я вам показал, какие письма и телеграммы иногда получаешь с мест, то было бы и весело и грустно. У нас просят инструкций и циркуляров и обижаются, что мы их не посылаем. Какие инструкции, какие циркуляры—непонятно, ибо, как известно, мы обязаны заниматься писанием совсем иных вещей, и страна ждет от нас не инструкций и циркуляров, а романов, повестей, стихов и рассказов. Здесь сидят товарищи с мест. Я говорю это для них и думаю, что пора нам от этих «инструкций» и «циркуляров» отучиться.

Возьмем смежные области искусства: музыку, живопись, театр и т. д. Нужно ли, чтобы РАПП оказывал на них свое влияние? Конечно нужно, и влияние это еще слабо, недостаточно, его надо усилить. Но в каких формах должно выражаться это влияние? Пока что у нас каждая организация считает, что роль РАПП должна выражаться прежде всего в обязательном представительстве, в том, чтобы мы заслушивали всякого рода организационные вопросы, которые у них имеются, и т. д. В секретариате у нас сейчас лежат заявки от ассоциации фоторепортеров, художников и т. д. с просьбой, чтобы мы обсудили вопрос о их работе. Одним словом, РАПП превращается в какой-то департамент по делам искусства.

По Москве равняются и местные АПП. Если бы я зачитал вам протоколы наших местных ассоциаций, вы увидели бы, что часто на секретариате той или иной краевой ассоциации ставится 25 вопросов, и из них — ни одного творческого. (**Голос:** И у вас так же.) И у нас так же. Я и говорю, что вы с нас берете пример.

Тов. Ставский прав, когда говорит, что на творческие собрания никто из актива не ходит. Понятно, почему не ходит. Мешает ходить вот эта работа, не нужная нам, противоречащая характеру нашей организации. Именно отсюда надо ломать старые методы работы, иначе у нас не будет возможности развернуть настоящую творческую работу. **При такой системе работы целому ряду наших товарищей некогда ни учиться, ни писать.** И с ломки этой системы нам надо начать перестройку.

Надо нам крепко усвоить, что РАПП является не учреждением со всякими отделами, подотделами, бюрократической канцелярией и т. д., а что РАПП — **общественная организация.**

Но **какого типа** общественной организацией является РАПП? У нас много общественных организаций. Является ли РАПП такой организацией, как, например, Осоавиахим? Нет, не является. У нас совсем другой характер организации. Например, текучесть состава для нашей организации совершенно нормальное, а вовсе не отрицательное явление. Нам, например, совершенно правильно указывают, что когда в призыве ударников некоторые организации гнались за количеством, то это не плюс, а минус. И мы не по количеству членов расцениваем работу наших организаций. Если в какой-либо краевой АПП имеется тысяча человек ударников, но они хуже обслужены учебой, консультацией, творческой помощью и т. д., чем в другой организации, в которой насчитывается лишь 200 ударников, то мы всегда скажем, что первая организация работает хуже.

Я бы сказал, что у РАПП, особенно после призыва ударников, много общих черт с рабселькоровским движением. Но полного сходства здесь нет (у нас — организация, выборные

органы и т. д.). Мне кажется, что **тип нашей организации представляет какое-то сочетание такой научной организации, как, скажем, ОВМД, с таким** движением, как **рабселькоровское движение.** По линии приближения к такому типу организации и должна пойти наша перестройка.

Само собой понятно, что в центре нашей перестройки лежит подчинение всех форм и методов нашей работы вопросам мировоззренческой и творческой учебы, создание такого положения, которое, просто говоря, не мешало бы, а помогало писателю писать. Но означает ли это, что мы превращаем нашу организацию в простой **клуб писателей?** Мы объединяем писателей. Мы должны устраивать собрания, творческие вечера, обсуждать произведения, обмениваться опытом друг с другом, давать советы и т. д. Это хорошо, и этим нужно заниматься. Но остаемся ли **мы боевой организацией рабочего класса на литературном фронте?** Безусловно **остаемся!** Многие вопросы, о которых я выше говорил как о таких, которыми мы неправильно занимаемся, должны попрежнему стоять в поле нашего внимания, но все дело в том, что заниматься ими нужно по-другому. Мы должны заниматься ими в порядке общественного контроля, в порядке сигнализации, а не аппаратным путем, не на заседаниях.

Перестройка касается конечно не только РАПП. На нашем пленуме, являющемся пленумом ведущей литературной организации, надо всерьез поставить вопрос о перестройке всех литературных организаций. Тов. Батрак совершенно неправильно сделал, когда выступил здесь с речью, указывающей на недостатки **только РАПП.** Это конечно хорошо и полезно. Но т. Батрак не мешало бы сказать и о РОПКП, одним из руководителей которого он является. Не мешало бы сказать потому, что именно в РОПКП отставание гораздо больше, что там гораздо больше кружковщины, гораздо больше ошибок, и не только теоретических ошибок. Возьмите программную брошюру т. Батрака. Мне некогда на ней останавливаться, но там есть крупные политические ошибки. Просмотрите, кто определял за истекший год линию критического отдела «Земли советской». Возьмите такие события в РОПКП, как правооппортунистический прорыв в МОПКП, «цех индустриалов», брыкинщину в Ленинграде. Все это достаточно интересные вещи, на которых т. Батраку стоило бы остановиться.

Каждая организация должна понимать, что **сделанное партией указание РАПП о перестройке касается не только РАПП, но и всех других литературных организаций.**

Перестройка касается и всей работы ФОСП. **Надо превратить ФОСП в творческий, а не организационный центр.** Без этого мы не усилим творческих связей и творческого влияния на попутчиков.

При существующей у нас системе работы у нас начинает складываться особый слой людей, которые не являются ни писателями, ни критиками, основной профессией которых стала только организационная работа. Я считаю, товарищи, что в этом большая опасность для нашего движения, и таких «кадров» нам надо поменьше.

Каким образом нам перестроить нашу организационную работу? Основой здесь должно быть полное освобождение от организационно-заседательской суетни, постановка на заседаниях и собраниях **только творческих вопросов.** Заседания секретариата или бюро правления РАПП нам надо перестроить таким образом, чтобы разрешалось не 50 вопросов на одном заседании, а, может быть, один творческий вопрос обсуждался на трех заседаниях. Необходимо так перестроить всю систему нашей работы, чтобы вообще было меньше заседаний и чтобы основным типом наших заседаний были производственные совещания, опыт проведения которых весной мы недостаточно учли, не закрепили и не продолжили. В самое ближайшее время нам надо созвать опять и поэтическое, и драматургическое, и критическое совещания и совещание прозаиков для обмена опытом своей работы.

В самом деле, вот в Ленинграде попутчики выпустили сборник «Как мы пишем». А есть ли у нас, у пролетарской литературы, такой сборник? Такого сборника у нас нет. А такая книжка нам очень нужна, ее требует кружковец. Кружковец приходит и говорит: дайте мне Панферова, Серафимовича, Фадеева и т. д. не потому, что я хочу посмотреть на известного писателя, а потому, что я хочу, чтобы они рассказали мне, как они писали свои произведения, чтобы они поделились опытом своей работы. Вот для чего нам в частности нужны производственные совещания.

Совершенно правильна мысль о том, что всю производственную, творческую работу, являющуюся основной для нашей организации, необходимо снести в журналы, сделать журналы производственными центрами нашей организации.

Что получится при такой перестройке?

«Октябрь» — основной литературно-художественный журнал — должен превратиться в **центр творческой работы с выявившимися писателями**, должен их объединять, собирать вокруг журнала, должен с ними работать, вокруг журнала должна создаться подлинная творческая среда.

«Рост» — орган РАПП и московской организации. Этот журнал должен отвечать за всю работу с ударниками и руководить ею. Вместе с «Литературной учебой» «Рост» должен охватить всю работу с начинающим писателем вообще (учеба, консультация и т. д.). При журнале же должен быть создан кабинет ударников.

«На литературном посту» должен руководить критикой, собирать вокруг себя критические кадры, руководить рабочими критическими кружками.

«Пролетарская литература» — наш теоретический орган — должна превратиться в центр нашей научно-методологической работы.

«Красная новь» и «Литературная газета» — центры нашей работы с попутничеством.

Руководству литературно - художественной печатью должна гораздо больше уделять внимания «Литературная газета» (обзоры литстраниц, рецензии на журналы и др.).

В связи с огромным ростом запросов и требований к нам со стороны выросшего комсомольского читателя повышается удельный вес таких журналов, как «Молодая гвардия» и «Смена», которым с нашей стороны необходимо уделять гораздо больше внимания и которые вместе с литстраницей «Комсомольской правды» должны быть основными центрами нашей дружной совместной практической работы с комсомолом.

По этой же линии должны перестраиваться и местные ассоциации. Основной творческий центр — это **журнал, а не аппарат**. Местные организации мы будет оценивать не по исправности протокольных записей, не по количеству заседаний, не по количеству обращений и призывов, **а по умению создать товарищескую, нормальную обстановку для работы писателей, по умению создать творческую среду, по количеству конкретных произведений и статей, по количеству новых писателей, выдвинутых из рабочих, по тому, как сумели поставить журнал, как сумели наладить учебу ударников**. В наших связях с местными ассоциациями до минимума надо сократить всякие организационные дела, начиная от секретариата РАПП и кончая низовым литературным кружком.

Надо судить о работе той или иной АПП не по декларативным откликам, а **по производственной работе**. А то у нас получается такое положение. Вот прошлый пленум поставил перед организацией такие задачи, как показ героев, создание истории заводов, истории гражданской войны. Откликов в виде резолюций и деклараций мы получили целые горы, но во многих местах работа дальше этих резолюций не двинулась.

Не перестроившись, мы не создадим качественно новой, неизмеримо более высокой, чем прошлая, литературы. Качественно новая литература означает качественно новый тип писателя, означает качественно новые методы творческой работы. Именно в этом плане мы должны подходить к вопросу о творческой дискуссии и творческом соревновании. Что такое творческое соревнование в пролетарской литературе? Это **социалистическое соревнование, перенесенное в область искусства**. А это означает постановку вопроса о **коллективности в писательском труде**. Творческие группировки есть выражение этой коллективности. Поэтому нам нужно всемерное развертывание творческих группировок на основе нашей общей платформы. Поэтому нам нужно устранить всякие рогатки, мешающие их возникновению. Вот т. Авербах сказал, что пусть создаются тематические объединения. Раньше некоторые товарищи считали такой принцип создания групп неправильным. На первый взгляд, действительно, кажется странным, почему тематические творческие группировки? Но мы еще только влезаем в эту область, и никаких рогаток здесь ставить не нужно. Пусть в Донбассе создаются угольные творческие группировки, пускай при газетах тех или иных профсоюзов создаются творческие группировки, построенные по тематическому принципу. Практика показывает, что процесс уточнения установок и необходимая диференциация в группах будет происходить после. Вот в Смоленске создалась творческая группировка «Сквозная бригада». Создалась эта группировка как разрабатывающая колхозную тематику. Сейчас товарищи прислали из Смоленска очень интересное письмо. В процессе работы выяснилось, что один товарищ работает над заводской тематикой, товарищи начинают уяснять, что тематика может быть различной, но что они должны бороться за диалектико-материалистический метод при

любой тематике. Таким образом будет происходить процесс дальнейшего уточнения установок, и никаких рогаток мы здесь ставить не должны. Пускай у нас будут и тематические и жанровые группировки. Вот «Новая кузница». Ведь это по существу жанровая, очеркистская группировка, и ничего плохого в этом нет. Пусть даже будут группировки, основанные просто на личной дружбе. У нас часто говорят, что на основе личной дружбы нельзя создавать группировок. А почему нельзя? Ведь личная дружба предполагает и какую-то деловую близость. Пускай создаются и такие группировки, раз они в основу организации кладут общерапповскую платформу.

Партия выдвинула лозунг: **«Создать Магнитострой литературы»**. Нам надо понять, что так же, как без социалистического соревнования ударных бригад нельзя создать гиганта социалистической индустрии, каким является Магнитострой, так и без социалистического соревнования в искусстве нельзя создать «Магнитострой литературы».

Я говорил уже, что отсюда вытекает вопрос о коллективной работе. Особенно это относится к нашим **критикам**. Вчера многие из выступавших сильно били по критикам, упоминая имена. Но если мы говорим, что в писательской среде мало коллективной работы, то в отношении критиков мы должны прямо сказать, что здесь мы имеем дело почти сплошь с кустарями-одиночками. Коллективная работа здесь развита очень слабо. А между тем именно здесь для нее замечательные условия. У нас по журналам до сих пор еще много случайной» критики, критики конъюнктурной, критики бесплановой, критики-«однодневки», когда статья пишется перед самой сдачей номера газеты или журнала в набор. Зачастую критик пишет статью о произведении, над которым он как следует не работал, критикует изображение действительности, которую он сам не знает или знает очень плохо. Если уж где говорить о планировании и коллективной работе, то это в первую голову относится к нашей критике. В самом деле, почему у нас нет такого положения, при котором все критические статьи, идущие в журнале, обязательно бы обсуждались на коллективе критиков или писателей? Надо создать такое положение, чтобы любая критическая статья носила на себе след такой коллективной работы. Всерьез нам надо развивать рабочую критику, повернуться лицом к библиотекам, к читателю.

Важнейший вопрос, на котором я хочу еще остановиться, — это **вопрос о нашей совместной работе с комсомолом**. Меня немного удивляет то положение, что выступавшие в прениях товарищи очень мало внимания уделили этому вопросу. В самом деле, комсомол предъявил нам очень много требований. Я останавливаюсь на этом вопросе не только потому, что вот дискуссировали, значит, должны формально откликнуться, а то как-то неудобно. Не в этом вовсе дело, а дело в том, что, действительно, мы страшно отстали от тех требований, которые прдъявляет нам комсомол, что мы этот участок недооценивали.

А для нас этот вопрос тем более остро стоит, что на три четверти РАПП состоит из комсомольцев.

Речь идет не о декларативной, а о настоящей практической, деловой связи и совместной работе с комсомолом. После пленума нам надо сразу же приступить к этой практической работе. Она должна пойти в первую очередь по линии включения всех наших организаций, начиная с литературных кружков и кончая секретариатом РАПП, в тот **смотр комсомольской литературы**, который начат сейчас по инициативе «Комсомольской правды». Я участвовал на совещании при «Комсомольской правде» и должен сказать, что дело, которое она затевает, чрезвычайно полезное, что этот смотр еще больше усилит внимание комсомола к нам, усилит контроль общественности за всей нашей работой. То же относится и к выдвинутой комсомолом идее совместного смотра литкружков на производстве. Судя по сведениям с мест, уже сейчас происходит деловой перелом к совместной работе. В большинстве случаев наши организации встречают со стороны местных комитетов комсомола чрезвычайно хороший, деловой, товарищеский подход. Достигнутое в результате дискуссии сближение нам нужно закрепить не по линии деклараций (правда, в начале и декларации нужны), а по линии деловой работы. Нам правильно указали на наши ошибки. Это не всегда приятно, но было бы глупо для большевиков становиться в положение обиженного, тем более смешно питать какие-то реваншистские настроения ко всяким проявлениям, которые нам надо беспощадно бить. Надо понять, что мы становимся сейчас под постоянный контроль общественности и что это нам лишь полезно, ибо иначе мы как следует не перестроимся, иначе навыки прошлого периода не изживем.

Что мы получили в итоге того усиления внимания, которое проявлено к нам за последнее время со стороны общественности и в особенности в выступлениях комсомола и «Правды»? Сейчас каждому ясно, что это принесло нам большую пользу. Вскрылось много наших ошибок, уточнились наши лозунги, яснее стал путь. Сама перестройка нашей организации, вопрос о которой мы сейчас обсуждаем, есть результат этого внимания. **И лишь под руководством партии, при дальнейшем продолжающемся и усиливающемся внимании к нам и партии, и комсомола, и всей советской общественности мы действительно перестроим нашу организацию.** (Аплодисменты.)

А. Безыменский

СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ[1]

Товарищи, в чем смысл последних указаний партии, данных ею РАПП?

В том, чтобы, проводя линию партии в литературе, РАПП стала преимущественно производственно-творческой организацией писателей и чтобы идейно-воспитательная и творческая работа как по отношению к сформировавшимся писателям, так и к новым кадрам, пришедшим в литературу, стала основным содержанием ее работы.

В том, чтобы, борясь против всех отклонений от линии партии в литературе, борясь с главной, правой опасностью, с левацким вульгаризаторством, с идеалистическими и механистическими ошибками, со всеми видами и разновидностями оппортунизма, воспитывать кадры в духе ленинизма, в духе боевой большевистской партийности.

В том, чтобы развернуть большевистскую самокритику, творческое соревнование, создавая творческие группы и создавая большевистски товарищескую атмосферу вокруг работы творческих групп и отдельных писателей. В том, чтобы на этой основе помогать им в их работе в пределах той линии партии, которую РАПП проводит. Это нужно для того, чтобы мы добились огромного количественного и качественного роста нашей творческой и критической продукции. Для этого нужно решительно и категорически ликвидировать элементы групповщины, администрирования, зажима самокритики и командования. Но в первую очередь и всей РАПП, и ее руководству, и отдельным членам ее нужно раскрыть суть совершенных ими ошибок, чтобы сделать невозможным их повторение, воспитать на них организацию и жестоко бороться с их рецидивами.

Мы, РАПП, имеем руководство, которое, несмотря на совершенные им и отдельными его товарищами ошибки, подчас тяжелые ошибки, правильно вело РАПП в деле борьбы с различными уклонами от линии партии в литературе. Это руководство в частности жестко боролось и против моих литературно-политических ошибок. И, несмотря на многие перегибы и подчас недопустимые методы охаивания и дискредитации, о чем нужно и нужно, по-моему, говорить, боролось правильно.

Я был в «Литфронте». Эта группа создалась 12 августа 1930 г. С 19 августа того же года, в течение больше чем 3½ месяцев, я работал с бригадами «Правды» в Днепропетровске, на «Красном путиловце» и на Днепрострое. Я вернулся к моменту роспуска группы. Я выбросил вместе с товарищами двух двурушников, которые проникли в группу. Я участвовал в роспуске группы. Но разве я говорю это для того, чтобы снять хоть малейшую долю ответственности моей за ошибки? Нет, нет и нет. Несмотря на все это, я ответственен и перед партией и перед РАПП в том, что принимал участие в создании группы, которая с неправильных и вредных литературно-политических позиций атаковала руководство РАПП, противопоставляла себя РАПП.

Был ли блок беспринципным? Да, был.

---

[1] Стенограмма речи на V пленуме РАПП.

То, что в нем соединились Гельфанд и Горбачев, Беспалов и Родов, я и другие, соединились, не раскритиковав взаимно совершенные нами ошибки, было беспринципностью и взаимной амнистией.

Была ли деятельность группы «Литфронт» вредной? Да, была. И никакие наилучшие субъективные намерения, ни мои, ни кого бы то ни было, ничего не оправдывают. Несмотря на то, что подчас я не имел никакого отношения к отдельным теоретическим и практическим ошибкам отдельных товарищей, я несу полную ответственность за деятельность этой группы, о чем прямо и решительно заявляю.

Вам известно, что я долгие годы был связан с Горбачевым и Родовым. После роспуска «Литфронта» я не состоял и пока не состою ни в одной творческой группе. Я не работал ни с Горбачевым, ни с Родовым. Я заявляю о полном и безоговорочном разрыве с ними (аплодисменты) и о том, что вместе со всей организацией буду разоблачать совершенные ими литературно-политические и творческие ошибки.

Что касается до высказываний Горбачева, которые приводил в докладе Авербах, то напрасно некоторые товарищи по моему адресу устроили даже некоторую истерику. Я — большевик и никому не дам и, думаю, не давал права сомневаться в том, что вместе с партией и с вами, товарищи, дам жесточайший отпор этой ярчайшей вылазке против линии партии. Мы соответственно ее квалифицируем и заклеймим.

Теперь о творческой платформе «Литфронта». Поскольку эта творческая платформа, несмотря на отдельные и даже многие правильные указания и критические замечания, содержавшиеся в ней, была связана с вредной литературно-политической линией той же группы, я заявляю, что категорически отвергаю и то, и другое.

Товарищи, сейчас, когда обнаружены вылазки троцкистских элементов, их попытки исказить историю партии, их попытки проникнуть в другие области идеологической работы, растет опасность использования ими разоблаченных РАПП ошибок для атаки против партии и ее линии в литературе. Тем жестче вы и я вместе с вами будем с ними бороться.

Творческая платформа РАПП создается на основе указаний партии. Она организовывает, оформляет, суммирует весь творческий опыт всей пролетарской литературной организации. В процессе выработки платформы одни лозунги снимаются, другие уточняются, третьи выдвигаются вновь. Я в частности вместе со всем руководством ошибался в вопросе о лозунге «одемьянивания». Я в частности боролся против лозунга «срывания всех и всяческих масок» в том виде, как он впервые появился, с лозунгом в его расширительном толковании, и правильность этой борьбы подтверждена ЦО. После того как уточнения в лозунг внесены, я целиком согласен — и думаю, что проводил это в своей практике, — с лозунгом срывания всех и всяческих масок с классового врага, с его агентов и пособников. Я согласен с проблемой показа героев пятилетки, как она изложена в статье т. Мехлиса и в речи т. Косарева. Думаю, что это не расходится с мнением РАПП. И поскольку в процессе нашей коллективной работы уточнены или сняты теории и лозунги «непосредственных впечатлений», «действенный самоанализ», срывание масок, ермиловское понимание живого человека, одемьянивание, догнать и перегнать классиков, учеба у Толстого (так, как она отмечена в статье т. Мехлиса по формулировке т. Авербаха) и т. д., поскольку мы все будем работать над дальнейшим углублением и обогащением этой творческой платформы, я заявляю, что кладу в основу своей творческой работы письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии. На этой основе я буду защищать свои творческие взгляды, полагая, что своим творчеством представляю одно из течений в пролетарской литературе, в противоположность тем вульгаризаторам, которые все богатство и многообразие творческих устремлений в РАПП сводят к двум струям в ней.

В моей творческой практике были элементы схематизма и рационализма. Я буду бороться против них в своей творческой практике. Я прошу товарищей-критиков товарищески помочь мне в этом.

Вместе с тем я призываю организацию и в особенности критических ее представителей к уточненной и развернутой критике схематизма и рационализма. Схематизм и рационализм бывают разные. Я утверждаю, что произведение «Хлеб» насквозь схематично. Схематичность его в частности подчеркнута в речи Фадеева, которая была обещана нам не только в «Литературной газете», но и в отдельной брошюре. Но, к сожалению, эта речь «почему-то» не увидела света. Но схематизм «Хлеба» иной, чем схематизм в «Выстреле». Я утверждаю также, что произведение Либедин-

ского «Рождение героя» насквозь рационалистично. И надо это вскрыть со всей решительностью.

Схематизм бывает разный. Схематизм — это показ вещей и явлений без полноты раскрытия всех связей и опосредствований. Бывает схематизм и у товарищей-ударников, от их неумелости, от их неопытности. Но он резко отличается от схематизма произведений выявившегося писателя, где совершенно не случайно может проявляться схематизм. Я утверждаю, что есть схематизм художественно полнокровный, схематизм как художественный прием. Например, народный лубок. Я думаю, что в лучшем смысле схематичны «Михаил Топтыгин» Салтыкова-Щедрина, его же «Карась-идеалист», «Премудрый пескарь», «Ревизор» Гоголя, произведения Мольера, Свифта и т. д. При этом помните, что схематизм не всегда бывает «левым». Иногда схематизм бывает **правым.** Когда уверяют некоторые (что в нашей практике, политической и творческой, бывало), что «левый» уклон — это и есть правый уклон, тем самым они замазывают **именно правый уклон.**

Я пользуюсь случаем, чтобы сказать о полной неправильности теорий Кушнера. Ликвидация специфики искусства, ликвидация самого искусства, вытекающая из его установок, теория ненужности вынашивания произведений и особенно недостойная теория необходимости бездумности писателя — с этими его высказываниями я **никогда** согласен не был и **никогда** их не разделял. Я никогда не разделял и его анализа причин отставания, хотя, с другой стороны, боролся и буду бороться против объяснения отставания только разрывом между уровнем мировоззрения писателя и задачами эпохи.

Товарищи, я признаю ошибки. Сейчас никому из нас не позволено этого не сделать. В этом смысле и в смысле устранения элементов администрирования, необъективной критики, зажима самокритики и т. д. нам дано последнее предупреждение.

Прочувствовав все, я вам, как своим товарищам, говорю, что я ощущаю всю полноту ответственности не только за свои ошибки, но и за ошибки всей РАПП, за ошибки всего руководства и отдельных его товарищей, несмотря на то, что я жестоко боролся против многих ошибок этих.

Но кто, товарищи, привел меня к ощущению полноты моей ответственности? Вывод из секретариата РАПП? Нет, нет и нет. Сравнение меня с Пильняком, с Замятиным, обвинение в сознательном игнорировании классовой борьбы? Нет. Сравнение меня с прогульщиком, который прекратил пьянство и вернулся к станку? Нет. Тычки и зуботычины ретивых Чумандриных? Нет. Недостойные заявления, которые, кажется, здесь раздавались, что у меня зоологическая ненависть к РАПП и его руководству? Нет.

К ощущению полноты этой ответственности меня привела товарищеская, чуткая, принципиальная до последней черточки атмосфера редакции и коллектива «Правды». Помогли мне, товарищи, их критика, их указания. И если т. Авербах заявлял о том, что надо создать для творческих групп и для писателей атмосферу такую, чтобы у них не было желания оторваться, то надо сказать, что и он, и многие другие товарищи сделали максимум того, чтобы меня оттолкнуть и озлобить, а это, разумеется, никак не относится к принципиальной борьбе.

Это мешало и моей творческой работе.

Ну, как, товарищи, не могло помешать творческой работе то, что на завод «Борец» явились товарищи и заявили: на том основании, что Безыменского вывели из секретариата РАПП, требуем изъять его книги из библиотеки?

Я вообще, товарищи, был объектом невероятнейших нападок. Устраните, товарищи, такую атмосферу!

Но, товарищи, меня волнует не только это. А настоящая критика моих произведений была? Нет. «Трагедийная ночь» сопровождалась десятью месяцами замалчивания. Правда, были потом две статьи. Я не знаю вашего мнения о их качестве, но это не то, что нужно было, и каждый из вас может и должен признать это. Что же касается вообще моей работы, то, кроме всяких наскоков и обвинений в сознательном игнорировании диалектики классовой борьбы, была «трагедийная ночь молчания» вокруг моих произведений. И если мне кричали о том, что там-то и там плохое качество работы, то где это раскрыто? Разбора не было. Были крики. Это, товарищи, очень плохо и касается не только меня. На поэтическом фронте плохо дело обстоит, товарищи, плохо. О поэтах молчат, ими не руководят. Мне один поэт недавно сказал, что он видится с руководителями РАПП только на вечеринках. Это очень плохо, товарищи. (Из президиума: «Может быть, он только там и бывает?») К счастью, нет.

Тов. Авербах только что подбро... мне теорию утильсырья. Раньше она была отдана в нераздельное владение т. Панферову. Сейчас она подкинута мне.

Неверно это! Никогда и нигде я не утверждал, что нужны только лозунги, только эпиграммы, только песни. Вот одно из многочисленных моих высказываний: «Величайший вред принесет тот, кто будет противопоставлять один вид художественного оружия другому. Стихи, поэмы, романы, эпиграммы, новеллы, частушки, повести. Кто смеет сказать, что одно исключает другое? Смешон тот, кто на войне не пользуется и танком, и пулеметом, и наганом, и штыком».

Кажется, я в художественной практике писал не только эпиграммы и не только лозунги, хотя я могу сказать и теперь, что буду звать к тому, чтобы писались не только романы и поэмы, но и частушки, и эпиграммы, и лозунги. В этом сысле совершенно недостойно то, что сделал т. Авербах. Было в докладе такое место: Гитлер против большого искусства. Он говорит: «Давайте искусство дня — лозунги» и пр.

Так что же, разве те, кто говорит о лозунгах и т. д., кто за боевую поэзию,—фашисты? (Голоса: «Это передергивание».) Извините, товарищи, нельзя пользоваться гнилыми аналогиями и так раскрывать то, что говорил Гитлер. В противоположность утверждениям т. Динамова Гитлер воспользуется и Прустом в других обстоятельствах, чтобы отравлять сознание масс. А сейчас у него и его банды, как у штурмовой колонны империализма, большая потребность в атакующих лозунгах. Но разве нам на этом основании не нужно искусство дня? Гнилые аналогии пора оставить.

Я лично утверждаю, что я никогда не разделял теорию утильсырья. Я буду жестоко бороться против нее, считая целиком и полностью правильным лозунг, или, вернее, задачу, борьбы за большое большевистское искусство. В эту задачу входит борьба всеми видами художественного оружия.

Ощущая полноту ответственности за работу РАПП, я хочу помочь скорейшему и полному проведению директив партии. Да, я ошибался, я признаю свои ошибки, но как большевик я обязан и буду бороться за проведение линии партии и помогать осуществлению ее директив.

Касаясь доклада т. Авербаха, я должен сказать, что в нем не дано настоящего направления огня в свете директив партии. (Голос: «Правильно». Аплодисменты.)

Товарищи, кокетливые разговоры с Ермиловым никак не похожи на резкую критику его ошибок, которую требовала партия. Разве взят в штыки по-настоящему т. Динамов, который не только (по заявлению т. Авербаха) берет худшие стороны фричеанства и преподносит как перлы ленинизма, но и в статье от 7 ноября (из нее т. Авербах критиковал только одно место) наворотил гору ошибок, заявив в частности, что «ленинизм — основа классовой борьбы».

Товарищи, разве раскрыты ошибки Ермилова и Либединского? Разве раскритиковано «Рождение героя»?

А почему стыдливо умолчали о т. Селивановском, который в 1929 г. объявил констромольцев вождями и победителями поэзии и что Безыменский и Жаров перестали удовлетворять комсомол? Где теперь эти констромольцы? Впрочем я убежден, что т. Селивановский и вы все знаете и верите, что при всех обстоятельствах я и Жаров — свои, а не — враги. Но случайна ли ошибка т. Селивановского или нет?

Я уже говорил, что в вопросе одемьянивания я ошибался со всем руководством. Но вот т. Макарьев нашел всех инициаторов лозунга, кроме Авербаха. Почему т. Авербах исключается из самокритики?

Теперь о кружковом потворстве ошибкам.

Тов. Авербах заявил, что был блок с Щукиным и Гурштейном. А Гросман-Рощин? А Эльсберг и Берковский? Почему об этом умолчали? Что же, там был блок или нет? И какой блок, принципный или беспринципный, если до сих пор нет критики их ошибок, что отмечено и статьей «Правды»? Расскажите, нам интересно послушать.

Сказано, что повесть «Гугенот из Териберки» помещена в журнале «Ленинград». А кто редактор? Чумандрин!

Товарищи, нужно решительно разделаться с этой системой. Это одна из самых важных директив партии. Но она осуществлена в докладе Авербаха **более чем плохо.** Тов. Авербах говорил, что можно привести много примеров необъективной критики, но ни одного не привел. А как раз ЦК приказал делать упор на ее ликвидации.

Кстати, выдвинута странная **теория стихийности в делании ошибок и в борьбе с ними.** Эта теория находится в кричащем противоречии с нашими постоянными правильными

указаниями на ведущую роль мировоззрения. Тов. Авербах заявил, что «На литературном посту» был спровоцирован на лозунг «За плехановскую ортодоксию». А где ваше мировоззрение, т. Авербах? Оказывается, что, борясь с Беспаловым, т. Авербах боролся **тем самым** с деборинщиной. Тов. Авербах, боритесь с ошибками Беспалова, но стихийность и под сознательность борьбы через Беспалова с деборинщиной было бы много полезней заменить **сознательным** вскрытием, сознательной критикой плехановских и деборинских ошибок товарищей, жестокой критикой твоего, Авербах, заявления: «Укажите мне область идеологической работы, где не было бы влияния деборинщины», и в частности заменить **сознательным** рассказом о том, **почему прав** т. Мехлис в его статье (которую признает правильной т. Авербах), что меньшевиствующий идеализм — гносеологическая основа «Рождения героя».

Теперь, товарищи, о статье ЦО. Секретариат вынес постановление о том, что он признает целиком правильной статью т. Мехлиса. Тов. Авербах — наш ответственный секретарь. Почему же он в своем докладе допустил неуместные шуточки по адресу т. Мехлиса и прямые выпады против него? Недостойно это. Вредно это. Непозволительно это.

Кстати, товарищи. Секретариат РАПП вынес постановление о том, что он признает статью ЦО **целиком** правильной, а секретариат МАПП вынес постановление, что он признает ее **в основном** правильной. (Голос: «Это не так».) Совершенно так. Вы же грамотный человек, прочтите «Литгазету»! Тов. Киршон — член секретариата РАПП и секретарь МАПП. Какая же его ипостась признает статью товарища Мехлиса **целиком** правильной, и какая — **в основном?** Расскажите нам. Интересно будет послушать.

Я лично заявляю, что безоговорочно присоединяюсь к статье «Правды». Я призываю пленум не только к этому, но и к недопущению малейшей попытки ее дискредитации и тем более призываю к проведению ее директив.

Перед нами стоят грандиозные задачи перестройки. Возможно скорее надо найти методы и формы проведения этой перестройки в жизни. Нужно взять здесь решительные темпы.

В указаниях товарища Кагановича содержится много того, что должно лечь в основу нашей творческой платформы, в частности создание плана работы нашей организации, связанного с планом социалистического строительства. Развернув большевистскую самокритику, уничтожив элементы администрирования и командования, создавая творческие группы, создавая большевистски-товарищескую, большевистски творческую атмосферу вокруг них, целиком связавшись с боевой практикой партии, давайте работать, для того чтобы создать произведения, достойные нашей эпохи.

Борясь со всеми отклонениями от линии партии, борясь всеми видами идейного и художественного оружия за дело партии и нашего класса, создадим Магнитострои литературы!

А. Троицкий

ЗА МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ![1]

КОМСОМОЛ И РАПП РУКА ОБ РУКУ БУДУТ БОРОТЬСЯ ЗА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ДОСТОЙНЫЕ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

Почему РАПП отстал?

— Товарищи, уже стало азбучной истиной для всех нас (кроме, пожалуй, некоторых рапповских журналов, до сих пор еще выходящих в неперестроившемся виде), что дискуссия, происходившая между руководителями РАПП и «Литгазетой», с одной стороны, и между комсомолом и «Комсомольской правдой», с другой стороны, **принесла литературному движению большую пользу.** Смысл происходившей дискуссии заключается прежде всего в том, что старые формы, методы, приемы работы РАПП, слишком тесно связанные с пережитками кружковщины, вступили в резкое противоречие с новыми требованиями соцстроитель-

[1] Стенограмма речи на V пленуме РАПП.

ства, с новыми задачами, поставленными перед литературным пролетарским движением нашей партией.

Об этом говорят статьи ЦО нашей партии, подводящие итоги дискуссии (статьи тт. Мехлиса и Васильковского). Об этом говорит речь т. Косарева. Об этом говорят редакционные статьи «Комсомольской правды».

В итоге дискуссии с абсолютной ясностью выяснилось, что работать по-старому РАПП не может, что работать по-старому нельзя, и дело вовсе не в том, что товарищи из РАПП «перепрыгнули через ряд ступеней», забежали вперед, как это пытается кое-кто представить.

Дело в том, что товарищи из РАПП пока что опоздали, отстали, задержались в тенетах старой кружковщины, в тенетах старых методов работы, уже коренным образом не соответствующих тем большим, повышенным требованиям, которые предъявляют литературе партия, пролетариат и в частности массы комсомольской молодежи. Дело именно в этом. А тот, кто опаздывает, тот терпит ущерб, тот виноват, того бьют.

Чего не понимали в этой дискуссии многие товарищи из РАПП и о чем надо говорить — не для того конечно, чтобы свести какие-то мелкие счеты, которых не может быть между нами, а для пользы всего литературного дела, для укрепления нашего пролетарского литературного движения?

Товарищи не поняли новых условий, новых требований, создавшихся для пролетарского литературного движения. Пролетарское литературное движение идет в гору, растет, успехи несомненны. Полностью и целиком подтверждена правильность литературно-политической линии нашей партии, линии, осуществляемой в РАПП. Полностью подтверждена и оправдана непримиримая борьба с литературно-политическими отклонениями правого, левацкого и право-левацкого толка. Но всем этим ограничиться при анализе состояния пролетарского литературного движения ни в коем случае нельзя. Как раз дискуссия вскрыла то, **чего нехватало пролетарскому движению.** Пролетарскому литературному движению нехватало достаточного понимания **новых** условий, достаточной перестройки в соответствии с этими новыми условиями. Эти новые условия неразрывно связаны с бурным ростом культурных запросов и требований рабочего класса и трудящихся масс и с значительным, хотя и отстающим по сравнению с общим ростом нашего социалистического строительства, ростом кадров писателей, ростом и в количественном, и в качественном отношениях. В то время как для дальнейшего движения вперед надо было все более и более переносить центр тяжести работы руководства РАПП в области развертывания творческой дискуссии, в области разрешения проблем **творчества,** в области поворота лицом к самому литературному «производству», в это время товарищи из РАПП несколько задержались на пройденном этапе.

Чрезвычайно характерно, что товарищи из рапповского руководства, не поняв существа необходимого поворота, механически перенесли методы и приемы литературно-политической борьбы в сферу творческую. То, что оказывалось правильным и полностью оправданным в области литературно-политической, оказалось вредным и неприменимым в области творческого соревнования.

В области руководства творческой дискуссией возможны два вида ошибок. Одни ошибки — механическое перенесение характера, приемов, методов литературно-политической борьбы против всех и всяких отклонений от литературно-политической линии партии на творческую дискуссию, на соревнование творческих течений в пределах этой линии. Другого рода ошибки заключаются в либеральном отношении ко всяким антимарксистским тенденциям, которые неизбежно проявляются и не могут не проявляться в процессе творческой дискуссии, происходящей в условиях обостренной классовой борьбы.

Товарищи из РАПП в проведении творческой дискуссии не избежали ошибок обоего рода.

Товарищи из руководства РАПП почувствовали себя в творческой дискуссии одной из сторон, а не руководством, что уже совершенно неправильно. Отсюда проистекало у них недопустимое отношение к самокритике. Отсюда проистекала сдержка в развитии творческой дискуссии, отсюда появились элементы администрирования, наклеивания ярлыков и пр.

В то время как прежний этап работы хотя и требовал большого внимания к вопросам методологии, философии, но все-таки еще не подводил рапповцев вплотную и вглубь к этим проблемам, на новом этапе стало необходимым полностью овладеть высотами ленинской методологии, без глубокого проникновения в которую не удастся разрешить сложнейших творческих проблем. В нужной мере этого рапповское руководство не поняло, и потому

оно не сумело поднять нашу критику на тот уровень, на котором она должна была быть на данном этапе. И более того, оно в штыки приняло попытки товарищей с философского фронта войти в сферу литературной работы. Обнаружилось даже некоторое «стихийное сопротивление» той критике отдельных антимарксистских установок, которые проявлялись у некоторых товарищей из РАПП.

Конечно нельзя недооценивать той или иной ошибки Медведева, но надо задаться законным вопросом: почему только тогда, когда эти ошибки попадают в уста Медведева, их начинают разоблачать, а до тех пор, т. е. пока их делает т. Ермилов или Киршон, они остаются незамеченными в движении? Этот факт свидетельствует о том, что уровень критики внутри РАПП был еще чрезвычайно низок, не всегда принципиален и ни в какой мере не соответствовал важнейшим новым требованиям, новым потребностям социалистического строительства.

Далее, в то время как литературное пролетарское движение стало массовым, в это время товарищи из руководства РАПП продолжали работать сплошь и рядом теми же **кружковыми** методами, которые были присущи тому периоду развития литературного пролетарского движения, когда по сути дела налитпостовская группа была синонимом всего пролетарского литературного движения и помимо нее в литературном пролетарском движении не было сколько-нибудь крупной опорной базы для литературной работы нашей партии.

Сейчас движение стало более широким, более массовым. Методы кружковой работы уже не умещаются и не уживаются со всем характером пролетарского литературного движения. Между тем методы работы РАПП сплошь и рядом остались прежними, кружковыми. Отсюда неизжитая кружковщина, недостаточная привычка к критике, нелюбовь к критике. Отсюда сплошь и рядом извращение характера организации, превращение ее в административную организацию с увлечением методами администрирования вместо укрепления РАПП, прежде всего как литературно-воспитательной организации.

Уроки дискуссии

Итак, первый важнейший урок дискуссии заключается в том, что, несмотря на своевременные указания партии, товарищи из РАПП не сумели во-время и во всю ширь повернуться лицом к творческим проблемам, к существу творческого «производства», не перестроили в соответствии с этим своих рядов, запоздали, отстали, и за это их справедливо били.

Второй момент, который характеризовал отставание товарищей из РАПП, — это недоучет ими такого важного решающего нового обстоятельства, которое состоит в том, что миллионы пролетарских читателей и особенно молодежи приблизились вплотную к литературному движению и предъявили свои запросы, свои счета к литературе, тем самым реализуя лозунг партии, что литературное движение есть дело всех рабочих, всех трудящихся. Как опять-таки реагировали товарищи из РАПП на это новое обстоятельство? Они реагировали, как «жрецы чистого искусства»: не трожьте нас, не лезьте с неумытым рылом в нашу чрезвычайно тонкую, чрезвычайно специфическую (а, она, действительно, чрезвычайно тонкая и специфическая) область работы. «Не лезьте!» — вот как встретили этот процесс некоторые товарищи из руководства РАПП.

Именно по-барски подошли они к требованию комсомола, иногда, правда, по-либеральному, «сверху вниз», похлопывая комсомол по плечу (мол, поучитесь); иногда же просто по-барски пренебрежительно (не сломайте-де тонкого инструмента литературы!).

Это, несомненно, ошибка, недоучет нового обстоятельства. Конечно нам, комсомолу, надо настойчиво учиться, о чем я скажу позже. Но, с другой стороны, непозволительна, нетерпима и справедливо вызвала отпор со стороны комсомола та встреча, которая ему была оказана в литературном деле товарищами из РАПП.

Наконец **самый главный и основной** из уроков прошедшей дискуссии заключается в том, что роль художественной литературы как боевого оружия партии в деле социалистического строительства, как никогда, возросла. Это должно было быть учтено со всеми вытекающими отсюда последствиями и выводами. Литература — мощное орудие классовой борьбы и средство коммунистического воспитания масс. На данном этапе эта партийная роль художественной литературы особенно важна. Вот почему следовало бы с особой остротой поставить в РАПП борьбу против недооценки партийности нашей литературы. Вот почему надо бы было с гораздо большей остротой вытравлять те отдельные настроения и тенденции внутри РАПП, которые выражают недооценку партийности литературы, недооценку партийного руководства литературой. Между тем, вне всякого сомнения, этот момент в доста-

точной степени не был учтен в РАПП, в результате чего стали возможны уже отмечавшиеся в дискуссии всякие разговоры о какой-то особой «генеральной линии РАПП» (вместо генеральной линии партии!) или разговоры о напостовском руководстве, в то время, когда нужно было более резко подчеркнуть вопрос о партийном руководстве, и пр.

Я не хотел бы, чтобы товарищи поняли меня таким образом, будто нужно свести на-нет заслуги напостовской группы. Я думаю, что у нас нет и не может быть расхождений в оценке больших заслуг этой основной группы в РАПП. Я лишь подчеркиваю необходимость величайшей четкости и непримиримейшей борьбы с теми тенденциями, настроениями и элементами, которые выражают недооценку партийности художественной литературы и которые в условиях обостренной классовой борьбы не могут не возникать в массовой литературной организации.

Итак, подвожу итог. Дискуссия вскрыла, что руководство пролетарским литературным движением не учло:

1) **новых** требований, связанных с возросшим значением художественной литературы как партийного оружия в борьбе за социализм,

2) **новых** требований, связанных с необходимостью поворота лицом к творчеству, лицом непосредственно к писательскому «производству»,

3) **новых** требований, связанных с тем, что рапповская организация как литературно-воспитательная организация превратилась **в массовую** организацию,

4) **новых** требований, связанных с огромным культурным ростом пролетариата и трудящихся и вызванного этим поворота комсомола лицом к литературе.

Дискуссия, одним словом, вскрыла, что руководство пролетарским литературным движением перестроилось совершенно недостаточно.

Все эти моменты несоответствия в работе, в приемах, методах, формах и содержании литературной пролетарской организации с требованием периода социализма, требованиями данного этапа **вызвали и не могли не вызвать известной баталии, известной дискуссии между комсомолом и между товарищами из РАПП! Эта дискуссия сыграла крупнейшую положительную роль, и этого отрицать ни в коем случае нельзя.** (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.)

Поворот комсомола к литературе

Товарищи, нужно прямо сказать, что дискуссия сыграла положительную роль не только для литературного пролетарского движения, но и для нас — комсомола. Мы никогда не допускали какого-либо замалчивания наших собственных недостатков, какого-либо замалчивания наших собственных промахов, какого-либо замалчивания наших собственных ошибок. Этого никогда не было в нравах комсомола. Этого никогда не культивировалось в комсомоле, и на этом никогда комсомол не позволит воспитывать молодежь, ибо комсомол предан линии партии, предан делу партии и руководим партией. Вот почему мы со всей прямотой можем сказать, что в этой дискуссии с РАПП у нас были крупные недостатки. Во-первых, мы **позно подвинулись к литературному движению.** Нам нужно было раньше повернуться лицом к литературе. Вероятно, это было одной из причин того, что формы нашей дискуссии иногда страдали излишней остротой.

Отсюда вывод, что комсомолу нужно развертывать начатый поход в литературу, полнее занимаясь вопросами литературы, глубже в нее вникая и тщательнее изучая. Но в то же время комсомолу надо и повышать свой голос во всей практике литературного движения. Я думаю, этого права и обязанности от нас никто не сумеет отнять. (С места: «Наоборот, приветствуем!»)

Повторяю, дело шло не без недостатков и с нашей стороны, в частности не без отдельных промахов, которые были у нас в «Комсомольской правде». Мы ни в коей мере не хотим смазывать наших промахов, недостатков, ошибок, связанных с помещением двух статей т. Медведева, в которых содержался ряд грубых ошибок. Мы не хотим отрицать того, что в одной из наших статей дана неверная, не соответствующая действительности оценка т. Фадеева, оценка, страдающая явным преувеличением. Но как и вас, товарищи, нас главным образом все же интересуют не столько эти ошибки и недостатки, которые имели место в процессе дискуссии, как элементы, я бы сказал, второстепенного, наносного характера, как некая накипь, которая иногда бывает неизбежной в драке, хотя ее лучше избежать. Нас интересуют основные итоги. Нас интересует основное существо споров. Основа и само существо наших выступлений были правильны. Правильна была с нашей стороны критика недостатков в деле перестройки РАПП.

Правильна была с нашей стороны критика отдельных антимарксистских ошибок, совершенных некоторыми тт. из РАПП в вопросах творческого порядка. ЦК комсомола и редакция «Комсомольской правды» убеждены, что наша критика в вопросах перестройки, а также в вопросах борьбы с рядом антимарксистских установок, несмотря на частные промахи, указанные мною, была правильной. Я имею в виду, когда говорю об антимарксистских установках, также и ряд творческих, правда, иногда выходящих за пределы творческой дискуссии, положений, лозунгов и формулировок, связанных с вопросом некритического отношения к классикам («догнать и перегнать буржуазную литературу»), связанных с вопросом расширительного употребления лозунга срывания масок (срывание масок с объективной действительности вообще), связанных с культивированием в РАПП ошибочного лозунга «одемьянивания», а также с недостаточной критикой ряда ошибок т. Либединского.

Отдельные товарищи из РАПП говорят о том, что мы были правы будто бы лишь в организационных вопросах, а что в творческих вопросах мы-де были неправы. Этот разрыв при подведении итогов дискуссии — фальшивый разрыв, прикрывающий нежелание отдельных товарищей признать свои ошибки.

ЦК ВЛКСМ и редакция «Комсомольской правды» совершенно ясно представляли и представляют, что никакой особой, отдельной от литературного пролетарского движения творческой линии у комсомола быть не может и не было, что ЦК комсомола и «Комсомольская правда» не являются и не могут являться по самому своему существу какой-либо творческой группой. И если нам иногда приходилось выступать организованно — как ЦК и ЦО комсомола — по творческим вопросам, то это объясняется только тем, что ряд антимарксистских высказываний, ряд ошибочных установок не был в достаточной мере товарищами из РАПП разоблачен. Правильность наших выступлений по этим вопросам подтверждена авторитетнейшими выступлениями центрального органа нашей партии.

Рука об руку драться за полное осуществление указаний партии

ЦК комсомола и «Комсомольская правда» поручили мне заявить здесь товарищам из РАПП, что сработанность между комсомолом и РАПП может быть достигнута лишь на базе самой **глубокой принципиальности, на основе безоговорочного принятия и честного, последовательного осуществления указаний нашей партии по перестройке РАПП, по развертыванию в ее рядах самокритики, острием своим направленной против всех и всяческих антимарксистских установок в литературе и литературоведении.**

Именно отсюда вытекает задача при подведении итогов здесь на пленуме развернуть самую жесточайшую критику совершенных в РАПП ошибок, при чем не нужно заниматься пустыми заклинаниями, аллилуйщиной, декламацией по поводу совершенных ошибок — это никому не нужно. Не нужно заниматься и самосечением. Эти обе крайности для нас неприемлемы. Мы требуем большевистского отношения к своим ошибкам. Нам нужен разбор этих ошибок, глубокий анализ их, вскрывающий корни ошибок, объясняющий их. Нам нужно развернуть такую критику ошибок для того, чтобы воспитывать движение, чтобы его учить, чтобы предупреждать рецидивы отмеченных партией ошибок.

И задача проходящего пленума состоит прежде всего в том, чтобы не только декларировать об ошибках и недостатках, но и дать развернутую критику этих ошибок, чтобы на данном этапе нашу дискуссию завершить и двигаться дальше. Между тем налицо есть опасность фальши, опасность политиканства, опасность некоторой недоговоренности, а ее быть не должно. Мы с вами прекрасно понимаем, что такое массовое движение, каковым является РАПП, не может быть свободно от отдельных элементов, не понявших указаний партии, жаждущих в известном отношении какого-то реванша, и пр. Это выражается в частности в таких настроениях, когда не хотят полностью признавать и разоблачать ошибки, желают смазать уроки дискуссии. Против всяких элементов фальши, недоговоренности, против всяких элементов оговорок по отношению к указаниям партии мы должны с вами рука об руку очень жестоко бороться. Если бы мы допустили смазывание итогов дискуссии, смазывание партийных директив, то мы оказались бы неспособны выполнить те задачи, которые перед нами стоят. Я должен прямо сказать, что отдельные нотки, которые прозвучали в некоторых звеньях РАПП, в частности в последних номерах журналов, вышедших уже после дискуссии и после указаний партии, внушают ЦК комсомола, внушают редакции «Комсомольской правды» совершенно законные

опасения. Нам кажется, что методы работы «по-старому», которые применяются еще в рапповских журналах, могут послужить лишь элементами, затрудняющими совместную работу с комсомолом. Между тем мы от вас требуем — и думаем, что такого рода требование вполне законно, — совершенно ясного понимания, что без совместной работы РАПП с комсомолом невозможно разрешить задач перестройки литературного пролетарского движения, задач, поставленных нашей партией. Вот почему надо безжалостно изгонять и разоблачать всякие элементы, пытающиеся возобновить прошедшую дискуссию между РАПП и комсомолом, вместо того чтобы, подводя итоги этой дискуссии, двигаться дальше.

Я хотел бы здесь проиллюстрировать эти имеющиеся реваншистские тенденции одним примером. Недавно т. Кирьянов поместил статью в последнем номере (22) журнала «Рост», где буквально все авторы, пишущие и писавшие в «Комсомольской правде», подведены под рубрику литфронтовцев и лакировщиков (сюда попал и Овалов). На кого только не поспешил наклеить ярлыки не терпящий критики и жаждущий реванша т. Кирьянов! Я могу перечислить весь список. В частности в него попал т. Трифонов, член ЦК ВЛКСМ, выступивший лишь на тему о том, что нужно развернуть критику комсомольской очерковой литературы. За эту еретическую-де мысль он уже назван т. Кирьяновым лакировщиком и вульгаризатором. Если это называется перестройкой, работой по-новому и желанием работать совместно с комсомолом, то тогда что же называется, т. Кирьянов, фальшью, лицемерием и системой оговорочек? (Голос: «Он перестарался!») Очень жаль, что он перестарался, но будет еще более жалко, если подобное «старание» не встретит нужного отпора со стороны руководства РАПП. Мы требуем, чтобы такого рода методам был положен предел, так как они мешают совместной работе комсомола и РАПП. (Аплодисменты.)

Итак, товарищи, нет сомнений, что отдельные реваншистские настроения могут быть и есть в отдельных звеньях РАПП. Задача наша состоит, во-первых, в том, чтобы, будучи чрезвычайно принципиальными, борясь за принципиальную выдержанность наших позиций, устранять всяческие элементы, мешающие деловой контактной работе комсомола и РАПП.

Во-вторых, нам нужно — и на этом будет проверяться в значительной мере контактная работа комсомола и РАПП — обеспечить в самой практической работе дружные совместные выступления РАПП и комсомола. «Комсомольская правда» сейчас объявила развернутый смотр творческой продукции молодежных писателей. На этом смотре будет проверяться обоюдное желание совместной и контактной работы комсомола и РАПП. Творческий смотр литературно-художественной продукции, где отражены борьба, жизнь и быт комсомола и молодежи, должен принять широчайший размах. Он может принять широчайший размах только при вашем активном участии. Он может иметь успех только при том условии, если рапповское движение сверху донизу всерьез включится в эту работу и за этим пленумом последует практическая развернутая работа всего рапповского движения. Мы еще недооцениваем всего значения этого практического мероприятия, которое может вылиться в чрезвычайно большой акт, полезный и оздоравливающий многие звенья РАПП. Если буржуазная литература в угоду своему классу для воспитания молодежи в духе укрепления капитализма создала в литературе целую плеяду своих молодых героев, то ведь наша пролетарская литература к решению такой же задачи — задачи создания **нашего** молодежного героя — еще не приступила. Пусть издаваемая при «Огоньке» «История молодого человека XIX века» будет живым упреком пролетарскому литературному движению в том, как умела работать буржуазная и помещичья литература для воспитания молодежи в своем духе, и пусть это будет крупнейшим толчком для создания генеральных произведений, отображающих молодых героев нашего социалистического строительства, беззаветно борющихся под руководством нашей партии за социализм, — таких героев, таких собирательных типов нашего социалистического строительства, по которым будет равняться наша молодежь, на которых она будет воспитываться. В этом крупнейшая задача и того смотра, который мы начинаем. Смотр должен быть толчком, чтобы в недалеком будущем галлерея наших молодежных героев появилась на страницах пролетарской литературы.

Товарищи, наша совместная работа должна строиться на базе строго принципиального, самого добросовестного и последовательного проведения в жизнь указаний партии в деле перестройки РАПП на базе развернутой критики, непримиримой борьбы с антимарксистскими, антиленинскими тенденциями в литературе и литературоведении, на базе большой

практической совместной работы РАПП и КСМ. Наш контакт должен привести к тому, чтобы пролетарское литературное движение быстрее смогло осуществить ту путевку, которую партия вручила РАПП: «создать Магнитострой литературы», создать произведения, достойные нашей величайшей эпохи! (Аплодисменты.)

Гр. Грин

ЛИЦОМ К КОМСОМОЛЬСКОЙ ТЕМАТИКЕ[1]

Дискуссия с «Комсомольской правдой» и комсомолом должна послужить призывом за комсомольскую тематику, за литературу, достойную комсомола, за работу с комсомолом.

В процессе работы нашего пленума очень мало разговаривали по данному вопросу, а о нем нужно было говорить. Поэтому я хочу специально остановиться на работе РАПП с комсомолом. Почему комсомол выступил с требованием от РАПП литературы, достойной комсомола? Понятно. Нет хорошей художественной литературы о комсомоле реконструктивного периода, есть плохая, искажающая действительное лицо комсомола, принижающая значение комсомола в строительстве социализма. На этом участке работы РАПП за последние годы работал слабо. Почему? Элементы кружковщины, отставание с перестройкой работы мешали присматриваться и учитывать рост массы, выявлять те процессы, которые происходят внутри массы. Возьмите комсомол. Мы не заметили идейного роста комсомола, не увидели нового лица комсомола, которое Косаревым определяется так: «Большевистская стратегия и тактика классовой борьбы, большевистская принципиальность, выдержанность, преданность пролетариату, сочетание творческого размаха с суровой деловитостью — это лицо и стиль сегодняшнего комсомола».

В комсомольской литературе восстановительного периода, да и на сегодняшний день в литературе о комсомоле нет «сочетания гигантского творческого размаха и суровой деловитости», а это необходимо. Этого требует комсомол.

Я считаю, товарищи, что мы сейчас должны как следует заняться этой работой и сделать ее настоящим участком работы РАПП. До сих пор на пленумах везде и всюду мы говорили о комсомоле и необходимости работы над комсомольской тематикой мимоходом, а сейчас это будет одним из основных участков работы.

Большинство наших рабочих-комсомольцев, членов МАПП, работает над комсомольской тематикой, и это нас объединяет. Мы считаем эту работу трудной, особенно для нас, молодых, но при помощи комсомола и РАПП мы с этой работой справимся.

Сейчас перед нами стоит задача как можно быстрее выявить опыт тех писателей, которые работали раньше над комсомольской тематикой. У нас молодые ребята, которые этого опыта не имеют. Мы можем повторить те ошибки, которые были у некоторых писателей. Возьмем таких поэтов, как Безыменский, Жаров, Алтаузен и Молчанов. Несмотря на целый ряд их ошибок, они имеют громадный опыт в этой области. Из комсомольских прозаиков есть чему поучиться у Колосова. Колосов хватает действительность за корни, он выявляет те процессы, которые происходят в комсомоле, он выявляет причины идейного роста и т. д.

Партия и комсомол бьют по рукам тех, кто пытается противопоставить молодое поколение старшему. Мы должны рассматривать комсомол не оторванно от всей практики нашей партии и вообще пролетариата. Комсомол — это часть пролетарского общества, имеющая свою специфику. Мы говорим, что в РАПП есть специфика, в комсомоле она тоже есть, ее нужно учитывать.

---

[1] Стенограмма речи на V пленуме РАПП.

Творческий смотр комсомольской литературы поможет нам, молодым ребятам, членам объединения «Молодая гвардия», получить опыт работы старых кадров комсомольских писателей. Смотр покажет настоящих комсомольских писателей, не оторванных от жизни комсомола.

Несколько слов о показе комсомольцев — героев пятилетки. Эта задача очень большая и очень серьезная. Поэтому мы должны подходить к серьезной задаче по-серьезному, а не так, как подходит, например, издательство «Молодая гвардия», которое выпустило такую книгу, как «Бригада, отвоеванная у неполадок» — Гальперина Н. (книга о Лагуткине). Я знаю этого парня. Я учился вместе с ним в ФЗУ. Это был такой забулдыга, каких на свете мало.

Гальперин должен был показать рост парня, как действительность переделала его в настоящего ударника, в самого лучшего ударника-комсомольца у нас в Союзе.

Гальперин об этом ничего не сказал. Он показал только хорошие качества, да и то плохо.

Сюсюканье, лакировка, а отсюда и ошибка, которую он совершил в «пылу» восхищения ударником.

В этой книге есть политическая ошибка. Гальперин, показывая ударника Лагуткина, пишет: «1928 год — лучший год в моей жизни, — любит рассказывать Ваня Лагуткин, — первый год моей работы на этом заводе. В железнодорожном депо имени Ильича, да и на лесопильном заводе, мне было тесно. Меня вечно преследовал производственный зуд. Своя мастерская, свой завод были маленькими, изученными. Тянуло на новые места». Здесь Лагуткин почувствовал себя на месте.

У нас на заводе старики говорят: если пройдешь 20-30 заводов, то будешь хорошим мастером.

Я считаю, что развивать такую идею в книге — это значит агитировать за «летунство», а мы боремся за закрепление рабочей силы на заводах до конца пятилетки.

Это только одна из книг, которые неправильно показывают комсомол, его лучших членов, людей, которые понимают, что значит «сочетание гигантского размаха с суровой деловитостью». Нужно бороться за правильное отображение комсомола в пролетарской художественной литературе.

КРИТИКА

Г. Бровман

„ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ" В РОМАНЕ БУТКОВСКОГО

ЗАМЕТКИ О „ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТОМ" [1]

1

«Одно из самых замечательных завоеваний колхозного движения,— говорил т. Сталин на XVI партсъезде,— состоит в том, что оно уже успело выдвинуть тысячи **организаторов** и десятки тысяч **агитаторов** колхозного дела из **самих крестьян**. Теперь уже не мы одни, квалифицированные большевики, а сами крестьяне из колхозов, десятки тысяч крестьян, организаторов и агитаторов колхозного дела, будут нести вперед знамя коллективизации. А крестьяне-агитаторы являются замечательными агитаторами колхозного движения, ибо они найдут такие аргументы в пользу колхозов, понятные и приемлемые для остальной массы крестьян, о которых мы, квалифицированные большевики, не можем даже мечтать».

В романе Бутковского есть такой эпизод. Сагитированные кулаками и их агентурой колхозники собираются у коллективной конюшни, для того, чтобы обратно «разобрать» своих лошадей.

Аргументация наступающих не отличается сложностью или замысловатостью:

«— Коней морите...

— Нарочно... чтоб в армию шкуры на сапоги...»

Воинственная толпа напирает на конюшню, и «чужие злые лица» готовы ликвидировать завоевание бедняцкого актива Вшивихи, организовавшего в деревне крепкий колхоз. Очевидно, в такие моменты трудно действовать по отношению к наступающим общеизвестными и на других опытах, может, проверенными методами. И поэтому втупик становится большевик, окружной работник Заруцкий, проводящий на селе коллективизацию и достаточно владеющий способностью организовывать массы и руководить ими.

На сцене появляется Пантелей Нилыч Радостин — председатель правления и большой энтузиаст коллективизации.

«— Ладно,— сказал он совершенно бесстрастно, беря у конюха ключ.— Будь по-вашему... Только пускай конь сам решает, куда ему итти».

Затем председатель отпирает ворота и выводит свою «серую, с белой звездочкой на лбу кобылу».

«— Знаете, сукины дети, как она у меня дома жила?

— Ну как же, Пантелей Нилыч... — сказали кругом негромко и вразброд.— Жила в уходе, чего лучше...»

С «решительным видом» ведет Радостин свою лошадь на улицу.

«За ним двинулись молча, плотной жаркой стеной, обгоняя друг друга и проваливаясь в рыхлом, оттепельном снегу».

Радостин поит лошадь и затем говорит ей «громко и строго»:

«— Ну, а теперь ступай, где тебе лучше!

Кобыла посмотрела на него и тихонько пошла к раскрытым знакомым воротам. С черного крыльца, накидывая на бегу платок, выбежала Радостина, понявшая все.

— На, Серка! На! — крикнула она, лихора-

---

[1] Георгий Бутковский, Девятьсот тридцатый, роман. Журн. „Молодая гвардия", 1931 г., №№ 3—16.

лочно протягивая лошади кусок хлеба.—Иди домой! — Кобыла, остановясь у ворот, задумчиво глядела на хозяйку, поводя ушами и словно что-то соображая. Потом тихонько повернулась и сначала шагом, а потом переходя на ленивую рысь, уверенно потрусила к колхозной конюшне. Тихо и протяжно ахнули и сразу же весело и беспорядочно заматерились мужики».

Так демонстрирует передовой колхозник, один из организаторов и агитаторов колхозного дела, преимущества колхозного хозяйства. И так одновременно демонстрирует Георгий Бутковский некоторые черты своего творческого лица.

2

Процесс отбора объектов художественного творчества определяется классово-идеологическим устремлением автора. Выбор того или иного предмета изображения на данном историческом этапе уже является некоторым свидетельством об уровне мировоззрения писателя. Но дело не только в том, чтобы взять актуальную и боевую тему. Нужно еще суметь в этой теме ухватиться за ряд решающих и ведущих звеньев, которые в настоящий момент определяют все движение событий в теме.

Мы потому уделили так много места и времени приведенному выше эпизоду, что считаем его в тематическом плане чрезвычайно характерным для всего творчества Бутковского, поскольку оно представлено его последним и наиболее крупным произведением — «Девятьсот тридцатый».

Этот эпизод свидетельствует именно о том, что автор в теме ищет отдельные наиболее значительные элементы, которые не только помогают шире развернуть показ действительности, но и сейчас сами по себе являются важнейшими в кругу фактов и явлений изображаемого.

Что же является темой романа Бутковского?

«Девятьсот тридцатый» — в этом уже часть ответа.

Широко разворачивается большевистская борьба за социалистическую переделку сельского хозяйства. Невиданное в мире развернутое наступление социализма на сложившиеся сотнями лет патриархально-собственнические отношения деревни увенчивается огромными успехами.

Под руководством партии революционный рабочий класс — строитель социалистического общества — вместе с передовыми бедняками героически борется за коллективизацию сельского хозяйства, за ликвидацию кулачества как класса, за массовую переделку мелкособственнической крестьянской психологии.

Перед нами роман о «массовом колхозном движении миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 года и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны» (Сталин). В романе победы и поражения в ожесточенных боях на фронте коллективизации, взлеты и падения энтузиазма колхозников, успехи и трудности в борьбе с устоями многолетнего рабского существования.

Такова большая и сложная тема произведения. Развернуть в художественном творчестве эту грандиозную картину можно, только отчетливо видя ее основные и решающие факты. И эти факты, будучи поставлены в центр повествования, помогут автору удовлетворительно разрешить важнейшие идеологические проблемы изображаемых событий. В основных и решающих фактах определенной действительности легче раскрыть все ее закономерности. Такой путь не обеспечивает безусловно правильного идейного развертывания темы, но все же в огромной степени этому содействует.

Бутковский стал на такой путь. Событие у конюшни хотя и играет в романе совершенно незначительную роль, тем не менее ярко характеризует правильные тематические искания Бутковского. Показать крестьянина-агитатора колхозного движения, при чем показать, как он находит «понятные и приемлемые для остальной массы крестьян аргументы» (Сталин),—такова в данном случае небольшая задача Бутковского. Этих небольших задач у Бутковского не мало, на них он развертывает повествование, организуя его вокруг основной для всего романа и самой по себе важнейшей проблемы—перегибов и искривлений в колхозном строительстве. Это, собственно, и представляет идейно-сюжетный стержень романа. И здесь автору нельзя отказать в актуальной и волнующей тематической направленности. Вопрос о перегибах в колхозном движении и борьбе с ними — это по существу вопрос о сущности колхозов, этих ячеек социализма в деревне, это вопрос о понимании ленинских взглядов на

коллективизацию, вопрос о политике коммунистической партии в деревне.

3

Нельзя не приветствовать участившиеся за последнее время попытки пролетарских писателей поставить в своем творчестве важнейшие партийные проблемы. Не говоря сейчас о произведениях, так или иначе затрагивающих вопросы партийной жизни (а таких произведений довольно много), мы можем уже отметить ряд произведений, непосредственно посвященных партии, ее борьбе за ленинскую линию в строительстве социалистического общества. И это конечно не случайно.

Роль и значение коммунистической партии в грандиозной революционно-преобразующей деятельности пролетариата неизмеримо велики. Всемирно-исторические процессы социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, ликвидации остатков капиталистических элементов происходят в нашей стране под боевым руководством большевистской партии, являющейся «высшей формой классового объединения пролетариата» (Ленин). Партия объединяет все массовые организации пролетариата и направляет всю деятельность класса к великой цели — строительству социализма. В системе диктатуры пролетариата партия является основным руководителем и организатором. Отсюда понятно, какие большие задачи встают перед художником, пишущим о партии, и как велики трудности этой работы.

Художественно отобразить партию — значит показать ее как неразрывную часть рабочего класса, как его наиболее передовой и организованный отряд. А это в свою очередь означает необходимость показать, что история большевистской партии — это история борьбы и побед рабочего класса. Путь партии — это путь пролетариата, строящего социализм.

Все многообразие нашей революционной действительности, все наши огромные хозяйственно-политические успехи должны в той или иной степени, в том или ином разрезе войти в постановку и разрешение проблемы художественного отображения партии. Это, нам думается, не может вызвать возражений.

Особенно важно показать партию как «оплот против разъедающих влияний мелкобуржуазной стихии и мелкобуржуазных привычек» (Сталин), как «единство воли» в борьбе против классовых врагов, против всяческого оппортунизма и фракционности, в борьбе, в которой партии обеспечена «самая полная и беззаветная поддержка всей массы рабочего класса» (Ленин).

Идейно-художественно раскрыть эти значительные общественные факты и процессы конечно может только пролетарский художник, находящийся на высоком уровне мировоззрения. Только писатель, могущий диалектически осознать и глубоко осмыслить величайшие события и социальные сдвиги, происходящие в нашей стране, окажется способным развернуть в своем художественном творчестве все многообразие проблемы партии.

Если обратиться в плане этих больших задач к уже вышедшим произведениям, посвященным партии, то их неудовлетворительность станет сразу же очевидной.

В самом деле, какова глубина идейно-художественного раскрытия «крушения» оппозиции, например, в романе Исбаха? В центре романа интеллигент Бойцов, который довольно примитивно показан «обожествляющим противоречия», при чем «противоречия» эти показаны не как глубокие противоречия определенной социальной группы, обусловленные ее классовой принадлежностью, ее положением в общественно-производственном процессе, а как «внутрииндивидуумное борение» Дмитрия Бойцова. Этот образ не дан в своем социально-классовом содержании и потому художественно не оправдан, не развернут и далеко не разоблачен, как не разоблачены (что было особенно необходимо) ярые троцкисты группы Нейштадта и их вождь. Автор не пошел здесь дальше поверхностного «описательства», отчего объективный смысл этого изображения местами приобретает явно вредный характер. Не вскрывает также социальных корней оппозиции и Озалов в «Ловцах сомнений», и потому мы у него не находим правильного отображения смысла, форм и методов борьбы партии с оппозицией. И здесь мы сталкиваемся с объективными извращениями действительной сути вещей.

Не имея сейчас никакой возможности подробно разбирать эти два романа (вследствие чего мы не отмечаем и имеющиеся в них положительные моменты), мы хотим лишь в общем виде отметить, что неуменье глубоко осмыслить изображаемые авторами явления, непонимание (или недопонимание) ими действительного социально-классового существа событий приво-

дят их к несомненным идейно-художественным неудачам. Неуменье правильно подойти к разрешению вопроса о художественном отображении партии бесспорно свидетельствует о мировоззренческих недостатках авторов, которые именно в процессе разрешения этой проблемы особенно ярко вскрываются.

Можно ли назвать произведение Бутковского романом о партии? Положительный ответ на этот вопрос внесет необходимую определенность в методы критического рассмотрения романа и оправдает сравнение его с «Крушением» или «Ловцами сомнений», которые принято считать романами о партии.

Если на минуточку предположить, что роман о партии должен быть посвящен исключительно внутрипартийному положению или отдельным собственно партийным проблемам, то конечно Бутковский такого романа не написал. Но возможны ли по-настоящему такие произведения о партии вообще? Да и существуют ли такие проблемы? Нам думается, и это мы пытались обосновать выше, что подлинно большевистский роман о партии — это произведение, берущее важнейшие партийные вопросы, как вопросы революционной борьбы и победы рабочего класса в строительстве социализма, и рассматривающее наши успехи на всех фронтах хозяйственно-политического строительства как успехи марксизма-ленинизма, достигнутые под руководством партии. В таком произведении должен быть жестоко разоблачен классовый враг и его вольная или невольная агентура в свете того огромного опыта борьбы, какой накопила ленинская партия.

Развернуть в художественном творчестве основные и ведущие идеи нашего времени — значит развернуть их как идеи коммунистической партии.

И здесь начинается различие между Бутковским и, например, Исбахом. Не касаясь сейчас вопроса о том, насколько справился автор «Девятьсот тридцатого» со своими задачами (об этом речь будет дальше), надо уже отметить, что понял их он совершенно справедливо и именно так, как следует пролетарскому писателю понимать задачу отображения героической борьбы и работы партии на фронтах социалистического строительства.

Проблему коллективизации сельского хозяйства Бутковский берет как проблему политики и практической работы партии в деревне и рассматривает левацкие перегибы в коллективизации как искривления и извращения генеральной линии партии. Поэтому можно назвать «Девятьсот тридцатый» романом о партии, причем задуманным партийно. Бутковский действительно гонится за тем, чтобы правильно передать общественный смысл изображаемых им явлений» (Плеханов), и это нельзя не приветствовать.

Основные и важнейшие звенья изображаемого автором процесса в плане поставленных им себе задач также выбраны правильно. Однако оказался ли Бутковский на таком идейно-художественном уровне, который позволил бы ему подлинно диалектически вскрыть в произведении всю многообразную цепь фактов и явлений отображаемой им действительности?

Ответ на этот вопрос и составляет одну из задач статьи.

4

Действие разворачивается в «округе бескрайных лесов и болот». Очевидно, в этих местах коллективизация сельского хозяйства должна была быть закончена к началу или середине 1932 года, а может, и позже. Однако конец 1929 года и начало 1930 года дали настолько удивительные цифры, что их следует привести полностью:

10/XI—1,4%, 15/XII—9%, 1/I- 20%, 10/I—25%, 20/I—28%, 1/II—50%, 10/II—60 %, 15/II—78%, 10/II—85%, 5/II—86%, 75/II—89%, 1/III—93%.

Темпы действительно сногсшибательные. И не нужно сейчас обладать большой прозорливостью, чтобы быстро и правильно понять ситуацию. В округе царило бешеное «головокружение от успехов».

Мы встречаемся здесь с чиновничьим декретированием коллективизации, с бумажными колхозами и с попытками перепрыгнуть через важнейшие ступени колхозного движения — со всем тем, против чего в свое время выступил т. Сталин и против чего ЦК партии вынес ряд специальных постановлений.

Автор хочет показать в романе, как постепенно назревали дела загибщиков, как убыстрялось головокружение местных работников, какие формы загибы принимали и к каким результатам вели. Перед нами затем попытка показать, как вырастает, основываясь на диалектико-материалистическом познании объективной действительности, политика коммунистической партии и как в то же время не по-ленински, антипартийно действуют некоторые группы иногда увлекающихся, теряющих поч-

ву реальности под ногами и сползающих на левацкие, «полутроцкистские позиции работников».

Как же однако видит автор отдельные загибы, как представляет себе и показывает их внешние формы, как понимает их социальную сущность, их классовую обусловленность и какими наконец идейно-художественными методами их разоблачает? «Загибают» в округе разнообразно.

«Уполномоченный района», бывший красный партизан Пужаев (фамилия-то сама чего стоит! — происхождение ее от глагола «пугать» несомненно), имеющий «восемь ран в грудях», появляется для проведения коллективизации в деревне Бегуново-Прудище... ночью. Ночью же в экстренном порядке он созывает собрание крестьян, на котором и ставит вопрос об организации колхоза.

«Мужики вздохнули и шушукнулись. Пужаев помолчал и прибавил, повысив голос:

— При несогласии же деревня объявляется контрреволюционной, и будет ей экономический бойкот, т. е. беднота лишится гарнцевого сбора. Ну, тяните руки выше!»

Затем, когда это не действует, он изменяет формулировку:

«— Кто против советской власти?» Никого...»

А потом:

«— Ну, вот видите... А кто за вступление в коммуну?» Опять никого...

Оказывается, что и это не действует, и наш бравый «организатор» вынимает наган... В результате... колхоз организован.

Районный земельный отдел рассылает по сельсоветам приказ, в котором предлагает «немедленно провести обобществление всего скота в колхозах, как крупного, так и мелкого: овец, свиней, всех отраслей, вплоть до кур, на 100%»!

Не отстает и комсомол. «Боевой штаб» районного комитета комсомола в «совершенно секретном приказе № 1» категорически предписывает всем ячейкам перестроиться в боевые отряды и провести «стопроцентную коллективизацию», «стопроцентное обобществление» и т. п., вплоть до «стопроцентной ликвидации кулачества как класса» «к 1 марта».

Не лучше обстоит дело и в райкоме партии. Секретарь райкома Трохин на заседании бюро райкома в присутствии секретаря окружкома совершенно серьезно сообщает:

«— Товарищи!.. Коляскин доносит, что в 6 часов 35 минут утра его участок коллективизирован на сто процентов!..»

А затем он «радостно» обращается к секретарю окружкома Чельцовой:

«— Слыхала? Не спим, работаем...»

Так конкретизируется в определенных фактах искривление партийной линии в колхозном строительстве.

Что преследовал автор таким изображением левацких искривлений? Очевидно, для того чтобы разоблачить и обнаружить всю уродливость такой политики, Бутковский доводит изображение загибов до предельной остроты, граничащей с пародийностью. Однако он подает так не отдельные факты перегибов, имеющие место; между прочим, так изображаются все (или почти все) извращения партийной линии, и картина поэтому приобретает объективно характер, отличный от того, какой хотел придать ему автор. Оказывается, что все эти перегибы либо явно творятся руками взбалмошных, идиотского типа работников, либо просто принимают такие парадоксальные формы, что о нормальности их творцов следует серьезно призадуматься.

Бесспорно, имели место перегибы и были перегибщики унтерпришибеевского толка, но отсюда далеко не следует, что нужно упорно изображать все искривления, т. е. развертывать всю картину перегибов именно в таком держимордовском, подчеркнуто уродливом виде.

Какие же тут собственно можно искать социальные корни, если все рассмотренные нами факты оказываются в своей закономерности явлениями прямо-таки патологического порядка? На одних «придурковатых» и дурашливых далеко не уедешь! Больше того, чудаки и тупицы и подобные им вершители колхозных дел, как ими они объективно получаются у Бутковского, уводят нас от правильного разрешения неплохо поставленной проблемы.

Такой показ перегибов и перегибщиков совершенно лишает возможности вскрыть социальную обусловленность и объяснить действительные причины искривлений и их подлинный смысл. А без этого немыслимо правильное изображение ни партийной борьбы с перегибами, ни политики партии в деревне вообще.

Так обнаруживается первый серьезный провал Бутковского.

Правильно схватив типичное и основное в перегибах — головокружение от успехов, он схематично и неоправданно пародийным показом этого отрезывает себе путь к объек-

тивному раскрытию всего процесса. В чем причина этого?

Оставив сейчас вопрос о том, насколько четко и полно во всем их многообразии представляет себе автор ряд других процессов, связанных с социалистической переделкой деревни и политикой партии в ней, насколько глубоко и обоснованно он их в произведении раскрывает, мы можем сейчас отметить, что, несмотря на действительное стремление Бутковского правильно разрешить этот вопрос, несмотря на достаточно отчетливое уяснение себе задачи, это ему не удалось.

Автор оказался неспособным спуститься в глубь явления, разложить его в процессе изображения и показать, откуда, что и куда растет. Умея отбирать из группы проблем определенного характера ряд основных и ведущих, он однако в их раскрытии, осмыслении и конкретизации не оказывается на достаточной идейно-художественной высоте.

Так мы вплотную подходим к уяснению одного из важных вопросов марксистско-ленинского литературоведения—к вопросу о единстве боевой, политически актуальной тематики и высокого уровня мировоззрения — единстве, могущем обеспечить создание произведений, отображающих реконструктивный период и находящихся на большой идейно-художественной высоте.

Не только выбор темы произведения и постановка отдельных актуальных проблем в нем определяют его общественную ценность, но (что тесно связано с этим) отношение автора к изображаемым явлениям, его мировоззренческий уровень, его умение идейно-художественно раскрыть социальное содержание темы, что во многом обусловливает и ее выбор и значение произведения в социалистическом строительстве и классовой борьбе.

Создать произведения, достойные нашей эпохи, овладеть тематикой периода реконструкции сможет только художник, обладающий высоким мировоззрением. Эту очевидную истину следует пролетарским писателям усвоить в первую очередь.

5

Все эти замечания относятся не только к роману Бутковского, но в еще большей степени к вскользь упомянутым произведениям Исбаха и Овалова. Для всех этих авторов в общем характерен не соответствующий подымаемым ими проблемам уровень мировоззрения.

Дальнейшее рассмотрение важнейших образов «Девятьсот тридцатого» подтверждает наши соображения.

Особый интерес для нас представляет еще один образ романа. К нему автор хочет протянуть все нити перегибов и искривлений партийной линии. Как и все упомянутые ранее искривления, так и ликвидацию базаров, раскулачивание середняков, упразднение сельсоветов и многие иные припадки административного восторга автор пытается обобщить и синтезировать в этом образе. Все искривления и их творцов автор хочет рассмотреть как производное от идей и действий левака-полутроцкиста Валериана Ветрова. И здесь Бутковский встал на правильный и интересный путь. Но недостаточное уяснение и неудачное раскрытие в романе социального содержания перегибов, их схематичное и неверное изображение определили исход и этой новой попытки дать идейно-художественное обобщение искривлений партийной линии.

Отправившись по верному пути, Бутковский вскоре сбился и пошел по проторенной дорожке неглубокой, поверхностной и объективно неверной трактовки вопросов, обнаружившей недостаточное политическое чутье и зоркость автора.

Итак, перед нами Ветров.

«— Родился в девятьсот четвертом в семье монтера. Мать-полька, помню, говорила, что из благородных, а может и врала, — усмехнулся Ветров, — но из меня чертежника сделать хотела, интеллигента, одним словом. Городского я однако не кончил; в семнадцатом из-за голода поступил учеником к водопроводчику. С девятнадцатого в комсомоле. Был комитетчиком. С двадцать второго в партии. С двадцать третьего по двадцать пятый — студент полиграфинститута. Потом снова на комсомольской активной, а с прошлой недели инспектор политпросвета. Все, кажется...»

Такова несложная биография героя [1].

Довольно странно ведет себя Ветров на протяжении всего романа. Мы не ошибемся, если скажем, что и на нем, этом ноющем и сюсюкающем партийном интеллигенте, лежит все та же несомненная печать «ненормальности». И у

[1] Отметим кстати, что почти все герои романа длинно рассказывают при тех или иных обстоятельствах свои биографии. Это тоже немаловажное свидетельство неумения автора показать закономерность того или иного поведения, мыслей и чувств для данного действующего лица в процессе развертывания художественного образа и действия романа. Автору приходится прибегать к скучному подобию анкетного объяснения.

себя дома и на службе в окроно он движется, мыслит и работает, словно сам собою не владея. Он раздвоен, даже «растроен» и как бы опущен в сосуд с парализующей целеустремленность и сосредоточенность жидкостью. Откровенно троцкистские разговоры и выпады против партии и генеральной линии вытекают у него чаще всего из нудных рефлексий и тошнотворного самокопательства по всякому важному и неважному поводу.

«Противоречивость» Ветрова, бесспорно, напоминает «противоречивость» Бойцова из «Крушения». Здесь Исбах и Бутковский перекликаются.

«Ветров прошел к себе в комнату и, сев на стул, устало оглядел знакомое. Благоразумнее всего, пожалуй, было бы выехать с квартиры, но мысли ползли лениво, не складываясь в решение. И Ветров подумал, что хорошо бы жить на высокой башне, наблюдая, как внизу мчится жизнь, не спускаясь в ее беспокойные волны».

Он всегда «превозмогал вялость», мысли о работе казались ему неистово скучными, и он жадно искал «тишины».

Будучи направлен окрисполкомом в деревню, Ветров оказывается вдохновителем и поощрителем загибов.

Он устраивает в Глухарях дикий эксперимент с ликвидацией середнячества и организует «бедняцкое руководство».

Он болезненно ненавидит «аппаратчиков», называет линию ЦК эклектичной, его мучат вопросы о роли стихийного в истории, и он ежесекундно брезгливо повторяет: «Мы перерождаемся, мы перерождаемся».

Кого же хотел показать автор в образе Ветрова?

Троцкиста? Но изображать так троцкиста— значит не сознавать социальной сущности откровенного и озлобленного классового врага. Это значит видеть в троцкисте только лишнего, болтающего и никуда не могущего приткнуться человека, но не понимать, что это представитель чуждой и глубоко враждебной рабочему классу и коммунистической партии идеологии.

Ветров совсем не принадлежит к людям, которых нередко пьянят успехи и у которых от этого «начинает кружиться голова» (Сталин). Он совсем не потерял чувства реальности под ногами, так как именно у него этого чувства никогда и не было.

Образ Ветрова внутренне не оправдан, идейно-художественно слабо мотивирован и аналогичен, однако его объективно-троцкистская сущность не внушает никаких сомнений. А между тем образ Ветрова не разоблачен. Бутковский оказывается не способным подлинно развенчать контрреволюционного недоноска.

Ветров кончает жизнь самоубийством [1].

Последние дни Ветрова и его смерть отлично подтверждают предварительные выводы.

Он оставляет предсмертную записку, полную «откровенного» смысла.

«Как прекрасный сон, — пишет Ветров, — прошумела революция и оставила развалины станций, разрушенных бронепоездами, и встревоженную ниву человеческих сердец...»

Бесславно кончается существование Ветрова, и читатель остается в глубоком недоумении. Что это: стремление автора разоблачить интеллигенцию, антипартийность, левачество или, может, троцкизм? Но ведь этого не получилось, совсем не получилось. Автор не сумел диалектически показать и разоблачить ни троцкиста-контрреволюционера, ни партийца-загибщика, потому что не сумел вскрыть социальных причин ни того, ни другого, создал художественно не оправданный образ Ветрова, который и оказался вдохновителем и организатором загибов. Этим автор окончательно отрезал себе путь к правильному выяснению сущности, социального значения и корней перегибов, их вреда и необходимости борьбы с ними.

Так недостатки мировоззрения явились причиной художественной неудачи автора. Так актуальная и боевая тема предстает перед нами исковерканной, и ее развертывание оказывается не только лишенным идейно-художественной ценности, но и приобретающим объективно вредный смысл.

6

Следует отметить, что некоторые отдельные вопросы коллективизирующейся деревни автором поставлены и разрешены интересно и убедительно.

Это означает, что ряд значительных проблем автором продуман глубоко, и это обеспечило

[1] Такая уж повелась мода. Создается образ болезненного, рефлектирующего, троцкиствующего коммуниста, который долго путешествует по страницам произведения, а затем безжалостно уничтожается автором „самоубиения". Вспомните, например, Стремянникова в „Июне-июле" Митрофанова или Дыбца в „Жили два товарища" Левина... Все это свидетельствует конечно о неумении автора свести счеты со своим героем, пока он жив...

ему возможность дать местами яркие и развернутые картины. Но, как видно из предыдущего, эта продуманность целиком еще далеко не характерна для писателя.

Больше всего удаются автору образы крестьян и изображение отдельных событий в процессе социалистической переделки деревни.

Автор видит сложный переплет классовых отношений в деревне, он чувствует и понимает врагов, хотя и не в состоянии еще глубоко вскрыть все многообразие форм их сопротивления социализму. Правда, перед нами проходят отличающиеся методами борьбы против коллективизации кулаки, и, например, «хозяин» Голубкин, якобы мягкий и якобы все разумеющий и со всем согласный, горячо вдохновляет своего сына Харламушку на вооруженное выступление против организаторов колхоза. Интересно поданы фигуры подкулачников. Но все это хотя и берется в противопоставлении колхозу и его энтузиастам, однако не рассматривается в романе как единое целое в своей социально-классовой обусловленности. И еще одно замечание: образы кулаков лишены у Бутковского той набившей оскомину плакатности, какую они несут на себе еще, к сожалению, в других произведениях о деревне.

Как удаются автору образы крестьян — строителей социалистического сельского хозяйства? Здесь он достигает значительных успехов. Образ середняка Радостина в этом смысле наиболее показателен. Сложный путь единоличника от своего маленького клочка земли к большим коллективным полям показан убедительно и интересно. «Запутанные» отношения между Радостиным и его женой на почве вступления мужа в колхоз, противодействие этому Радостиной и в заключение приход ее самой в колхоз составляют лучшие страницы романа.

Батрачка Бездеткина и комсомолец Ленька менее развернуты в романе (особенно последний), но и в показе этих социальных фигур мы находим не мало знания действительности и понимания процессов, происходящих и переделывающих экономику, быт и психологию коллективизирующихся крестьян.

Хороши у Бутковского массовые сцены (ряд собраний во Вшивихе, особенно история с «бабами»).

Мы не рассматриваем здесь и ряд других удачных сюжетных и идейно-тематических комбинаций, имеющихся в романе. Мы оставляем сейчас в стороне и интересный образ окружного работника — партийца Заруцкого, в разработке которого Бутковский преодолевает ряд своих творческих пороков.

Мы не потому меньше говорим сейчас о достижениях Бутковского, что они незначительны или лишены общественно-литературной ценности. Нам, наоборот, кажется, что у Бутковского уже могут кое-чему поучиться некоторые молодые пролетарские писатели. Однако теперь гораздо важнее решительно указать на недостатки художественного метода Бутковского, тем более что его недостатки являются недостатками довольно большого количества молодых пролетарских писателей.

Преодоление идейно-творческих ошибок, обусловленных мировоззренческой слабостью, обеспечит дальнейший художественный рост пролетарской литературы. И поэтому нужно об этих ошибках говорить многократно и упорно.

7

Мы хотим остановиться еще на одном, почти незатронутом нами образе секретаря окружкома партии — ткачихи Чельцовой. Этот образ нам кажется в плане наиболее характерных недостатков творчества пролетарского литературного молодняка крайне интересным.

Вопрос о положительном образе эпохи представляет сейчас для нас огромное значение. Показ лучших ударников-энтузиастов социалистической стройки, героев большевистских темпов — это ведь и есть по существу уже работа по созданию такого образа. Идейно и художественно полноценный образ большевика, стоящего в авангарде рабочего класса — строителя социалистического общества, будет большим завоеванием пролетарской литературы. Над этим придется еще много и серьезно работать.

У Бутковского мы встречаем попытки создать такой образ в фигуре Чельцовой. Кто такая Чельцова, как ее видит и показывает автор? В прошлом она «фабричная девка», «крикливая ткачиха», ходившая «в кружок к пропагандисту и попавшая за это на три месяца в тюрьму».

«В войну работала она и в армии, и в женотделе, и в губпродкоме, и все это, оставаясь прежней бедовой Аришкой, действующей без долгих рассуждений. Партия любила Аришку, растила ее. Училась Ариша на курсах марксизма, а после учебы работала председателем крупнейшего фабкома, потом в Наркомюсте,

где люди были особенно вежливы и требовательны. И везде тетю Аришу уважали и побаивались ее немножко».

Скудны в общем сведения об Арине Егоровне Чельцовой. Если не считать слабых упоминаний о ее сыне-комсомольце, который учится в Ивановском техникуме, и о расстрелянном в девятнадцатом году ее муже — «веселом гравере», вся богатая подпольем, революцией и строительством деятельность Чельцовой остается для нас тайной за семью печатями.

Первое знакомство с Чельцовой, естественно, не может удовлетворить даже малотребовательного читателя, и поэтому мы спешим обратиться к сегодняшнему дню Чельцовой, что собственно и занимает главным образом автора.

Мы хотим узнать, как выросло настоящее Чельцовой из ее прошлого, как выковывали большевика годы ожесточенной борьбы на баррикадах революции, на фронтах хозяйственного строительства.

Так вот, видно ли сейчас по Чельцовой, как и откуда она выросла, что она представляет собой теперь, как живет и работает?

Начнем, пожалуй, с того, как выглядит Чельцова.

Этим автор занимается очень много.

«Ей было без малого 40 лет, но крупное, полное лицо казалось еще моложавым и красивым».

О ее лице, глазах и голосе автор говорит довольно подробно: «невинно улыбнулись ясные глаза», «спросил ласковый голос», «все обернулись к ней, и ее широкая озорная улыбка перешла понемногу на все лица», «добрая и ясная улыбка», «ясные, не умеющие сердиться глаза», и все в таком же и подобном духе изображает автор Чельцову.

Иногда он однако пытается уйти от внешнего описательства и глубже взглянуть на Чельцову. И вот что тогда получается:

«Ее лицо, ее движения выражали единую внутреннюю чистоплотность.

В этой женщине всякая двусмысленность, как и влияние эгоистических, личных соображений на поступки, казалась физически невозможной».

Автор, иначе говоря, торжественно декламирует о Чельцовой. Чельцова у Бутковского выглядит чем-то в роде чистого и светлого ангела на нашей грешной и грязной земле.

Автор резко противопоставляет Чельцову большинству из ее окружающих. Он хочет показать, что она, преданный и глубоко идейный партийный работник, совсем непохожа на всю остальную разношерстную массу окрисполкомщиков, райземотдельщиков. Но нужно ли это и как он это показывает?!. Противопоставление идет раньше всего и больше всего по линии внешности, при чем эта внешность настолько искусственно формируется, что вызывает у читателя как раз обратное чувство тому, которое хотел вызвать автор. Образ оказывается напыщенным и фальшивым. Разговоры о «единой внутренней чистоплотности» Чельцовой объективно звучат, как злая пародия.

Так неспособность показать действительного человека, его действительную сущность рождает схему. И так одновременно схема ликвидирует элементы идейности, вложенные автором в образ, или превращает их даже в свою противоположность.

Показ Чельцовой развертывается дальше, но от этого становится ничуть не лучше.

Чельцова стоит на генеральной линии партии. Как это идейно-художественно обосновано?

«Она вспомнила то, что знала наизусть,— решение ЦК от 5 января, строчки, набранные в «Правде» мелким петитом: «Коллективизация зерновых районов может быть закончена в основном весной 1932 года...».

Или еще:

«Чельцова рассеянно развернула газету, и ей показалось, что мысль нашла ответ, раньше чем прочли глаза: «Головокружение от успехов».

Это, очевидно, должно означать большое политическое чутье Чельцовой, должно показать, сколь верна и предана она генеральной линии партии. Предоставляем читателю самому определить, насколько справился здесь автор со своей задачей. Нам думается, что ответ может быть только один.

Такими же методами и в таком же духе развернут образ в его отношениях к другим лицам романа и в событиях, изображенных в произведении.

Чельцова воздействует на массы:

«Люди в комнате клонили головы все ниже, согнутые, раздавленные тяжким грузом этих слов, разбивающих легкий сон головокружения».

Излишне приводить еще множество цитат, из которых будет явствовать, что Чельцова самоотверженно и преданно борется за партийную линию. Но излишне в то же время и упоминать, что вся эта борьба идейно-художест-

венно совершенно не мотивирована. Автор не показывает, как все существо Чельцовой — все ее мысли и чувства, все ее поступки и желания, весь ее внутренний мир — насквозь пронизаны этой преданностью партийному делу.

Основной порок этого образа конечно в том, что он необычайно схематичен. Он предельно упрощен и поверхностен. Перед нами пока еще только своеобразная абстракция, которую надо наполнить мясом и кровью, мыслями и чувствами, но тогда это будет уже что-то совершенно иное. Интересно, что автор и сам чувствует необходимость показа внутреннего мира Чельцовой, но, когда он приступает к этому, у него почти ничего не получается.

«Кто-то слегка тронул рукав Заруцкого, и он обернулся. На него ласково и серьезно смотрела Чельцова.

— Весна... Небось, без жены сердце-то воркует,— сказала она, подмигнув заразительно...»

Это отступление во внутренний мир Чельцовой обнаруживает неумение автора диалектически показать человека как единство.

Образ Чельцовой порочен именно тем, что он внутренне никак не обоснован. Преданность Чельцовой партии, ее вера в победу социализма, ее стремление бороться до конца за коммунистические идеи не идут изнутри, не вырастают из ее существа, а как бы внешне, механически приделаны.

Нам думается, что пока нет оснований отказываться от следующих замечательных слов Плеханова из его статьи о Волынском:

«Художник должен индивидуализировать то общее, что составляет содержание его произведений. А раз мы имеем дело с индивидуумом, то перед нами являются известные психологические процессы, а тут уж не только совершенно уместен, но и вполне обязателен и даже чрезвычайно поучителен психологический анализ. Но психология действующих лиц потому и приобретает в наших глазах огромную важность, что она есть психология целых общественных классов или, по крайней мере, слоев и что, следовательно, процессы, происходящие в душе отдельных лиц, являются отражением исторического движения» (X, 190—191).

Это правильное положение, бесспорно, должно быть принято многими нашими молодыми писателями как директива к действию.

Вскрыть процессы, являющиеся психо-идеологическим содержанием Чельцовой, значило показать социальную обусловленность и классовую закономерность ее мыслей и чувств, значило дать художественно полноценный, идейно насыщенный образ. Это Бутковским не выполнено, и это должно послужить уроком и для него и для всех тех, которые отделываются в таких случаях бездушными схемами, свидетельствующими о слабости их мировоззрения.

Борьба за марксизм-ленинизм в художественном творчестве, борьба за диалектико-материалистический метод — это и борьба против образа-штампа, против образа-схемы, против поверхностности и упрощенчества в познании и изображении действительности, это борьба за подлинно партийное большевистское искусство.

СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Сагарев

О „ВЫЗОВЕ“ Н. БОГДАНОВА

«Вызов» Н. Богданова построен тем же почти творческим методом, что и первое крупное произведние его, успевшее стать известным очень многим рабочим читателям — «Первая девушка». Основные положительные стороны и недостатки являются в известном смысле повторением аналогичных моментов из «Первой девушки». Есть конечно и различие. В последнем произведении взята та же тематика, что и в первом, — жизнь и быт комсомола, но уже на новом этапе. Если в «Первой девушке» тема развертывается на основе социальных сдвигов, происшедших в деревне в годы гражданской войны, то в «Вызове» этой основой является начало борьбы за коллективизацию. Злободневность темы «Вызова» находится в полном соответствии с злободневностью его идеи: комсомол как организация сможет выполнить свою историческую роль строителя социализма при том только условии, если, работая под руководством ВКП(б), он не будет замыкаться в свою собственную скорлупу, а войдет как передовой застрельщик и борец в самую гущу трудящихся масс.

Сюжетно идея «Вызова» раскрывается так. Группа сельских комсомольцев, мужчин и девушек, объединилась в производственную коммуну «Вызов», повела работу с большим хозяйственным эффектом, но совершенно недоучла необходимости превратить коммуну в штаб по социалистической перестройке деревни, оторвалась от партии и крестьянской массы, впала в уклон частнособственнического накопления и тем самым позволила классовому врагу — кулакам — объединиться, сорганизовать вокруг себя наименее устойчивую часть крестьян и сагитировать их на разгром коммуны, что и было сделано.

Сюжет повести расцвечен многочисленными подробностями, осложнен мелочами и частностями. Автор стремился полнее и глубже вскрыть объективную действительность. Однако это не было реализовано достаточно удачно: автор не всегда следует правилу вскрывать в образной системе основные закономерности объективного мира. Он как бы забывает положение, высказанное Лениным, что «диалектика требует всестороннего показа данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и классовой борьбе» (т. XVIII, стр. 247—248). В противоположность сказанному у Богданова изобилует частное, второстепенное, случайное, не вскрытое в свете основных движущих сил развития, не подчиненное в своем показе целиком принципу диалектического единства противоположностей. В этом основной порок творческого метода Богданова.

То и дело срываясь с решающей закономерности классовой борьбы пролетариата в эпоху строящегося социализма, Богданов поверхностно развертывает содержание «Вызова». Вот комсомольская коммуна. Она дана уже как вполне развившийся организм. Какие социальные причины породили ее, через преодоление каких трудностей она сложилась, какие противоречия имелись в ней, каково ведущее начало и развитие — ничего этого не показано. А ведь это основное. Теперь ни для кого уже не тайна, что коммуна — новое качество, совершенно отличное от образований частнокапиталистического типа и далеко их превосходящее, что зарождается эта форма хозяйствования в процессе ожесточенной классовой борьбы пролетариата, руководимого парти-

ей большевиков, являясь в его руках могучим орудием социалистической перестройки деревни, основой ликвидации остатков капитализма и прежде всего ликвидации кулачества как класса, что созданию коммуны как массового вида колхоза должно неизбежно предшествовать создание менее совершенных видов коллективного хозяйства. В указанном разрезе, в плане показа ведущих закономерностей, их связей, переходов и опосредствований Богданов к проблеме коммуны **не подходит.** Стало аксиомой, что внутренняя сущность настоящей, существующей в действительности коммуны чрезвычайно сложна, многообразна: здесь и вопросы организации труда, и борьбы с уравниловкой и обезличкой, и подготовки кадров, и механизации производства, зарождения коммунистического отношения к труду, и роста нового быта, и возможности проявления оппортунизма как отражения влияния на определенном этапе мелкобуржуазной стихии и необходимости борьбы с ним, и влияния коммуны на окружающее население и т. д. В противоположность изложенному у Богданова все чрезвычайно просто. У него собралась группа комсомольцев, заняла землю, которая являлась негодной, а следовательно, и ненужной для крестьян, так что все обошлось к взаимному удовольствию тихо и гладко. Труд коммуны не показан как труд коллектива, в котором доминирует единая целенаправленность, единая система расстановки сил, а дан как механическое соединение труда ряда лиц, выступающих совершенно самостоятельно и преследующих разные цели. Комсомолец Алексей день и ночь работает на поле, чтобы показать окрестным крестьянам, как нужно «культурно» работать. Комсомолец Федор увлекается трудом как таковым, забывая, что в наших условиях труд является не самоцелью, а средством построения социализма и уничтожения классового врага. Комсомолка Катя хочет добиться путем труда улучшения материального положения коммуны, чтобы потом полнее отдаться личному счастью с любимым человеком, и т. д.

Ясно, что коммуна не могла существовать при таком отношении к труду, а если она существовала, то отношение к нему должно было быть другим. Тут Богданов не сводит концы с концами. Нам, может быть, скажут, что Богданов хочет показать коммуну, которая в полном составе впала в оппортунизм. Но показ оппортунизма ни в какой степени не освобождает автора от необходимости вскрыть причины, обусловившие отклонение коммунаров от генеральной линии партии, показать силу и характер кулацкого влияния. Этого у Богданова нет. Нельзя также допустить, чтобы оппортунизм мог сразу охватить всех членов коммуны. У Богданова же это происходит сразу и имеет значение для всех членов коммуны. Тем самым Богданов не сумел показать силу социалистического начала. Показать в коммуне борьбу двух противоречивых, взаимно исключающих друг друга тенденций, раскрыть, как одна тенденция постепенно брала верх над другой, — это задача чрезвычайно важная и нужная, но Богданов ее даже и не поставил.

Как разрешает Богданов вопрос о партийном влиянии на коммуну? Чрезвычайно примитивно. Из всего состава ячейки деревни коммуна соприкасается только с секретарем ячейки Дедюлиным — отъявленным оппортунистом, прямым агентом буржуазии. Комсомольской ячейки как организации для Богданова не существует. Больше того, члены коммуны ничем не обнаруживают себя как комсомольцы, и мы никогда об этом не догадались бы, если бы Богданов не выдал им комсомольских билетов. Он поступил бы вполне правильно, если бы, изображая комсомольцев как отдельные индивидуальности, наделяя каждого из них особыми чертами, он указал у них то общее, что объединяет их в одну политическую организацию, делает проводниками воли партии и рабочего класса. Этого Богданов не делает, и в этом его коренная ошибка.

У Богданова коммуна существует несколько лет, но о ней не знает ни одна общественная организация. Получается какая-то робинзонада. Только в конце повести рассказано, как о коммуне случайно узнал один партиец, приемщик хлеба на ссыппункте, и как потом он принялся за дела коммуны. Этому партийцу придан характер вездесущего духа. Он и хлеб принимает на ссыппункте за восемьдесят километров, и обследует состояние коммуны, и организует красные обозы, и выявляет кулаков, и приступает к организации колхоза и т. д., и все это в течение самого короткого времени и на огромном пространстве. То, что под силу только партии как организации, то с успехом выполняет один человек — т. Сорокопудов. О роли же и значении организации Богданов не говорит ни слова, точно ее не существует в природе.

Моменты классовой борьбы в деревне и вокруг коммуны также Богдановым чрезвычайно

принижены. Сделана попытка показать классового врага в лице баптистской группы, попа Ивана и ряда зажиточных крестьян, но не вскрыта их классовая сущность. Баптисты представлены чрезвычайно трудолюбивыми, практичными, расчетливыми людьми, но и только. У главы баптистов Лубкова пряничное предприятие, на котором работают сельские девушки, по существу он капиталист-эксплоататор, но эксплоататорская сущность Лубкова не вскрыта. Лубков собирает в своем доме по воскресеньям ребят деревенской бедноты, и читатель не ориентирован относительно того, радоваться ему по этому случаю или печалиться, так как по внешнему впечатлению ребятам в доме Лубкова далеко не плохо: их там оделяют вкусными пряниками, развлекают пением под рояль... Того, что Лубков, собирая ребят, прививает им эксплоататорскую, враждебную пролетариату идеологию, чтобы сделать их послушным орудием в своих руках, в повести не раскрывается. Даже указание на то, что в доме Лубкова детей обучают молитвам, не спасает положения, не срывает по-настоящему маски с лица баптиста. Вместо этого Богданов уделяет много внимания тому, как баптисты, «ничтоже сумняшеся», нарушают нравственный кодекс евангелия — пьянствуют, танцуют фокстрот, распутничают, но отсюда далеко еще до вывода, что баптисты — сторонники эксплоатации, что вся их деятельность вредна советской власти и что поэтому с ними необходимо вести непримиримую классовую борьбу. Напрашивается другой вывод — о необходимости для баптистов вернуться к чистоте евангельского учения в личной жизни.

Поп Иван объективно дан не как классовый враг, а как простодушный старичок, нападающий на комсомольцев за то, что они не ведут антирелигиозной работы, и уговаривающий мужиков не громить коммуны, когда они за это дело принялись. Здесь мы имеем искаженное изображение действительности. Может быть, Богданов и встречался с подобным типом попа, но этот единичный, эмпирический факт он должен был бы оценить как исключение, а не выводить его в качестве художественного образа, так как художественный образ всегда предполагает известное обобщение, вскрытие общего, основного в форме индивидуального, и только в таком случае образ служит средством классового познания и переделки мира.

Крестьяне в «Вызове» даны без достаточной связи с их социальным бытием. Большое место в повести отведено трем крестьянским парням — Егорке, Матвею и Авдоньке,—полюбившим одну и ту же девушку Анютку. Неразделенная любовь трех героев проходит красной нитью через все произведение и составляет значительную часть общего сюжета. Полюбившие дерутся между собой, с горя пьянствуют, подстерегают Анютку темной ночью, убивают своего мнимого соперника, председателя сельсовета Свечу, и т. д.

С трудом прощупывается социальная сущность этих героев. Мельком Богданов упоминает, что Авдонька мечтал зажить с Анюткой в мезанине за розовыми занавесками. Егорка чувствовал к Анютке чисто животную страсть— яркое выражение его крайне индивидуалистической натуры, а Матвей хочет взять Анютку в качестве хорошей домашней работницы. Было бы совсем не плохо, если бы любовь Авдоньки, Егорки и Матвея была бы построена на достаточно полном раскрытии упомянутых моментов, чтобы эти моменты были основными, вскрывающими классовые интересы. Но этого Богданов не сделал, впавши в уклон изображения любви как таковой, без достаточного вскрытия ее социальной природы.

Случайность изображаемых явлений и отрыв их от основных закономерностей развития и прежде всего закономерности классовой борьбы пролетариата на данном этапе — все это указывает на непреодоленный эмпиризм в творческом методе Богданова. Давая только отдельные стороны больших проблем современности, Богданов создает схематичные образы. В этом плане любопытен, например, образ председателя сельсовета, старого партизана Свечи. Последний проникнут самыми передовыми идеями, ненавидит кулаков, твердо верит в конечное торжество социализма, но это все у него только на словах, в практике же общественной борьбы он не показан, вследствие чего его образ получается односторонним.

Эмпирические тенденции творческого метода Богданова сочетаются с излишним психологизмом. Получается это потому, что Богданов не всегда осознает действительность с точки зрения основных закономерностей, не показывает действия людей в их обусловленности объективными условиями. Люди раскрываются им больше в плане личных настроений, чувствований. Нередко эти чувствования облекаются в форму самого углубленного любования предметами эстетизма и даже романтики. Вот несколько примеров. Начнем с самоуглубления. Бывший комиссар эпохи гражданской

войны и комсомолец Тараська увлекся «таинственностью» жизни баптистов и тоскует. Однажды «Тараська сел у окна и задумался. Да, здесь своя жизнь, свой мир. И в нем есть привлекательность... Он взглянул в окно. И увидел: в желтом свете обнаженные розовые женские руки катали янтарное тесто... Чьи они? Кто там? И ему вдруг захотелось туда, в этот домик. В тот самый сказочный, манящий домик бабы-яги. И вообще потянуло в эти хоромы странное любопытство — побыть здесь своим, все, все узнать. Что-то таится у них?» Мы сомневаемся, чтобы изображение внутреннего мира человека, в роде приведенного, имело большое познавательное значение для пролетариата. Приведем пример эстетизма. «Она (рожь.— Л. С.) стояла склонив тяжелый колос головы, потупившись,— невеста перед сватьями. Она слишком созрела, ей стыдно своей полноты, и вот-вот она не выдержит и крупные слезы просыплет на землю. Переползая через пушистые колена, все выше и выше ползет жук. Она беспомощна. Загорелые ребята смотрят на нее в упор, улыбаясь. Улыбки их радостны и нахальны». Здесь не только любование предметом, но и наделение его формой, которая это любование усиливает, создает чистый эстетизм, т. е. любование ради любования. Конечно это не пролетарский метод отношения к действительности. Примером романтики может служить следующее. Свеча — герой не только в настоящем, но и в прошлом. «В пятом году нескладный, неуклюжий подросток, влюбленный в учителя-революционера, застреленного казаками, он во время приезда карательного отряда снял с ноги лапоть и закатил им пощечину выхоленному земскому начальнику». Трудно поверить, чтобы крестьянский мальчишка не просто хватил бы земского начальника поленом или чем другим, что попалось под руку, а впал в такие тонкие нюансы выбора оскорбления, как удар лаптем по щеке, специально снятым с ноги лаптем. Здесь проявление романтики и интеллигентщины.

Ограничиться только отрицательной критикой «Вызова» было бы неправильно. Положительным в данном произведнии является прежде всего выбор тематики. Тема взята из жизни комсомола и раскрыта вокруг интересной и важной проблемы — колхозного строительства. Уже выбор темы и направление ее реализации указывает на партийную точку зрения. В повести не плохо разоблачен кулак Салов. Салов — приспособленец. На собраниях он кричит за поддержку советской власти, а чтобы не итти по списку кулаков, он сумел выставить себя в качестве благодетеля многих бедняков, которым он дает взаймы хлеб, деньги, помогает рабочим скотом. Подлинная эксплоататорская сущность Салова вскрылась только тогда, когда коммунист Сорокопудов возглавил наступление.

Удался Богданову в основном также показ колеблющейся, неустойчивой натуры середняка Чугунка. Участвуя в разгроме коммуны, он раньше других осознает политическую роль своего поступка и на этой основе развивает активную деятельность по созданию на месте разрушенной коммуны колхоза. Рядом с этим он собирается убить свою корову на мясо, чтобы не отдать ее в колхозное имущество, руководствуясь мыслью, что в колхозе будут породистые коровы. Так совмещаются в нем противоречивые элементы.

Уловлена Богдановым и та роль, которую неизбежно должны были сыграть в жизни коммуны рабочий класс и партия. Эта роль реализовалась в форме вмешательства комсомольцев-шефов, рабочих завода в дело оздоровления коммуны путем придания ей значения общественной организации, ставящей своей целью вовлечение в состав коммуны новых, наиболее подходящих членов и активное воздействие на жизнь деревни в направлении ускорения ее социалистической перестройки.

Бригада комсомольцев-шефов сумела нащупать те причины, которые лежали в основе оппортунизма коммуны, и ударить по ним. Первое же объединенное заседание шефов и коммунаров послужило пробным камнем того, может ли коммуна существовать дальше или же она должна распасться: стоял вопрос о приеме в члены коммуны сельского батрака, на принятии которого настаивали шефы, но против которого был самый прилежный, хозяйственный член коммуны Алексей, так как он не хотел, чтобы приходили новые люди на то имущество, которое нажито было его трудом. В самую решительную минуту в коммуне взяло верх социалистическое начало: батрак был принят в коммуну, а Алексей ушел из нее. Но диалектика борьбы, начавшаяся в коммуне, не могла остановиться на этом: коммуна пошла быстрыми шагами к оздоровлению, к выполнению задач, выдвигаемых реконструктивным периодом, а Алексей логикой борьбы доведен был до полного разложения, приняв участие в разгроме коммуны.

Гибель коммуны была высшей точкой. В рядах коммунаров произошла перестройка. Обострение борьбы имело своим результатом то, что перед бедняком и середняком стал во весь рост вопрос, требующий властно ответа: за кого они — за кулака или за советскую власть? Богданов сумел показать то решение, которое дают массы крестьянства. Понимание Богдановым значения классовой борьбы находится в полном соответствии с учением Ленина. «Нас, — пишет Ленин, — крайние меры сопротивления эксплоататоров могут только радовать... Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен научиться этому... Нас учит только серьезная, упорная, отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплоататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплоатируемыми» (т. XXII, стр. 157).

Повесть Богданова выиграла бы во много раз, если бы она вся, во всем своем объеме, была построена с учетом принципов, выраженных в цитате Ленина, являясь их образной реализацией.

Я. Соммер

О „ЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА“ Б. ЛЕВИНА[1]

Товарищи, участники гражданской войны, в настоящее время студенты. В центре поставлен образ Корчагина. Другой образ товарища дан лишь в плане противопоставления первому. Корчагин — интеллигент, стихийно, нутром, почувствовавший правду революции и безоговорочно примкнувший к ней. Он романтизирует эпоху гражданской войны, с восторгом вспоминая, как он, «грязный, в червях и вшивый, с матерной бранью, пер по степям. И, думая об убитых товарищах, Корчагин испытывает острое чувство стыда. Ему стыдно оттого, что он достиг благополучия, оттого, что «влюбленный и толстый» он плывет на пароходе с женой, красавицей-американкой, мимо забытых могил».

Вспоминания о гражданской войне тяготеют над сознанием Корчагина, в чем признается он сам. «Мы уж очень заплесневели в Москве. Ничего не видим. Мы живем воспоминаниями гражданской войны. А это было десять лет назад». Эта проникнутость прошедшим мешает Корчагину включиться в современность по-настоящему, оставляет его в стороне от событий. Но в противоположность своему товарищу Дебецу Корчагин четко и добросовестно делает свое дело: во-время сдает зачеты, имеет общественную нагрузку. Нельзя сказать, что работа его сильно увлекает, что он работает с полным напряжением. Он только мечтает о будущей своей работе, с нетерпением ожидая окончания университета, когда сможет наконец уехать из Москвы, где «скулят и киснут». По его мнению только в провинции можно работать по-настоящему.

Может быть, Корчагин хорошо будет работать в провинции. Даже наверное. Но, на протяжении всего романа автор не сумел показать его в процессе работы. Он показал лишь бытовую сторону жизни своего героя.

Корчагин — нормальный, здоровый человек, преданный партии и готовый умереть за революцию. Автор не боится показать его слабые стороны: беспомощность в сфере интеллектуальной, неуменье трезво учитывать обстановку, вспыльчивость.

Так, в спорах с Дебецом Корчагин пытается убедить своего противника не разумностью доводов, а собственной горячностью: «Самое главное, самое важное — это революция. Наша великая революция, которая кроет все на свете. Все! Ну, как ты не понимаешь? Ведь революция же, чорт возьми! — проговорил горячо Корчагин, сжимая кулаки». Так же неубедительно выступает он с защитой Дебеца на партийной чистке. Он сам никогда не бывал доволен своими выступлениями, так как главные мысли приходили ему в голову с запозданием. Нелепо его обращение с Дебецом после ухода к тому жены Корчагина, американки. Корчагин вскипел и закатил товарищу пощечину, ввязался в смешную дуэль с ним. Избиение хозяина пивной, мечты о домашнем уюте — все это, зарисованное автором любовно, с мельчайшими деталями, создает образ искреннего, горячего, прекраснодушного человека, но этот человек стоит в стороне от основных, существенных вопросов нынешнего этапа классовой борьбы. Это особенно ярко встает из сопоставления Корчагина с его другом. Дебец — широкая натура, отравленная романтикой гражданской войны. В условиях реконструктивного периода он не умеет найти применения своим силам, мечется, ничего не делает и разлагается. Его исключают из партии, и он стреляется.

Если Корчагин стоит на периферии классовой борьбы, не включен по-настоящему в ход

[1] В порядке обсуждения.

этой борьбы, то Дебец дан как человек прямо противоречащий интересам нового этапа революции.

Корчагин правильно определяет его, говоря, что он не романтик революции, а трепло и наганщик. «Тебе немедленно подавай мировую революцию. А то, что сейчас постное масло— лучший проводник строительства социализма и мировой революции — это тебе непонятно». Однако автор не сумел до конца разоблачить Дебеца и ложно объясняет его самоубийство приступом психостени. То, что Добец воспринимается как тип отрицательный, следует скорее отнести за счет читателя реконструктивного периода, чем за счет автора.

На фоне мечтаний и разложений Дебеца автор выпукло оттеняет скромность будничного Корчагина, выставляя его как бы идеалом современного партийца. Кроме геройствующего Дебеца, фоном для Корчагина служит целый ряд обывателей разных мастей, начиная от доктора, который откровенно заявляет: «Я мещанин. Я люблю покушать, поспать и попить. Мне много не надо. Я мещанин», и кончая дядюшкой Корчагина, сражавшимся на фронте в рядах Красной армии, а теперь брюзжащим контрреволюционером.

Чтобы подчеркнуть положительные черты героя, автор почти всех товарищей Корчагина по фронту рисует полуразложившимися, переродившимися. И плохо, что, воспевая героизм участников гражданской войны и не замечая его в строителях социализма, автор предпочитает современникам товарищей Корчагина, заявляя его устами: «Ничего, что они облысели и потолстели, ничего: когда потребуется, они вновь залягут у пулеметов... За каждого активного участника гражданской войны я отдал бы десять невоенных».

Среди густого фона обывателей выделяется Иван Васильевич, подлинный герой наших дней, глава одного хозяйственного учреждения. Благодаря неутомимой энергии и организаторским талантам Ивана Васильевича, это учреждение работало, как хорошо слаженная машина. Но, будучи вечно занят, он не сумел наладить свой быт. Автор брезгливо рассказывает, как он за неимением ножа пальцами размазывал масло по хлебу, как грязна и неприглядна была его комната. Этого неустройства Левин не может простить Ивану Васильевичу.

Зато серенького, будничного Корчагина Левин как бы пытается утвердить в роли героя нашего времени.

«Я и не претендую на какие-то необыкновенные качества, — заявляет Корчагин, — они мне не нужны. Эти «необыкновенные» чудаки вымирают, Виктор. У них испорчена печень. Их песенка кончена. Они сейчас не нужны. Время этих фокусников и канатоходцев прошло. Сейчас нужны обыкновенные, нормальные люди, которые во-время спят, во-время работают. А этих полусумасшедших чудаков не надо. Нормальные, здоровые люди, без всякой истерики, без всякого шума умирали и побеждали на фронтах гражданской войны. Нормальные, здоровые люди строят социализм. Они работают в лабораториях, на железных дорогах, на заводах, в шахтах, стоят за прилавком в кооперативах, выгружают картошку да собирают бутылки. Ты не улыбайся — все это нужно революции».

Этот узкий масштаб является и основной идейной установкой Левина. Левин прошел мимо действительного героя нового этапа революции. Чтобы быть героем строительства, недостаточно только хорошо работать, нужно уметь поднять работу на большую идейную высоту.

Автор поставил задачу показать в своей книге будни партийца. Постановка такой темы вполне законна и приемлема. Но изобразить будни революции Левин не сумел. Вместо этого получилась книга о быте.

Произошло это оттого, что людей социалистического строительства автор, желая показать обыкновенными людьми, вывел, сам того не подозревая, обыкновенными обывателями. Автор же даже быт изобразил неправильно, ибо в наше время нельзя давать быт обособленно. Ничего не получится. Быт, оторванный от текущей политики, от вопросов производства, от работы,— чепуха. Сосредоточенность на быте грозит опасностью отрыва, ухода от революции.

Идейные установки Левина, выраженные в повести, ограничены, узки. Левин не раскрывает вопросы жизни, быта партийцев в свете классовой практики пролетариата, не дает в образе своих партийцев представления об авангарде пролетариата — партии. Левин имеет все данные для того, чтобы, осознав свои недостатки и серьезно перестроившись, подняться на более высокий идейный уровень.

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Александров

М. СЛОНИМСКИЙ, „Фома Клешнев"

Интеллигенция и революция, место интеллигенции в революции — вот основная, ведущая тема всей попутнической литературы. Тема эта доминировала в творчестве К. Федина, Ю. Олеши, М. Шагинян, Вересаева, Славина и т. д. Зачастую (вернее, преимущественно) эти проблемы брались изолированно от всей социально-политической жизни страны, классовой борьбы. Общественные явления индивидуализировались, мир брался замкнутым, застывшим. Герои «варились в собственном соку», мучительно томились — принять или не принять революцию. Проблема интеллигенции в революции бралась статично, недейственно и внеклассово.

Последние годы характеризуются значительнейшей диференциацией в среде так называемой «попутнической» литературы. Проблема самоопределения и самокопания отходит в прошлое (мы говорим о писателях-союзниках: писатели, отходящие вправо, в роде С. Дуданцева, продолжают культивировать эту тему), уступая место важнейшей, подлинно генеральной теме нашего времени — соцстроительству. И на смену унылому «Унтиловску» приходят «Соть» и «Саранчуки» Л. Леонова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Кочевники» Н. Тихонова.

Повесть М. Слонимского «Фома Клешнев» глубоко союзническое произведение, которое несколько иначе решает проблему перехода попутчика к союзнику. Здесь нет строительства, шума фабричных труб, производственной атмосферы. Здесь снова интеллигенция и революция, но поставлена эта проблема уже по-новому. Проблема эта в романе связана со всей конкретной действительностью, со всеми социально-политическими процессами, происходящими в стране.

И в этой повести М. Слонимский рисует классовое расслоение интеллигенции, процессы классовой диференциации, интеллигенции последних лет борьбы. Отношение героев к социальной действительности, к диктатуре пролетариата, к политике партии—вот что в первую очередь выясняет писатель. Политическая насыщенность характеризует «Фому Клешнева». М. Слонимский не объекивист, сторонний наблюдатель. С позиции союзника пролетариата рисует М. Слонимский своих героев. Великий революционный поэт Маяковский писал о том, что «песня и стих — это бомба и знамя. И голос певца подымает класс». Голос Слонимского «подымает» пролетариат.

Борьба за интеллигенцию, за классовое идейное влияние на нее — вот в сущности основная тема «Фомы Клешнева».

Классовая борьба на идеологическом фронте — политически чрезвычайно актуальная и значимая тема, до сих пор не нашедшая еще углубленной и всесторонней разработки. «Фома Клешнев» — одно из удачнейших разрешений (хотя и не до конца) этой темы.

Классовый враг в лице профессора Будного, одного из крупнейших представителей старой буржуазной науки, пытается в своей борьбе против пролетарского государства опереться на интеллигенцию. Профессор Будный, типичнейший представитель буржуазной науки, — реакционер, искусный и хитрый враг. Он посылает за границу контрреволюционные статьи, он пытается «реставрировать капитализм через крестьянство». В интеллигенции он хочет найти единомышленников и пособников, создает «салон» (помните «салон» меньшевика Н. Н. Суханова). Сколачивает контрреволюционную группу. С профессором Будным жесточайшую и непримиримую борьбу ведет Фома Клешнев. Он—старый большевик-подпольщик (фигурировал уже в «Лавровых»), токарь по профессии; по своему образованию, знаниям, интеллектуальному уровню Фома не уступает представителям интеллигенции. Клешнев хорошо знает интеллигентскую среду, начиная с подпольных времен, и умеет работать не только с нею, понимать ее, но и переделывать, перевоспитывать. Клешнев использует те силы, которые можно привлечь на нашу сторону, помогает процессу переделки, перестройки отдельных представителей промежуточных слоев (Борис Лавров, Григорий Жилкин и т. д.). Он внимательно и чутко прислушивается к процессам, происходящим в интеллигентской среде. Но борьба за интеллигенцию неразрывно связана с классовой непримиримостью к чуждым идейным течениям в ее среде, к буржуазным влияниям. Помощь встающим на путь переделки, идейное влияние на колеблющихся, мечущихся и беспощадная борьба с классовым врагом, с капиталистическими реставраторами — вот программа Клешнева. И в своем произведении М. Слонимский выражает эту программу в художественных образах.

Обострение классовой борьбы усиливает диференциацию в интеллигентской среде. Это запечатлено в целом ряде мест романа. В образе Клешнева дано отношение партии к этим процессам, ее классовая, политическая линия по отношению к интеллигенции.

Фома Клешнев и Будный — подлинно живые, действенные классовые люди. В этих сильных и ярких образах М. Слонимский успешно преодолевает обычный схематизм изображения вредителей, коммунистов, как «кожаных курток».

Вот перед нами Будный. Никакого «злодейства». Он очень сдержан, спокоен, чуть ли не добродушен. Никаких отрицательных внешних признаков. Но М. Слонимский вскрывает «нутро» врага, он показывает, как за сдержанностью хранится неугасимая злоба и ненависть к пролетариату, мечты о реставрации. И мы начинаем понимать это спокойствие, как выдержку хищника, готового пойти на кровь, преступления ради осуществления своих идей о реставрации.

М. Слонимский не только показывает подлинное лицо классового врага, но и новые процессы, происходящие в среде буржуазной интеллигенции, в среде буржуазной науки. Гниение класса вызывает пересмотр взглядов. (На Западе мы видим, например, создание новой «антимашинной» философии — Освальд Шпенглер, распад стиля буржуазной литературы и т. д.). Так и Будный начинает сомневаться в своей науке, в своих работах. Может быть, они только «громада скучных заблуждений, торжественного непонимания и высокомерной глупости», раздумывает профессор, обозревая в книжном шкафу свои работы.

Враг дан не упрощенски, а глубоко, в политическом, классовом аспекте. Следует заметить лишь то, что в романе слабо дан политический оттенок классового врага (кондратьевец ли «академик» в роде Платонова?).

Основной же герой романа — коммунист Фома Клешнев.

Основные качества Клешнева — глубочайшая преданность, партийность, осознанная от начала до конца. И революция — «путеводная звезда» в жизни Клешнева. Отсюда идут жизненные принципы Клешнева — принципы коммунистической морали. Этика класса, интересы революции — вот что определяет отношение Фомы к отдельным людям класса, к отдельным социальным прослойкам. Клешнев чрезвычайно внимателен, заботлив к людям, идущим к революции, осознавшим свои ошибки и перестраивающимся (Г. Жилкин), и беспощаден к врагу, к Будному. И в жизненных отношениях Клешнев выше всего ставит интересы революции. В Клешневе есть и слабости, срывы, промахи — он вовсе не лакированая «монолитная глыба». Ведущее, основное в его образе — коммунистическая мораль, партийность в работе, личных отношениях — удачно запечатлено писателем. Кроме образов Клешнева и Будного, в романе мы находим еще три чрезвычайно колоритных образа — Юрия и Бориса Лавровых и Григория Жилкина. Григорий Жилкин — это образ активной, до конца перестроившейся интеллигенции. Борис — наш союзник, активно еще не включившийся в социалистическую практику, принявший пролетарскую диктатуру, но не осознавший ее до конца. И наконец Юрий Лавров — приспособленец, беспринципный и мелкий человечишка.

Образ Г. Жилкина определенно неудачен. В «Лавровых» Г. Жилкин — революционер, большевик. В 1917 году Жилкин уходит к меньшевикам, активно долгое время борется против большевиков. В «Фоме Клешневе» мы его видим возвратившимся из ссылки, врагом большевизма. В «салоне» Г. Будного он произносит речь, целиком совпадающую с настроениями реставраторов. Он говорит о путях перерождения большевизма, говорит языком Н. Устрялова. И совершенно неожиданно мы его видим в стане революции, разрывающим с прошлым и активно выступающим с боевыми статьями, речами против Будного.

Возможна ли такая переделка? Безусловно. Но в романе нет художественной убедительности в этом резком повороте Григория Жилкина. Очень наивно и неубедительно звучат слова о революционной натуре Жилкина и об отталкивающей обстановке разговоров в «салоне». «Из-за них я, может быть, сдался» (?). Сложный процесс переделки таких людей, как Жилкин, показан чрезвычайно упрощенно, наивно, политически неверно. Нельзя так легко, упрощенно (ведь путь переделки Г. Жилкина дан в плане личном, а не классовом) решать такие сложные проблемы, как переход от меньшевизма к большевизму.

Да и вообще процесс переделки Жилкина в революционера нельзя считать характерным для активной части подлинно советской интеллигенции. Других же представителей этой важнейшей, характернейшей прослойки интелигенции в романе нет. Это значительный пробел романа М. Слонимского.

Борис Лавров — главное действующее лицо в «Лавровых». Он приходит в партию в 1917 году, но остается чуждым идейной сущности большевизма; он попутчик революции, но не активный, сознательный участник, борец. В этом романе Борис Лавров вообще отходит на второй план, и дается вне общественной активности, вне классовой борьбы. Он принял революцию, но не стал активным участником ее. Он привык лишь выполнять задания Фомы Клешнева, привык быть его отражением. И лишь в конце романа, спасая Клешнева от нападения сына Будного, он начинает понимать «общее дело, общую цель». Борис дан в становлении, в преодолении бездумного, опростительского и мало активного «приятия» революции. В образе Бориса дан ряд интересных наметок, черточек, но он как-то не закончен, смутен. Будный, Клешнев, Жилкин, Юрий даны в обобществленном плане, а Борис дан преимущественно в личном. Образ Бориса лишь намечен, но не разрешен.

Юрий Лавров — яркий образ, данный разоблачительно, зло. Юрий бесхребетен, беспринципен: где больше житейских благ, там и он. Он, «угнетаемый» советской действительно-

стью, «охотно» ее «приемлет». Этот строй может оказаться подходящим и даже выгодным для него. Он искусно лавирует между Будным и Жилкиным. Личные интересы у Юрия всегда доминируют над общественными. Образы интеллигента-обывателя, мещанина, научного работника с чиновничьим честолюбием сильно, запоминающе даны М. Слонимским.

Достоинства романа как идейного, так и художественного порядка бесспорны. Но в нем есть и существенные пробелы. Основной пробел — это неумение подойти к социальным явлениям со всей глубиной, со всей сложностью, показать все явления в развитии, в действии, в их взаимной связи. Нет всей диалектики общественных явлений, дан некий отрыв личного от целого.

Например, Будный дан одиноким, «салон» — его семья сын, зять. Не дана связь с его единомышленниками, с его подлинной партией, с его заграничными хозяевами.

Почти так же дан и Фома Клешнев — вне связи с пролетариатом, партией. М. Слонимский еще не преодолел чрезмерный психологизм, в какой-то мере характерный для прошлого попутничества, для мелкобуржуазного писательства. И в романе мы не видим классовой общественной практики героев романа. Больше того, они даются через размышление, разговор, переживания и т. д., но не через дело, практику. Данные вне действия, герои оторваны от своих классов, социальных прослоек. Это мешает писателю вскрыть всю сложность и многообразие действительности, ведет к статичности, некоей замкнутости. Расслоение интеллигенции надо было еще крепче связать с процессами обострения классовой борьбы в стране.

Из отдельных недостатков следует отметить следующее.

В романе фигурирует молодой партиец Ваня Бушуев, проповедующий крайне «левые» фразы: интеллигенцию надо в «мешок и в воду» и т. д. И Фома Клешнев, чрезвычайно внимательный к процессам, происходящим в среде интеллигенции, не уделяет внимания Ване. Он не разоблачает политической вредности его «теорий».

Образ Бушуева и отношение Фомы к нему как-то непродуманны, неясны.

Многое в романе намечено, но не раскрыто до конца. Много ошибочного, неверного. Но идейный рост М. Слонимского бесспорен. «Фома Клешнев» — решительный и в общем удачный шаг вперед. Преодолевая препятствия, груз прошлого, М. Слонимский решительно перестраивается. Успехи начатой творческой перестройки бесспорны.

В. Бураков

В. ГЕРАСИМОВА и Б. ЛЕВИН, „В поисках принудительного труда“

ГИХЛ, М.—Л., 1931, тир. 25.000, цена 15 коп.

«Буржуазная печать распространяет бессовестную ложь о «принудительном труде» в СССР, но она предпочитает замалчивать подлинные факты рабства наемных рабочих и трудящихся крестьян в странах капитализма».

«В невыгодное дело ввязалась капиталистическая пресса со своей кампанией о «принудительном труде». Оскандалится она на этом деле вконец!» (Из доклада Молотова VI Съезду советов.)

Таков эпиграф, предпосланный к книжке Герасимовой и Левина.

В книге даны два очерка о лесозаготовках — результат поездки авторов в Северный край в феврале 1931 года.

Дать достойный отпор клевете буржуазной прессы о «принудительном труде» в СССР, показать действительное положение вещей, ударную работу на фронте лесозаготовок — вот задача, которую поставили тт. Герасимова и Левин в своих очерках.

Справились ли авторы с этим в своих очерках?

Да, в основном справились.

Содержание очерка Б. Левина в кратких чертах сводится к следующему. Автор встречается в Архангельске с иностранным журналистом Шарлем Фильп, приехавшим из-за границы для того, чтобы написать книгу о «принудительном труде» в Советском союзе.

Буржуазный журналист предлагает т. Левину вместе ехать на лесозаготовки: «Ведь вы собираетесь тоже что-то такое писать о лесозаготовках. Вот едемте вместе. Вы будете писать, и я буду писать. Хотите? **Мы будем видеть с вами одинаковые вещи и посмотрим, посмеете ли вы написать об этом в вашей прессе. Я-то посмею, а вот вы — сомневаюсь».**

Через две недели, вернувшись в Архангельск, они читают друг другу свои очерки, написанные на одну и ту же тему.

Но как очерки Шарля Фильп разнятся от очерков т. Левина!

Фильп глазами буржуазного журналиста смотрит на мир. Для него 46 студентов Лесного института, отбывающих трехмесячную

производственную практику в лесу, отбывают «принудиловку».

Фильп видит только отрицательное, заостряет внимание читателя только на плохом, намеренно обходя все положительное, все те громадные сдвиги, которые произошли в жизни лесорубов (улучшение условий работы, культурное обслуживание и т. д.).

Замалчивая обо всем, Фильп тем самым выполняет «социальный заказ» своего класса — создает легенду о «принудительном труде» в СССР.

Совсем противоположное читаем у Левина. Левин просто и убедительно рассказывает о виденном им: об ударной работе, о быте лесорубов, не замазывая недочетов и отрицательных, теневых сторон, о недостаточной гибкости, косности администрации некоторых леспромхозов, проявляющихся в отдельных случаях, хотя бы в нежелании механизировать, облегчить труд лесорубов при помощи шведских пил «компис», сотнями валяющихся на складах (такая пила дает от 10 до 12 кубометров леса в день, в то время как, работая обыкновенной пилой, лесоруб вырабатывает до 4 кубометров).

Левин ставит и разрешает интереснейшую тему: женщина на лесозаготовках.

Левин воспринимает виденное им сквозь призму советского писателя, не стороннего наблюдателя, а непосредственного участника соцстроительства. И в этом существеннейшее отличие очерков Левина от очерков Фильпа.

В. Герасимова в прекрасном очерке «38 свидетелей» рассказывает о работе бригады лесорубов-норвежцев.

Бодростью, подлинным большевистским энтузиазмом заражает этот очерк. «И тогда под взглядом этих зорких светлоголубых глаз — почти того же оттенка, что и у архангельских крестьян, — в нас просыпается дух агитаторов. Отрубленной веткой один из нас вычеркивает по снежному настилу грандиозную цифру «5». И неожиданно по сосредоточенным лицам норвежцев проходит теплое дуновение понимания. Они кивают нам. Улыбка раздвигает губы.

— Пьят-льетка, пьят-льетка! — повторяют неумело губы.

Затем норвежцы о чем-то возбужденно говорят Стерли.

— Мои товарищи поручают передать вам, что они знают, что такое пятилетка. Они поручают передать, что из тридцати восьми, которые были законтрактованы на один год, тридцать хотят остаться в СССР до конца пятилетнего плана».

Книга «В поисках принудительного труда» — **хорошая, нужная книга,** примерами жизни и работы в СССР опровергающая гнусную клевету буржуазии.

От редакции

В № 23—24 журнала „Молодая гвардия" в отделе „Молодогвардейский свисток" помещена эпиграмма С. Швецова «Медвежьи услуги", в которой, автор переводя на язык современных литературных споров известную пословицу из басни Крылова, выразил это в следующих словах:

Однако наш „услужливый" С. М.
(Как говорится в знаменитой басне)
Для органа ЦК ВЛКСМ
Беспалова и Зонина опасней.

Получилось расхождение между намерением автора и объективным смыслом этих строк, дающим возможность толковать их как утверждение того, что упрощенчество представляет собой большую опасность, чем враждебные теории вождей „Литфронта", смыкавшихся с праволевацким блоком Сырцова—Ломинадзе. Считаем своей ошибкой, что это четверостишие не было исключено из эпиграммы.

В том же отделе помещена эпиграмма т. Вальцовщика на книжку П. Рожкова „Против толстовщины и воронщины". Совершенно правильно бьющая по рожковщине эпиграмма не содержит в себе моментов необходимости критики ряда действительных недостатков в работе РАПП, на которые указали партия и комсомол. Это может дать повод к неправильному толкованию, что редакция „Молодой гвардии" предостерегает от всякой критики РАПП. Хотя в этом же номере помещена статья т. Косарева, в значительной мере определившая перестройку РАПП, все же отсутствие этого момента в эпиграмме считаем с нашей стороны недосмотром, который снижает ценность эпиграммы.

СОДЕРЖАНИЕ

И. В. Сталин — О некоторых вопросах истории большевизма, письмо в редакцию журнала „Пролетарская революция" 5
Передовая — Разоблачим троцкистскую контрабанду 13

ПРОЗА И СТИХИ

Н. Асеев — Песня 42-й параллели 20
В. Ставский — Сильнее смерти, рассказ 22
Б. Ясенский — Вступление к поэме, перевод М. Живова 42
М. Завьялов — Рафик, роман 43
В. Аврущенко — Слово Калиновскому, стихи 66
Б. Лапин и З. Хацревин — Из устной поэзии Таджикской ССР . . . 67
В. Шенштедт — Макс Альтдорф, роман из жизни немецкой рабочей молодежи 70
Б. Глебов — Поезд отходит через минуту; Учеба, стихи 89

ПУБЛИЦИСТИКА

А. Косарев — За большевистскую хватку 91

ЗА РУБЕЖОМ

Ю. Корольков — Звенья великой ненависти, очерк 100

ПОКАЗЫВАЕМ ЛУЧШИХ

С. Фиксин — Николай Румянцев, очерк 106

НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ

И. Александров — Гегелевское наследство и марксизм-ленинизм . . 111

ИСКУССТВО

Л. Варшавский — Пути и перепутья советского плаката 117

НАША ТРИБУНА

И. Макарьев — Пути перестройки, стенограмма речи на V пленуме РАПП 122
А. Безыменский — Создать условия для творческой работы, стенограмма речи на V пленуме РАПП 128
А. Троицкий — За Магнитострои литературы, стенограмма речи на V пленуме РАПП 132
Г. Грин — Лицом к комсомольской тематике, стенограмма речи на V пленуме РАПП 138

КРИТИКА

Г. Брозман — „Великий перелом" в романе Бутковского, заметки о „Девятьсот тридцатом" 140

СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Сагарев — О „Вызове" Н. Богданова 150
Я. Соммер — О „Жили два товарища" Б. Левина 154

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Александров — М. Слонимский, „Фома Клешнев" 156
В. Бураков — В. Герасимова и Б. Левин, „В поисках принудительного труда" 158

1 руб.